М.С. ГРИГОРЬЕВ • Д.В. САБЛИН

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов (2025)

М.С. ГРИГОРЬЕВ • Д.В. САБЛИН

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов (2025)

Москва
«Вече»

УДК 344
ББК 67.408
Г83

Григорьев, М.С., Саблин, Д.В.

Г83 Военные преступления киевского режима в Курской области и в Донецкой Народной Республике. Материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов (2025) / М.С. Григорьев, Д.В. Саблин. — М.: Вече, 2025. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-4484-5275-8

Знак информационной продукции **16+**

В этом издании представлены собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов непосредственные свидетельства пострадавших от вооруженных сил Украины. В Курской области ВСУ расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков, как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах с полным пониманием невоенного статуса жертв, наносили удары по больницам и церквям. На временно подконтрольной Украине территории русскоязычное население с 2014 года подвергалось постоянному террору. Показания свидетелей обличают украинскую власть в убийствах, пытках, избиениях, изнасилованиях, исчезновении людей и прицельных обстрелах их домов. ВСУ открыто говорили о своей ненависти к русскоязычному населению Донбасса, а угрозы убийств и расстрелов мирного населения были постоянной практикой киевского режима. Представленные в издании факты являются доказательствами военных преступлений, которые не имеют срока давности.

УДК 344
ББК 67.408

ISBN 978-5-4484-5275-8

© Григорьев М.С., Саблин Д.В., 2025
© ООО «Издательство «Вече», 2025
© Международный общественный трибунал
по преступлениям украинских неонацистов, 2025

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках книгу «Военные преступления киевского режима в Курской области и в Донецкой Народной Республике (2025)». Издание продолжает серию публикаций, документирующих бесчеловечность и варварство вооруженных формирований Украины.

Неонацистский режим В. Зеленского всеми силами стремится скрыть факты о совершаемых им многочисленных преступных акциях против гражданского населения. В этой связи работа по поиску, сбору и фиксации свидетельств очевидцев и жертв злодейств укробандеровских карателей крайне важна. Собранные факты должны лечь в основу расследований и обвинительных приговоров судов в отношении как непосредственных исполнителей, так и идеологов преступлений киевской клики против человечности. Будем и далее способствовать распространению подобных материалов на различных многосторонних площадках.

Приветствуем и поддерживаем усилия Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, возглавляемого М.С. Григорьевым. Привлечение к его деятельности общественных организаций и волонтеров способствует достижению главного результата — выработке должной правовой оценки человеконенавистнической, русофобской сути нынешнего режима в Киеве, грубо попирающего принципы и нормы международного гуманитарного права.

Решению этой задачи служит и данная книга, которая, убежден, вызовет большой интерес не только в России, но и далеко за ее пределами.

С.В. Лавров,
Министр иностранных дел Российской Федерации

Уважаемый читатель!

Следственный комитет России с 2014 года расследует уголовные дела о преступлениях киевского режима, совершенных в отношении мирных жителей Донбасса, российских граждан и военнослужащих. Собранные материалы формируют доказательственную базу для судебных процессов в отношении фигурантов, причастных к многочисленным нарушениям базовых принципов и норм международного гуманитарного права.

Нацистская сущность киевского режима, который не способен противостоять России на военной арене, заставляет его снова и снова поступать низменно и цинично. Свидетельством тому многократные атаки с применением беспилотных летательных аппаратов на жилые дома и объекты гражданской инфраструктуры.

По мере освобождения оккупированных территорий, находившихся под гнетом украинских боевиков, мы получаем все больше информации об их невинных жертвах, среди которых люди, никогда не державшие в руках оружия, старики, женщины и дети.

Реализуя принцип неотвратимости наказания, Следственный комитет России во взаимодействии с представителями силового блока планомерно реализует свои полномочия по привлечению к уголовной ответственности украинских боевиков и представителей преступного нацистского режима. В их числе как военнослужащие рядового состава — исполнители этих злодеяний, так и их командиры, включая представителей высшего командования армии Украины, непосредственно отдававших преступные приказы.

Значимый вклад в эту работу вносят представители СМИ и общественности, которые не только фиксируют последствия бесчеловечных злодеяний, но и наглядно демонстрируют объективную картину происходящих событий. В условиях современного информационного противостояния важно предать гласности действия киевской хунты, её цинизм и малодушие.

В издании «Военные преступления киевского режима в Курской области и в Донецкой Народной Республике (2025)» систематизированы и в доступной форме отражены свидетельства преступлений вооруженных формирований Украины.

Это не сухая статистика, а реальные истории наших с вами соотечественников, которые иллюстрируют масштаб происходящего и позволяют читателю сформировать собственное представление о трагических последствиях преступных решений и действий нынешней киевской власти, ее пособников и покровителей.

А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
генерал юстиции Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор

Уважаемый читатель!

«История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Этот, будто отлитый из орудийной бронзы, афоризм великого русского историка Василия Осиповича Ключевского вполне мог бы стать эпиграфом к книге, которую вы держите в руках.

Она — не первая и, скорее всего, не последняя летопись того тревожного и кровавого времени, которое подстерегло нас на пороге XXI столетия. Так уж устроен человек, что его память старается сохранять хорошее и отсекает все ужасы, с которыми ему приходилось сталкиваться или слышать. Однако забвение истории, даже страшной и кровавой, никогда не доводит до добра.

Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (далее также — Международный общественный трибунал, или Трибунал) ведется системная работа по сбору свидетельств о преступлениях киевского режима, их обнародованию на российских и международных площадках, передача в судебные органы стран мира для наказания виновных. Документальные факты и рассказы очевидцев, подтвержденные фотографиями с места событий, указывают на опасность возрождения фашизма и призывают к борьбе с этим безусловным злом, его идеологией и антигуманными практиками.

Мы активно сотрудничаем с Международным общественным трибуналом. При нашем участии в пресс-центре «Россия сегодня» состоялась презентация докладов «Массовый расстрел вооруженными силами Украины мирных жителей города Селидово» и «Злодеяния киевского неонацистского режима в Курской области».

В альманахах Трибунала находят отражение факты из поступивших в наш адрес обращений жителей ДНР, родных и близких участников СВО, попавших в плен, родственников и знакомых более тысячи курян, которые пропали без вести или были угнаны на Украину.

Правозащитная дипломатия помогла вернуться домой 132 жителям Курской области, в том числе 22 благодаря российской миссии в стамбульском формате. Продолжаем держать на контроле вызволение еще 32 курян, по-прежнему незаконно удерживаемых на территории Украины. Обстоятельства задержания для всех схожи — абсолютно мирные, невоенные люди неожиданно попали под «каток» безжалостной, беспринципной украинской военной машины. В заключении им довелось испытать моральное и физическое давление — завязанные глаза, перемотанные скотчем руки, истязания, плохое питание, бесконечные допросы, многочисленные перемещения по украинской территории.

В предлагаемой книге Международного общественного трибунала представлены очередные свидетельства нарушений норм Женевских конвенций, определяющих правила защиты людей при вооруженных конфликтах.

Мы уверены, что наступит время очередного международного трибунала, рано или поздно правосудие неотвратимо настигнет военных преступников, их вдохновителей.

В прошлом веке это было закреплено итогами Нюрнбергского, Хабаровского и еще 11 трибуналами над военными преступниками и их пособниками: Краснодарским, Харьковским, Краснодонским, Смоленским, Брянским, Великолукским, Минским, Рижским, Киевским, Николаевским и Ленинградским. Где пройдут судебные заседания века нынешнего? В Донецке, Луганске, Курске, Белгороде... Все это еще впереди, но очевидно, что факты: рассказы очевидцев, показания военных преступников, жуткие кадры

фото и видеосъемки — все то, что представлено в докладах и отчетах Международного общественного трибунала, которые приведены в этой книге, станут неопровержимыми доказательствами преступной сущности киевского режима.

И сегодня наша обязанность фиксировать преступления неонацистов, факты геноцида, доводить до людей всего мира эту горькую правду, сохранить ее в памяти граждан России. Для того чтобы нашим детям, внукам и правнукам снова не пришлось с оружием в руках отстаивать главное право человека — право на жизнь, мы обязаны знать и помнить: преступления, совершенные против человечества, не имеют срока давности.

Это наш долг и вклад в будущее цивилизации.

Т.Н. Москалькова,
уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Дорогие читатели!

Без прошлого никогда не будет будущего. Наша память — это то, на чем строится вся дальнейшая жизнь. И помнить нужно не только о хорошем.

В августе 2024 года Курская область столкнулась с тем, что переживала наша страна только в годы Великой Отечественной войны. «Военные преступления киевского режима в Курской области и в Донецкой Народной Республике (2025)» — это не просто книга об исторических событиях. Это живые голоса очевидцев, своими глазами видевших злодеяния украинских боевиков, для которых память стала дешевле мнимого превосходства. Каждая история — это сотни сломанных судеб, в чей дом пришла большая беда. Многие из героев книги, кто поделился своими воспоминаниями, прошли через издевательства и пытки, выжили в подвалах без еды, воды и света. Некоторые уже никогда не увидят своих близких.

Я работаю в Курской области с декабря 2024 года. Поводы говорить о преступлениях украинских нацистов появляются здесь буквально каждый день. Я знаю примеры бесчеловечных преступлений против русского человека, знаю примеры героических людей, который прикрывали собой других. Знаю, как далась нам Победа на Курской земле. Забыть эмоции людей, которые попали под обстрел или выбрались из украинского плена, невозможно!

Как сейчас помню: в очередной раз приехал в Курскую областную больницу, которая за все время с начала августовских событий поставила на ноги свыше тысячи человек. Навещал раненых. В одной из палат были двое мужчин, которых спустя несколько месяцев оккупации

смогли эвакуировать наши военные. У одного мужчины погиб 7-летний сын: он был в подвале, когда в дом прилетел дрон. Ребенка завалило обломками.

Одна из женщин рассказывала, как они — раненые — по заминированной земле шли с Курской Коренной иконой в руках. Остались целы. Другую ранило автоматной очередью нацистов: наши военные укрыли её у себя, несколько месяцев ухаживали, а после буквально на руках несли несколько километров, чтобы эвакуировать в Курск. Украинские звери сожгли дом, где лежал неходячий отец женщины.

В результате вторжения в регион погибло не менее 300 мирных граждан, более 700 человек пострадали. Наш долг — помнить о каждом, кто стал жертвой зверских злодеяний. Убежден в том, что изуверства боевиков носят продуманный и системный характер!

Те, кто забывает уроки прошлого, вынужден дорого платить по счетам в будущем. Время суда над палачами и извергами придет неминуемо! Верю, что тогда вынесет свой вердикт Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов, для которого в том числе было подготовлено это расследование. И книга, которую вы держите в руках, станет важным и абсолютно неопровержимым свидетельством обвинения. Ни один военный преступник — от рядового солдата до генерала — совершивший злодеяния на Курской земле, не должен уйти от заслуженного наказания.

Вечная память всем, кто не дожил до освобождения Курской земли. Вечная слава всем, кто приближал этот исторический день. Мы никогда вас не забудем.

Александр Хинштейн,
временно исполняющий обязанности губернатора
Курской области

Уважаемый читатель!

Книга, которую вы держите в руках, посвящена одной из острейших тем новейшей истории России — военным преступлениям вооруженных формирований Украины.

Свидетельства, собранные от жителей освобожденных населенных пунктов, — прямые доказательства насилия в отношении мирного населения, нарушения международного гуманитарного права и применения запрещенных методов ведения боевых действий.

С 2014 года противник систематически наносил удары по школам, больницам, жилым домам в Донецкой Народной Республике. Имеются подтвержденные случаи пыток и жестокого обращения с гражданскими лицами. Эти действия сопровождались идеологией ненависти к русскоязычному населению, насаждаемой националистическими формированиями, в том числе «Правым сектором» *(экстремистская организация, запрещена в РФ)*.

Неизбежно сравнение с фашистской оккупацией Донбасса в годы Великой Отечественной войны. Недавно рассекреченные материалы ФСБ, относящиеся к периоду оккупации Горловки и Мариуполя немецкими захватчиками в 1943 году, описывают схожие случаи: убийства гражданских, уничтожение заводов, домов, культурных учреждений, принудительные депортации и пытки военнопленных. Эти архивные документы подчеркивают сходство методов, применяемых тогда фашистами и сейчас, спустя десятки лет, украинскими неонацистами.

Геноцид мирного населения стал инструментом ведения войны, которую поддерживают страны Запада вместе с НАТО, поставляя вооружение, разведданные, обучая

украинских боевиков не жалеть никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. За 11 лет конфликта в Донецкой Народной Республике от действий киевского режима погибли почти 250 детей, еще более тысячи были ранены.

И сегодня, когда агрессия со стороны Украины продолжается, особенно важно документировать происходящее: опрашивать свидетелей, собирать доказательства и фиксировать каждое преступление. Мы обязаны сохранить правду — через новости, статьи и литературу, документальные фильмы, патриотическое кино.

Огромная благодарность авторам книги Максиму Григорьеву и Дмитрию Саблину, а также Международному общественному трибуналу по преступлениям украинских неонацистов за объективную и важную работу по систематизации доказательств преступлений Украины! Это важный вклад в дело сохранения исторической памяти и правды.

Денис Пушилин,
действующий глава Донецкой Народной Республики

ВСТУПЛЕНИЕ

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов создан в марте 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в его состав вошли представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала — сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов выражает благодарность за поддержку данной работы Министерству иностранных дел Российской Федерации, Министерству обороны Российской Федерации, Следственному комитету Российской Федерации и Главному военно-следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Представленные в данном издании показания пострадавших и очевидцев преступлений киевского неонацистского режима в полной мере изобличают его в системных и целенаправленных убийствах мирных жителей, включая

женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летательных аппаратов — как с использованием дронов-«камикадзе», так и с помощью сбросов с дронов разнообразных взрывчатых устройств. Эти убийства совершались как против российских граждан на территории Курской области, так и против русскоязычных мирных жителей территорий, которые находились под контролем Украины.

По всем упомянутые в издании преступлениям, совершенным украинскими вооруженными формированиями в Курской области, Следственным комитетом России возбуждены уголовные дела. В настоящее время по отдельным преступлениям уже вынесены приговоры представителям ВСУ, как очно, так и заочно. С учетом продолжающейся работы за преступления, совершенные в Курской области, к уголовной ответственности привлекаются сотни представителей украинских вооруженных формирований. Их действия квалифицированы по таким статьям УК РФ, как «террористический акт», «убийство», «реабилитация нацизма», «мародерство», «умышленное уничтожение или повреждение имущества». По преступлениям на других территориях, в соответствии со сложившейся практикой, Следственный комитет Российской Федерации тщательно изучает предоставленные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов свидетельства и оперативно дает необходимую уголовно-правовую оценку.

Против жителей Донбасса киевский режим начиная с момента прихода к власти после незаконного антиконституционного переворота в 2014 году вел масштабный целенаправленный террор. Одним из элементов этого террора было фактическое разрешение киевским режимом вооруженных силам и спецслужбам Украины, а также созданным ими разнообразным «батальонам смерти»

осуществлять убийства, изнасилования, пытки, избиения и разнообразные внесудебные расправы над местными жителями. Даже в единичных случаях установления виновных в убийствах со стороны украинских судов никто из убийц не понес наказания. В подавляющем же количестве случаев украинская правоохранительная система даже не пытается установить и наказать организаторов и участников убийств.

Вооруженные силы Украины годами обстреливали и уничтожали мирную инфраструктуру в населенных пунктах Донбасса, находившихся на территории под их контролем.

Собранные Международным общественным трибуналом свидетельские показания однозначно доказывают, что вооруженные силы Украины системно и намеренно убивали собственных граждан для того, чтобы западные и украинские журналисты могли снять кровавые, срежиссированные съемки с целью обвинения России. Как правило, местные жители прямо называли местонахождение позиций украинских военных подразделений, с которых они подвергались обстрелам.

Во время бегства из освобождаемых Вооруженными силами Российской Федерации населенных пунктов киевский режим практикует массовые расстрелы мирных граждан. Например, Международным общественным трибуналом зафиксированы тела более сотни убитых ВСУ мирных граждан в городе Селидово: мирных граждан расстреливали на улицах, в частных и многоквартирных домах целыми семьями. Эти убийства нередко осуществлялись прямо на глазах опрошенных нами свидетелей.

Киевский режим также на постоянной основе осуществляет обстрелы и уничтожение православных храмов, больниц, домов мирных граждан.

Собранные Международным общественным трибуналом данные однозначно доказывают, что временно захва-

ченные Украиной населенные пункты Курской области подвергались тотальным грабежам и воровству. Аналогичная ситуация установилась с 2014 года на временно контролируемых Украиной русскоязычных населенных пунктах Донбасса.

В большинстве случаев это никак не скрывалось и делалось открыто на глазах у обворовываемых жителей. Свидетели говорят о том, что их имущество открыто вывозилось грузовыми автомобилями, пересылалось с помощью украинской почты, нередко продавалось на близлежащих территориях под украинским контролем. Обычной практикой было и то, что при сбыте украденного продавцы открыто говорили и даже писали, что это «товары с Донбасса» или «товары с Курской области». Воровство украинских военных носило тотальный характер: аудио- и видеоаппаратура, включая телевизоры, бытовая техника, включая холодильники, микроволновые печи и пылесосы, сантехника, одежда, детские игрушки и мебель, женское нижнее белье и т.д. Аналогично частным квартирам и домам они грабили государственные организации, школы, детские сады.

Представленные в данном издании свидетельства пострадавших также однозначно доказывают, что убийства пленных российских военнопленных являются постоянной практикой киевского режима. Вернувшиеся после украинского плена российские военнослужащие рассказывают о зверских пытках, которым их подвергали украинские военнослужащие, сотрудники Службы безопасности Украины, а также их пособники: отрубания и просверливание конечностей, стрельба в органы тела, ущемления половых органов, пытки электротоком, прижигания раскаленными металлическими предметами, травля собаками, разнообразные удушения и использование американской пытки с помощью утопления, многодневные избиения с помо-

щью металлических труб и тросов, палок, молотков, бит и других предметов, а также изощренные издевательства, которым они подвергались. Многие российские военнослужащие также были убиты украинскими военными уже в статусе военнопленных или умерли в результате пыток. Приведенные ниже факты пыток и убийств российских военнослужащих основаны на свидетельских показаниях освобожденных из украинского плена в результате официальных обменов пленными с Украиной.

Эти преступления киевского режима, согласно международному гуманитарному праву, являются военными преступлениями, грубыми нарушениями целого ряда Женевских конвенций и преступлениями против человечности.

М.С. Григорьев,
председатель Международного общественного трибунала
по преступлениям украинских неонацистов,
директор Фонда исследования проблем демократии,
член Общественной палаты Российской Федерации,
участник СВО

Эта книга — еще одна страница в обвинительном акте для трибунала над военными преступниками киевского режима, который обязательно состоится.

Здесь собрана часть свидетельств жертв украинских нацистов, мечтающих встать новой дивизией «Галичина» в строй нацизма западного.

Я и мои боевые товарищи из бригады ГРОМ «Каскад», волонтёры «Боевого братства», работавшие в ещё горящем Мариуполе, в Лимане, Горловке, Курске, Белгороде, много можем добавить к этим рассказам.

Люди в моем родном городе Мариуполе рассказывали, как выбрасывали людей из квартир, чтобы оборудовать там огневые точки. Как с бессмысленной жестокостью не выпускали из подвалов набрать воды умиравших от жажды. В один голос жители Мариуполя говорят о том, что ни куском хлеба, ни глотком воды им не помогали, пока не пришли наши. Как снайперы стреляли в головы детям, выскочившим на улицу, — о десятках таких случаев мне рассказал хирург больницы скорой помощи, где в морге лежали эти малыши. Как ради забавы танки стреляли по людям, по домам. Как за неосторожное слово подросткам заливали рот монтажной пеной. Как бесследно исчезли девушки и женщины. Сотни, тысячи таких историй.

Эти люди должны быть свидетелями обвинения на суде над нелюдями. И книга с их рассказами дает им возможность засвидетельствовать правду.

Д.В. Саблин,
депутат Государственной Думы ФС РФ,
первый заместитель председателя «БОЕВОГО БРАТСТВА»,
первый командир бригады БПА ГРОМ «Каскад», Герой России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСУ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Во время атаки на Курскую область вооруженные силы Украины расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков — как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах, с полным пониманием невоенного статуса жертв, по свидетельствам выживших, иногда прямо смотря им в глаза.

Жители Курской области, которым удалось бежать от украинских войск, приводят многочисленные примеры того, как они лично оказывались жертвами ВСУ, а также очевидцами их преступлений.

Например, жительница села Казачья Локня, 75-летняя Галина Самборская, рассказывает, как военнослужащий ВСУ стрелял по их машине и машине ее друзей. На ее глазах он выстрелил по первой машине и убил там женщину. Ей самой военнослужащий ВСУ прострелил бедро: «Там очень глубокая рана». Житель города Суджа Артем Кузнецов свидетельствует, как была убита его беременная жена и ранен двухгодовалый ребенок, а украинский боевик стрелял в него, смотря ему прямо в глаза: «На обочине — солдат ВСУ. Мы как с ним перекинулись взглядом, и он прострелил мне кепку... А беременная жена ехала сзади, метров семьдесят от меня... слышу, что идет огонь по ней. Нина уже была без сознания. Матвею год и девять месяцев. У него осколочная от металла в спинке, одно глубокое в плечо». Виктор Кабанцов из села Малая Локня рассказывает, как по дороге в Суджу объезжал мины и попал

под украинский обстрел: «Я ехал сам в машине, а сзади ехал сын с невесткой и со сватьей. В песке, в кучах сидели украинцы и нас начали расстреливать... ранили меня в руку. Сын объехал меня, и удалось ему тоже уехать, ранило его в руки, но удалось уехать». Славик Алоян, житель села Благодатное, говорит о том, как его машина была расстреляна украинскими военными, когда он ехал из села Благодатное в Рыльск. Сначала его «Ниву» расстреляли из автоматов, потом еще выстрелили из гранатометов. К счастью, в саму машину во второй раз уже не попали, а сам С. Алоян сумел сбежать через поле: «ВСУ всех расстреливают. Я не знаю почему». При эвакуации семью Сергея Ворошилина из Суджи обстреляли два украинских военнослужащих. Ими был убит его дядя, а сам он чудом спасся: «Я больше грешу на поляков. Время от времени из тех районов выходят, людям рассказывают ужасные истории».

ВСУ намеренно убивали мирных граждан дронами-камикадзе, как по одиночке, так и в группах, однозначно понимая, кто перед ними находится, а также совершали удары по гражданским машинам, в которых жители пытались эвакуироваться.

Например, машину Светланы Верхоломовой из Суджи сначала украинские военные обстреляли из автоматов, а потом ударили по ней дроном. В результате этих атак она получила контузию и осколочные ранения, а ребенку десяти лет осколками посекло лицо и ногу: «ВСУ, честно сказать, даже людьми их нельзя назвать, не люди».

Наталья Шелехова из села Черкасское Поречное рассказывает, как на их машину, в которой ехали она с супругом, а также ее дочка, зять и внучка двух лет, украинский дрон несколько раз сбрасывал гранаты, в результате чего она получила осколочные ранения: «Два раза какие-то как огненные шары были. Ну, нам удалось все-таки уйти от дрона. Украинцы нас просто хотят поубивать».

Украинский дрон атаковал жителя села Гуево Николая Дзюбу около его дома, несмотря на то что тот был в гражданской одежде. В результате атаки сгорела соседская машина, а сам он получил осколочные ранения: «Я был одет как обычный сельский житель. Украинцы видели, что я — гражданский человек».

Жительница города Суджа Анна Люшная также была ранена из-за атаки украинского дрона, когда они с мужем выезжали из города: «Я сначала подумала, что в лужу заехали. Потом колено начало гореть. Спереди сидел мужчина, сосед. Ему тоже попало».

Пытавшимся убежать от ВСУ мирным жителям представала ужасная картина. Жительница деревни Куриловка Зоя Ананьева рассказывает, как она видела в уничтоженных гражданских машинах тела людей: «Смотрела в УАЗик, там сидят два обугленных трупа. Заглянула в другую сторону УАЗика. Я увидела, лежит человек, с правой стороны нет руки, а поодаль лежит еще туловище без ног и без головы. Еще в шагах пяти была разбитая красная гражданская машина». Ирина Морозова из поселка Коренево рассказывает о том, как ВСУ убивали мирное население в ее поселке: «Люди пытались на своих машинах выехать из села, а их расстреливали в упор из автоматов. Выезжало пять машин, и всех расстреляли. Ни единого человека в живых не оставили... Люди из села Коренево рассказали, что когда ВСУ заходили, то просто расстреливали автоматами, автоматными очередями, не смотря, кто там — старики, дети, взрослые люди». Виктор Кабанцов из села Малая Локня рассказывает, что когда он проходил по дороге, то видел тела убитых ВСУ людей: «Начали выходить в сторону Большого Солдатского. По дороге люди лежали. Много убитых там».

Киевский режим также целенаправленно обстреливал и уничтожал российские мирные объекты, больницы, госпитали, машины «скорой помощи», православные храмы.

Жительница Курской области Ирина Шурупова рассказывает: «Буквально через полчаса главный врач сказал, что вот эту третью «скорую» расстреляли. Это как раз та «скорая», где фельдшера и водителя убили. Она за нами ехала». Александр Гриненко из села Куриловка рассказывает об украинских ударах по больнице: «Сначала не долетело. Но в итоге они все равно больницу подожгли. Третий этаж, хирургия сгорела». Об аналогичных обстрелах свидетельствует и Сергей Жердев из села Большое Солдатское: «ВСУ начали обстрел Большого Солдатского. Попали сначала в больницу. Я вышел из дома, и они попали на дорогу, а потом попали в наш дом».

После освобождения городов и поселков Курской области от украинских войск Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов также были зафиксированы свидетельства пострадавших и очевидцев преступлений вооруженных сил Украины.

Жители Курской области рассказывают о многочисленных случаях расстрелов и убийств мирных граждан киевским режимом во время украинской оккупации.

Николай Гриненко из деревни Куриловка свидетельствует об убитых украинскими военнослужащими: «Возле колонки Любу застрелили, она набирала воду. Она пенсионерка. Ее застрелили прямо в голову. Я хоронил... Коля Кузнецов. Смотрю, он в кустах лежит, тоже в голову убит». Светлана Ильина из села Черкасское Поречное рассказывает о том, как в собственном доме была убита ее мама: «У неё были пулевые ранения. В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме полиции, он служил в полиции, и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года».

Наталья Щеглова говорит о том, что видела собственными глазами: «Когда мы шли к колодцу, на углу школы лежал мужчина. Он каждое утро ходил к храму, крестился, как здоровался, ходил к храму. Его украинцы расстреляли, и он долго лежал». Алексей Богунов рассказывает о том, как мирные жители города Суджа были расстреляны лишь за то, что они заявили украинцам, что они хозяева на своей земле: «На второй или на третий день украинцы двух наших уложили на площади. За то, что наши сказали, что мы тут хозяева. Их сразу украинцы убили, сразу расстреляли их. Возле Дома культуры, в августе».

Леся Рыльская свидетельствует: «Когда 7-го числа люди хотели выехать, украинцы стояли уже на кольце, на Судже, расстреливали всех мирных, чтобы они не смогли выехать... На моих глазах ехала семья с города, украинский дрон их ударил, и машина сгорела просто заживо. Я только слышала, как ребёнок маленький крикнул «А»! и всё... Я так понимаю, там были муж, жена и ребенок. Всех убили».

Елена Фурсова из села Лебедевка рассказывает о страшных событиях украинской оккупации населенных пунктов области: «В разных местах украинцы расстреливали людей. Мы с сыном ездили к себе до Суджи, и люди лежали, трупы прямо лежали.

Украинцы возле интерната расстреляли двух цыган. На вокзале у нас были три убитых тела — все мирные граждане. Кольку Орехова расстреляли. Лену, продавщицу, убили. Очень многих. Человек 20 убили, которых знаем мы. В Казачке очень много, в Казачьей Локне. Я думаю, там человек 25, которых они поубивали. Это которых мы лично знаем. Мишку убили Зарудного. Кума его убили, зовут Ванька».

Татьяна Мелихова рассказывает, как сама чудом осталась в живых: «В меня тоже снайпер стрелял... Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять... возле меня, возле плеча правого про-

шла пуля... Я помню, потом женщина ехала в машине, ее машину украинцы расстреляли. Мужа убили. Ехали по трассе в Казачьей Локне. Женщина жива осталась, палец фаланга до одной шкурки болтался, прострелили плечо, руку. В крови еще была». Михаил Богачев из села Черкасское Поречное рассказывает: «Они стреляли все подряд. Есть там люди, не есть там люди. Просто едет украинский БТР, стреляет по домам, по окнам, по крышам, по дворам, по всему. Убили людей дронами, кто хотел убежать через луг. Украинцы за ними не бегали, просто вслед стреляли, расстреливали».

Владимир Шарунов из хутора Никольского рассказывает о том, как его самого чуть не убили: «Я зашел в подвал. Нашел мужчину и двух женщин. Уже мертвых. Деваться было некуда. Там и остался. Снова пришли украинские войска. Украинская речь. Отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они думали, что я уже мертвый».

Жители рассказывают о случаях изнасилований и зверских избиений местного населения. Нина Бондарева из города Суджи свидетельствует: «Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насиловали, и она умерла потом». Анна Богунова из города Суджа рассказывает: «ВСУ изнасиловали бабушку на Зоалешенке. У одного дедушки приехали, прямо так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем... Опять же, прямо из дома, у другого отца забирали дочку. Вы сами понимаете, что с ней делали». Николай Гриненко из деревни Куриловка свидетельствует: «А Светлану ВСУшники изнасиловали. Она с города шла, через Куриловку... когда она водичку носила, ее украинцы и изнасиловали, и избили. Немножко рассудок у нее потом пострадал от этого».

Отец Евгений, настоятель храма в городе Суджа, рассказывает о случаях расстрела как российских мирных граждан, так и военнопленных: «Не так посмотрел. Не так сказал. Нарушил комендантский час. Расстреляли. Убили. Обнаружили однажды наших солдатиков, которые прятались. Выволокли. Двоих просто расстреляли сразу».

Зафиксированы многочисленные случаи, когда украинские вооруженные силы целенаправленно убивали мирных граждан как из стрелкового оружия, так и сбросами с дронов или ударами fpv-камикадзе.

Наталья Шерстнева из села Гончаровка, которая была сама ранена ударом украинского дрона, рассказывает: «Произошло это 11 марта. У меня плиточка, я пекла хлеб в формочках, отнесла соседям. Иду от соседей, голову поднимаю вверх, а дрон висит. И, смотрю, резко он — раз, вниз. Слышу взрыв, пламя, пламя страшное, и меня по спине. Сознание теряю. На четвереньках в уголочек забилась. Меня тот уголочек и спас... А Колю нашли пришпиленного, видать, его волной отбросило к штакетнику, и обгорел весь. Мы хоронили соседей, которые умирали». Раненная украинским дроном Валентина Поплавская из села Мартыновка свидетельствует: «В середине ноября 2024-го летит украинский дрон. Он же видит, что мы там стоим. Взрывается. Вере осколки в голову, она падает, а мне в ногу. Вера не дожила до дня рождения. У нее 20-го день рождения. У меня кровь пошла, все больно». Богдан Белобров рассказывает об украинском преступлении, свидетелем которого он стал: «При нас сожгли машину с семьей ударом украинского fpv-дрона. Там семья была — мужчина, женщина и ребенок... женщина держала белый флаг или тряпку... Русские для них — не люди. Некоторые украинские солдаты прямо говорили — мы всех тут вас бы перестреляли... Говорили, что мы для них не люди, что вас надо расстреливать, вешать». П. Игнатов из села

Алексеевка рассказывает: «Украинский дрон пролетел в одну сторону, разворачивается — в другую. Я говорю, вот я его вижу, вот он. Он приземляется — и бух, в нас. Восемь человек, двоих ранило. Кроме меня еще бабушку ранило. 80 с чем-то лет бабушке». Отец Евгений, настоятель храма в городе Суджа, свидетельствует: «Люди бежали из Суджи и, конечно же, били по ним. Били, били. Fpv-дроны непосредственно догоняли мирские машины и уничтожали. Мы были свидетелями этому. Мы видели разбитые машины, видели торчащие с обочины ноги, людей, которые были уже убиты... Я одну семью вывозил с маленьким ребенком. Я молчал, а бабушка, видя, что творится по обочинам, просто закрывала рукой глаза ребенку».

В нарушение Женевских соглашений украинские войска разрушали мирную инфраструктуру, наносили удары по храмам и больницам.

Иеромонах Мелетий из Горнальского монастыря рассказывает: «В первые дни именно в храм они били... Они начинают, дрон висит. И планомерно бьют по храму. Литургию не бросишь, и священник наш не испугался.

У нас мама моя, 82 года, ее водить надо. Все, в Куриловку проехали... А машину сзади моей машины, там, где мама моя сидела, Сережа послушник вел. Ему украинская пуля попала в легкое... Чуть отъехали, я дверь открыл, выбежал, подбежал к машине, открыл дверь и сразу вижу, что он мертвый.

Храмы им не нужны просто. Именно сатанизм. Немцы, фашисты, шли на Суджу, пять храмов оставили. Великая Отечественная война, остались пять храмов. А вот тут украинцы пришли и лупят. Такая ненависть к нашему Московскому патриархату».

Украинские грабежи в Курской области носили тотальный характер. Жители свидетельствуют, что в грабежах участвовали не только украинские военнослужащие, но

и жители Сумской области. Забирали денежные знаки, украшения, электронику, бытовую технику, мебель, сантехнику, продукты, машины, сельскохозяйственную технику, новое и ношеное нижнее белье, детские игрушки и т.д.

Отец Евгений, настоятель храма в Судже, рассказывает: «Во время украинской оккупации был откровенный грабеж. Несмотря на то, что сидят люди в доме, просто заходят украинцы нагло, с автоматом, забирают компьютеры, ковыряются в вещах, забирают драгоценности. Это было повсеместно... Мне рассказали, как украинцы обнаружили случайно дорогую машину и нашли ключи от этой машины. Так этот украинский солдат бегал, скакал на радостях и кричал, что всю жизнь мечтал именно о такой машине... В Сумах продавались туры на грабеж Суджи.

Крали украинцы, в первую очередь, машины, технику, компьютерную технику, фотоаппараты, телефоны, драгоценности. А потом, позже, по словам наших жителей, тащили все. Извините меня, и нижнее белье. Все выгребали. Такое ощущение, что украинские солдаты — варвары, дикари».

Богдан Белобров рассказывает: «Грабили украинцы сначала самое ценное — золото, драгоценности. Потом пошла в ход техника, компьютеры, машины. Вплоть до женских вещей. Знакомая женщина рассказывала, что у них в квартире дверь вырвали вместе с коробкой. И некоторых вещей, даже личного нижнего белья, она не досчиталась».

Елена Савченко из села Заолешенка подчеркивает тотальный и системный характер украинских грабежей: «Украинцы грабили все, от бытовой техники, ну, вплоть до трусов, скажу так. И даже маникюрные наборы... Понимаете, забирали все. Ложки, вилки. Начиналось с четверга, начинают выставлять. Каждую неделю. Вот одни прошли, смена сменилась на другую. В пятницу грузятся и вывозят. И так каждую неделю».

Елена Фурсова из села Лебедевка свидетельствует: «Украинцы грабили. Всё повывезли. Машины, мягкую мебель, постель. Ну, короче, всё. Полностью. Кухонные гарнитуры. У нас село богатое. Ну, жили все, кто работал. Вывозили все. На своем отвозили. Все, все вывозили. Даже поснимали, Господи, там утеплители даже со стен. Прямо и постельное бельё, и мебель, всё остальное, всё, что угодно. Я лично видела. Они каждый день в одном доме могли много раз зайти — гребли всё. Прицепы, машины, вещи, зимнюю одежду. Ну, что было у людей, все забирали. Забирали даже матрасы. Дом за домом». Наталья Щеглова рассказывает: «Приезжали ВСУ машинами, загружали машинки стиральные, технику, котлы. Вначале приходили, готовили, все как-то подготавливали, в смысле выносили уже из домов внизу, пораскручивали, а потом ночью приезжали. Меня встречает моя знакомая, говорит: «Что ты думаешь, вот в этом доме у нас жил инвалид. Заехали ВСУ и вынесли даже памперсы».

Свидетели говорят о том, что в отрядах ВСУ присутствовали говорящие только на польском языке. Вадим Агапов из села Заолешенка рассказывает: «Некоторые не говорили по-украински, польский язык. Эти ребята убили мужа Людмилы Беловой».

Местные жители прямо сравнивают их действия с поведением немецких фашистов во время Великой Отечественной войны и делают предположения о мотивах украинских военных преступлений.

Владик Хуриев из слободы Белой считает, что то, что «украинские войска уничтожали мирных — это как месть, специально. Как и раньше, в свое время, в Великую Отечественную войну нацисты ничем не гнушались. Нацисты и их палачи. Так и по сей день осталось. Им без разницы, в ребенка это летит или еще что-то. Они это делают специально, чтобы запугать народ». Иеромонах Мелетий из Горнальского Свято-Николаевского Белогорского мужского

монастыря рассказывает о намеренных обстрелах храмов, сравнивает ВСУ с немецко-фашистскими войсками и говорит об их ненависти к православию: «Они начинают, дрон висит. И планомерно бьют по храму... А храмы им не нужны, просто, вероятно, понимаете, от сатанизма. Именно сатанизм. Немцы, фашисты, шли на Суджу, пять храмов оставили. Великая Отечественная война, остались пять храмов. А вот тут украинцы пришли и лупят. Такая ненависть к нашему Московскому патриархату».

Представленные в данном издании свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах жителей во время украинской оккупации ряда городов и населенных пунктов Курской области, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летательных аппаратов — как с использованием дронов-камикадзе, так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении храмов, больниц, домов мирных граждан и другой гражданской инфраструктуры, а также избиениях, изнасилованиях, а также тотальных грабежах, что, согласно международному гуманитарному праву, является военными преступлениями. На первом этапе вторжения в Курскую область вооруженные силы Украины намеренно убивали мирное население при захвате населенных пунктов, а также при попытках эвакуации в гражданских автомашинах с полным пониманием их мирного статуса.

Согласно международному гуманитарному праву, представленные ниже факты украинских военных преступлений являются грубыми нарушениями целого ряда Женевских конвенций. Например, IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда

и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства». Ряд методов ведения войны прямо запрещены договорными и обычными нормами международного государственного права. Например, грабеж определялся как военное преступление уже в докладе учрежденной после Первой мировой войны Комиссии по ответственности, а также в Уставе Международного военного трибунала (Нюрнберг), созданного после Второй мировой войны.

Киевский режим намеренно и массово нарушает Женевские конвенции и совершает военные преступления, которые не знают срока давности.

Ильина Светлана Михайловна, село Черкасское Поречное (Курская область)

«Мою маму, лежащую в своем доме, первый обнаружил Штаненко Александр Николаевич. У неё были пулевые ранения.

Она была в комнате, которая у нас называлась «зал», потому что это общее такое помещение было, где диван, кресла у нас стояли.

В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме полиции, он служил в полиции, и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. Эти два портрета у нее находились в этой комнате.

И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года. Она не представляла никакую для них угрозу. Я вообще не понимаю, зачем нужно было её убивать».

Бондарева Нина Дмитриевна (68 лет), город Суджа (Курская область)

«Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насиловали, и она умерла потом.

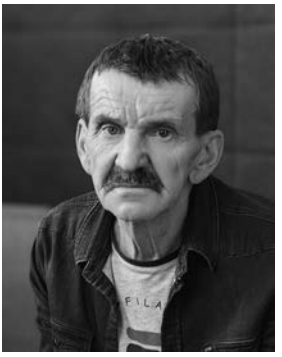
У нас много было украинцами расстрелянных людей. Их дроны сбрасывали на дома гранаты, и расстреливали дома тоже, и поджигали они их.

От меня через дом — Красноармейская, 8 — сгорел дом. Украинцы ушли и подожгли.

Грабили. В окно смотришь, они в дом зашли, рюкзаки у них, тележки, сумки.

После них в домах побито все. Все разбито, все выкинуто. Расколочено полностью».

Гриненко Николай Николаевич, деревня Куриловка (Курская область)



«В августе зашли на Суджу украинские танки. А потом шли их диверсанты зачищать деревню. Начали издеваться украинские ВСУшники.

Возле колонки, там водичку набирали, ручная колонка, женщину застрелили, она набирала воду, ее застрелили. Я прохожу мимо, она еще лежит, все, мертвая. Прямо в голову стреляли. Я был, я хоронил.

Люба. Она жила, соседка моя, там, где мой родительский дом, Куриловка.

Она пенсионерка. Она пришла на велосипеде за водичкой с баклажками. Ее застрелили прямо в голову.

Мы хотели ее перенести, а ВСУшники рядом были. И мы не могли. Я подошел к одному там, у него глаза какие-то стеклянные. Неадекватные. Сказали «нельзя».

Потом я проезжал, у меня дом недалеко был. Смотрю, нету моего соседа наверху. Смотрю, он в кустах лежит, тоже в голову убит. Коля Кузнецов. Куриловка, 23-й и 25-й дом, там перекресток. И мы не могли его вывезти. А через дорогу покрывало нашли с одним парнем. Его через дорогу в огороде захоронили. Потом мать Коли Кузнецова. Тоже пулевые ранения. Мы ее тоже в огороде закопали, бугорок сделали. У ВСУ была точка наверху. Они, видимо, когда зашли туда, их и убили. И мать, и сын...

А Светлану ВСУшники изнасиловали. Она с города шла, через Куриловку. Миша, мой брат двоюродный, ее в дом к себе принял. А поблизости уже были украинцы, перекрыли дорогу на улицу. Куда уж пойдешь? И когда она водичку носила, ее украинцы и изнасиловали, и избили. Немножко рассудок у нее потом пострадал от этого.

Пока украинцы не перекрыли уже все, я людей вывозил на машине. Всех, когда встречали. Многих мы вывезли там с братом моим. А потом пришли машину забирать. Знали, что я в 21-м доме живу, что у меня машина. Ну, я так понял, что это крыса какая сказала им. Сказали, что я тут помогал людям.

Когда эта зачистка была, ВСУ и к нам в двор пришли. «Давай машину». Машину спрятал. Они начали избивать меня металлической трубой. Приставили автомат.

Ключи я отдал. Когда меня избивать начали, я вынес. Ну, давили, думал, меня убьют. Били еще по ногам. Я потом,

когда очнулся, в дом зашел, у меня уже кровь запеклась на лице. Трое ВСУшников меня били. Они еще спрашивали, где находятся, как они сказали, москаляки.

В нашей Куриловке они шли потом, все дома взламывали. Где нельзя было, в металлической двери они отстреливали замок. Всё выворачивали, забирали всё. Грузили на «тойоты», «пикапы». Они загружались, все тащили — телевизоры, бытовую технику. Даже тряпки все, женские, одежду забирали.

Я сам видел, как одежду забирали напротив моего дома. В деревне нашей грабили они всё полностью. По селу ВСУ сказали не ходить с 16:00. А если что, там стрельба на поражение. Прямо так сказали, если мы будем ходить после четырех часов — всех убьют. С 10 часов утра только до четырех можно. Хорошо у меня укупорка в подвале была. Страшно, конечно, было».

На фотографии председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов М.С. Григорьев около въезда в г. Суджа Курской области после ее освобождения рядом с расстрелянной ВСУ гражданской машиной с телом убитой ими женщины

Фурсова Елена Васильевна, село Лебедевка (Курская область)

«В разных местах украинцы расстреливали людей. Мы с сыном ездили к себе до Суджи, и люди лежали, трупы прямо лежали. Мирные люди. И украинцы возле интерната расстреляли двух цыган. Два трупа. Наверное, лет по 35. На вокзале у нас были три убитых тела — все мирные граждане.

На Махновке, где старшая дочка жила, много убили они. А еще Кольку Орехова расстреляли. Брат его похоронил на огороде. Лену, продавщицу, убили. Очень многих. Человек 20 убили, которых знаем мы. В Казачке очень много, в Казачьей Локне. Я думаю, там человек 25, которых они поубивали. Это которых мы лично знаем.

Директора расстреляли, Мишку убили Зарудного. Кума его убили, зовут Ванька. Очень много.

У ВСУшников, получается, приказ был убивать. В последний раз, когда сейчас вывозили семи лет мальчика, ему руку оторвало. Им без разницы — детей не детей.

Украинцы грабили. Всё повывезли. Машины, мягкую мебель, постель. Ну, короче, всё. Полностью. Кухонные гарнитуры. У нас село богатое. Ну, жили все, кто работал. Вывозили все. На своем отвозили. Все, все вывозили. Даже поснимали, Господи, там утеплители даже со стен. Прямо и постельное бельё, и мебель, всё остальное, всё, что угодно. Я лично видела. Они каждый день в одном доме могли много раз зайти — гребли всё. Прицепы, машины, вещи, зимнюю одежду. Ну, что было у людей, все забирали. Забирали даже матрасы. Дом за домом.

А кто плохо посмотрит на украинцев, тех убивают. Украинцам ничего нельзя говорить. Расстреляют. Они

какие-то, как фашисты были. Нелюди. У них ненависть, потому что мы — русские».

Богунов Алексей Николаевич (83 года), город Суджа (Курская область)

«На второй или на третий день украинцы двух наших уложили на площади. За то, что наши сказали, что мы тут хозяева. Их сразу украинцы убили, сразу расстреляли их. Возле Дома культуры, в августе.

ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке. У одного дедушки приехали, прямо так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем. Ну, дедушка старенький, что мог к ним ответить?

Опять же, прямо из дома, у другого отца забирали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней делали.

Убивали и молодых, и старых — просто так, за то, что появились не в том месте, не в то время. Им было все равно, военные перед ними или гражданские. Они психопаты, я не знаю, или под наркотиками были.

Лично нам угрожали расстрелом. Уже где-то под Новый год. У нас собирались отобрать машину. У нас же гаражи были подписаны. Два гаража наших оставалось. Подписаны «Люди». За отказ отдать машину говорили: «Я тебя сейчас тут расстреляю. Прямо в глаза». Махали автоматом.

Украинцы в каждый дом заходили, а потом машинами увозили наворованное. В одной организации огнетушители забрали, кабель. Катушки были. Катушки забрали. Кабеля забрали, огнетушители забрали.

Из домов частных воровали все, что было. Зашел один, выходит уже с рюкзачком или сумкой. Потом другие заходят. В тот же дом тоже, что-то выбирают.

Сначала они обстреляли больницу, а еще раньше дронами. Моя тетя чудом осталась жива. Она работала в Суджанской ЦРБ, делала флюорографию. При ней был прилет, выбило окна. Крыша загорелась, никто не пострадал. Целенаправленно били в больницу. Буквально я полчаса назад с ней уехал на такси. Она звонит, говорит, что у нас был прилет дронов.

И по частным домам они попадали. Самое страшное — обстреливали трассу Курск—Суджа, по которой мирные люди эвакуировались. Много кто дозвонился до родных, кто попадал под удары fpv-дронов, под минометный обстрел. Мы вот ездили, машины стоят, сгоревшие остовы. Украинцы прятали все следы.

Мое мнение, это все началось 30 лет назад, с момента распада Советского Союза, когда американцы начали промывать им мозги за свои деньги, чтобы у России был под боком брак в виде Украины».

Мануйлов Василий Николаевич (75 лет), село Казачья Локня (Курская область)

«Украинские грабежи были сплошь и рядом. Там они периодически бригадами менялись, и каждая бригада приезжала, и каждая бригада грабила.

Я видел, как диваны вытаскивали и увозили куда-то. Видел телевизоры. В особенности плоские телевизоры. Холодильники. Плитки, да. Газовые плитки воровали.

Там были у нас дома для молодых людей, у которых не было жилья. Сироты. И сиротам выдали дома. Украинцы ходили там с молотами. Берет кувалду, бах, трах, окна побили, двери побили, пошли до следующего. А потом уже воровали.

Я ранение получил 8 февраля. После украинского обстрела я пошел проверить дом, в котором я жил. Подошел, ужаснулся.

Фронтон разбит, окна вынесены. Я вышел из дому и пошел к знакомым. И опять артобстрел. Почувствовал что-то горячее, кровь сильно полилась. И я быстро пошел до знакомых, чтобы не потерять сознание. Вот так я был ранен.

В Казачьей Локне рассказывали про такой случай, что, когда наши войска отступали, один наш военный, молодой человек, попал в плен. Ну ему, сволочи, взяли, отрезали гениталии. Он лежал две или три недели, украинцы запрещали его схоронить».

Шерстнева Наталья Павловна (63 года), село Гончаровка (Курская область)

«Произошло это 11 марта в полседьмого вечера, я пекла хлеб. У меня плиточка, я пекла хлеб в формочках, отнесла соседям. Иду от соседей, голову поднимаю вверх, а дрон висит. И, смотрю, резко он — раз, вниз. Я говорю соседу Коле: «Бежим». Я во двор, там каменная стена. Слышу взрыв, пламя. Пламя страшное, и меня по спине. Сознание теряю. Думаю, нет, сейчас будет вторая волна. Обычно два раза. Первый раз, а потом еще раз шандарахнет. И я на четве-

реньках в уголочек в этот забилась. Меня тот уголочек и спас. Потом еще раз шандарахнуло. Вторая волна была, да. Мне было больно, но я нашла очки свои, нащупала. Поворачиваю голову, откуда я забежала с ворот. Я побоялась туда уже выходить. Коли нет. Ну, выбежала я огородами, вся в крови. А Колю нашли пришпиленного, видать, его волной отбросило к штакетнику, и обгорел весь. Мы хоронили всех соседей, которые умирали.

Вот женщина в палате в больнице, 35 лет, Таня, двое деток. Украинский дрон ее ударил. Ее привезли. В Гончаровке сосед погиб от украинских обстрелов. Он курей вышел кормить, и его сразу накрыло. Шкуратов, дядя Коля, ну он, я не знаю, может, 80 лет. Убит после 11-го сброса с украинского дрона. Он может висеть, висеть, висеть, а потом ударить.

А украинские военные грабили все подчистую. Телевизоры, газовые панели, газовые котлы у кого новые, хорошие. Короче, все, что хорошее, выносилось. Это забирали первые, которые, я так поняла, штурмовики. Сначала выносили все на улицу. Потом подъезжали. У них для нас был комендантский час. Артиллерия украинская стояла у нас ниже, в саду. Они бухáли и свиней стреляли, и между собой что-то там. Мы боялись, короче».

Иеромонах Мелетий, Горнальский Свято-Николаевский Белогорский мужской монастырь, село Горналь (Курская область)

«В первые дни именно храм они били. Мы как раз служили литургию.

Было утро, 6 августа, значит, полвосьмого утра. У нас литургия идет. И где-то без десяти восемь первый прилет, на меня летят стекла, столы. И я понимаю, что что-то серьезное началось. К нам уже ПТУР залетал в монастырь, дроны падали иногда, но тут я вижу, что это уже тяжелое что-то.

Война шла с 22-го года. Мы живем вообще на самой-самой границе. Пятьсот метров от меня столбики идут эти. Боевики украинские через нас стреляли. Иногда в окружении монастыря постоянно в периметре 50 метров со всех сторон падало уже все. И в монастырь иногда залетало. Поэтому мы уже так привыкли. Вот, я вижу, бьет что-то тяжелое.

Они начинают, дрон висит. И планомерно бьют по храму. Литургию не бросишь, и священник наш не испугался, отец Феодосий. Послушник Игорь пел, тоже не испугался. Они продолжили литургию. Они несколько раз били, били, били.

И мы поняли, что между выстрелами есть пауза, и мы побежали в подвал. Они били дальше, в первый храм, они тогда стреляли в купол первый. Купол там деревянный, внутри он загорелся, новый храм. А в том храме, в котором мы были, в подвале, он старинный, там внутри все дубовое, деревянное, они тоже не могли никак зажечь, а они здорово накинули зажигалку на крышу. В первый день они запалили два храма сразу.

По корпусам украинцы не стреляли. Стреляли по храмам только. Я думаю, корпуса они оставили себе. Они знали, что они зайдут. Спланировали все. Они знали, у нас корпуса хорошие. Горячая вода, кровати. Все, что им надо.

А храмы им не нужны просто, вероятно, понимаете, от сатанизма. Именно сатанизм. Немцы, фашисты, шли на Суджу, пять храмов оставили. Великая Отечественная война, остались пять храмов. А вот тут украинцы пришли и лупят. Такая ненависть к нашему Московскому патриархату.

Били по нам, знали, что у нас в монастыре априори военных не было. Никогда военные по территории даже у нас не ходили, там никаких действий не проводили. Украинцы все это прекрасно знали, потому что их дроны с утра до вечера там на границе летают. Поэтому они все прекрасно знали. Они видели, что они бьют по мирным людям. Это преступно.

Двое суток мы находились в корпусе. Они начали в корпус дронами влетать в окна. Мы бегали, тушили там все. Уже преступление.

Мы не знали, что украинцы уже зашли на нашу территорию. Мы просто видим их танки, и стрельба уже ближе и ближе. То есть уже село Горналь. У нас монастырь между двух сел стоит. Уже оттуда стрельба.

Начали выбираться, а они уже, оказывается, захватили и Суджу, и все. Связи не было. Единственное, мы там смогли на крышу залезть, на верхний этаж, поймать связь. Мы знали, что они зашли уже на крест и что на Большое Солдатское ехать нельзя. Мы знали это.

Поехали в Куриловку, залетаем. В Куриловке мужики говорят, не едьте туда, вас там убьют. Там была женщина молодая. Девочка беременная. Они с мужем на двух машинах выезжали. Ее прямо застрелили. Она врезалась в машину мужа. Она умерла там сразу.

У нас мама моя, 82 года, ее водить надо. То есть мы отпустили молодых, кто мог ходить, они встали и ушли пешком через Плёхово. А мы направо пошли. Все в Куриловку проехали, там у нас такие свинарники стоят. И там украинцы разложили мины на дороге, не проедешь. И стоят уже, они встретили нас. С машины я вышел, они начали угрожать, начали карманы проверять, выворачивая карманы и сумки. У меня все были там кадры вот этого всего, что творилось. Я заснял на месте, украинцы забрали это все, забрали телефон, ноутбуки. У деда даже

деньги, мелочь была, и ее забрали. А дед воевал в Великую Отечественную.

Телефон мой украли украинцы, а на нем были фотографии с военными, если бы увидели, у них все — сразу расстрел был, если бы нашли. У меня был БУЛАТ — детектор дронов, я вот это забыл. Если бы нашли, наверное, тоже бы сразу расстреляли, потому что они из-за аптечки придрались. Мы объехали километра полтора-два. И из кустов в мою машину и в заднюю машину очередь. И туда, и туда. Я же не на бронетранспортере еду, я еду на мирной машине. Ну, в принципе, как бы и так понятно, кто они. Вот так вот просто мочат. В Судже — там украинцы набили очень много машин. В Судже вообще просто расстреливали машины, вообще очень много. А машину сзади моей машины, там, где мама моя сидела, Сережа послушник сидел. Ему украинская пуля попала в легкое, сразу, наверное, разорвала машину. Ему было 52—53 года. Чуть отъехали, я дверь открыл, выбежал, подбежал к машине, открыл дверь и сразу вижу, что он мертвый. Ну и все, в Суджу заехали, пытались прорваться через Суджу, прорвались там, машин дронами украинцы набили, машин куча.

С правой стороны я сразу увидел минивэн гражданский, с открытыми дверями. Много КамАЗов там было. То есть я лично видел одну машину с правой стороны, а с левой стороны, кто поехал, там просто на стоянке машину украинцы добили. Я много людей знаю, в кого стреляли.

У меня знакомого машину постреляли, он вечером летел. Просто одна за другой они врезались в машины, в кого стреляли. Еще машина была расстреляна на посту уже. И вот девочку перед нами за день украинцы расстреляли в Куриловке. Беременную. Ей вообще там 20 лет. Граничные села, в Судже которые, там просто... Украинцы насиловали, убивали, на колени ставили, расстреливали»

Поплавская Валентина Петровна (62 года), село Мартыновка (Курская область)

«Колька говорил Вере на улицу не выходить с времянки. А она вышла. Ну и я, значит, подхожу. И стоим мы, разговариваем. А она большая женщина, крупная.

В середине ноября 2024-го летит украинский дрон. Он же видит, что мы там стоим. Он за крышу, взрывается. Вере осколки в голову, она падает, а мне в ногу. Вера не дожила до дня рождения. У нее 20-го чисто день рождения. У меня кровь пошла, все больно. Пошла домой перевязывать. А потом мы Веру втроем волокли.

Украинский дрон видел людей, видел все. Я отлично видела, как они дома поджигали, эти дроны. После, потом я стала бояться этих дронов. А я ездила за дровишками к Витальке в первый дом. У него баня, и он там в сарае дровишек понаколол. И я на тачке туда ездила за дровишками. Набрала дровишек и назад. Летит, значит, дрон. Я там на другой стороне спряталась. И наблюдаю за этим дроном. Он, значит, кружится, кружится. А на нашей улице... Ну, там первый, на той стороне первый, второй, третий дом. Женя там расстроил дом двухэтажный. И вот дрон, значит, летает, летает, летает, кружит, так летает, а потом бах — в крышу. И дом загорелся, и сгорел, а пепелище осталось, ну, там стены. Это не один дом.

Пахом пострадал от украинского дрона. Я видела, как дрон летел и как от него загорелся Пахома дом. Потом у Ярика. Он купил дом и расстроился там. Тоже долго стоял дом. Я смотрю вечером, значит, часа в 4 вечера, как дрон украинский летает. И в Ярика целится. Ну, в Ярика

он не попал, а в Жукова дом попал. А на следующий день такой же прилетает. И опять кружит, кружит, кружит, кружит, кружит, кружит. А потом стрелой, бах, в крышу. И Ярика дом загорается и сгорел».

Галицкий Максим Валериевич, село Махновка (Курская область)

«Зашло много украинской артиллерии с самого начала. И с самых первых дней расчеты минометные, я запомнил, два миномета и какая-то гаубица. Они пристреляли все перекрестки внутри. А эту территорию украинцы уже контролировали.

Я сам — бывший артиллерист, я служил срочку. Меня просто удивило, если вы контролируете внутри все, то зачем стрелять внутрь?

По домам были прилеты, со мной рядом. А российских войск там уже не было. Ну, куча украинских беспилотников, это понятно. И получается, что домов там много от этого разрушенных.

Большая, львиная часть разрушена не от того, что там где-то прилетела бомба российская. В основном из-за того, что украинцы били по домам.

Били с миномета, с гаубицы. Помню в самой Судже был прилет, муж и жена погибли.

ВСУ занимались поджогами домов. Казалось бы, он тебя не трогает, этот дом. Ты — оккупант, может, там золото нашел, еще ценных вещей. Ну, уйди ты, не пали. Но они поджигали дома.

И не один же, естественно. У нас на улице домов пять сожжено не просто от прилетов ракет либо там

от чего-нибудь другого вооружения, а именно поджог. Я на улице жил, там, недалеко от них, склад был. Вот его подожгли.

Украинцы близлежащий частный сектор, районы и часть Суджи превратили в полигон».

Зюбанова Ирина Александровна, слобода Белая (Курская область)

«10 марта я выезжала с работы, это где-то было совсем вечером, и я услышала первый взрыв. Я подумала, что где-то далеко, где-то в Лошаковке, у нас бывали уже прилеты.

Я начала двигаться, то есть еду за рулем и смотрю: горит здание торгового центра от украинского удара у нас в слободе Белой.

Смотрю, лежат люди раненые. Я остановилась для того, чтобы помочь. Троих мы вывезли.

После того как я отвезла раненых, я вернулась для того, чтобы забрать еще.

Я думала, что, может быть, еще кто-то там есть, но были уже только погибшие, к сожалению.

И я только начала отъезжать от торгового центра — и украинский удар, и все.

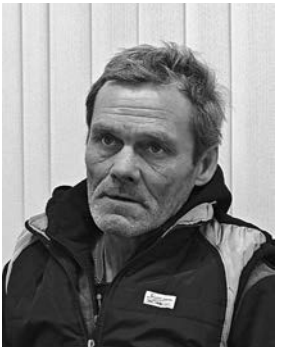
У меня получаются лёгкие, то есть ранения в грудную клетку. Как сказать... проникающие ранения, то есть у меня пробито лёгкое.

Я, естественно, стала задыхаться, но мне помогли наши сотрудники полиции, которые там тоже находились. Оказали помощь, увезли в госпиталь.

До этого украинские войска дронами мирных убивали. У нас дорога, получается, с Песчаного до Белицы, она ре-

гулярно под обстрелами дронов была, и дорога с Белицы до Коммунара, то же самое, была под ударами украинских дронов».

Якуб Василий Иванович, село Первое Новоспасское (Курская область)



«Я слышал, что парня, военного, нашего украинцы резали и убили. И сожгли дома, где его поймали. Предупредили, показать хотели всем жителям, что все то же самое будет с вами, если военных наших найдем.

Нажгли в качестве коллективного наказания за то, что укрывали нашего военного. Это как показательно, они вроде как делают.

А потом приезжала украинская съемочная группа. И трупы поубрали. А показывали, что они людей не трогают, люди сами к себе, хлеб им привозим.

Когда Азовцы зашли, у нас в доме моей жене угрожали, что ее застрелят, расстреляют. Мне по ногам грозились тоже стрелять.

Да, вот супругу мою тоже прикладом — ей прям досталось по лицу. С кувалдами ходили. В каждом доме выбивали двери. Особенно сиротские дома. Каждую дверь. Если дверь не поддавалась, выламывали. Если она так не поддается, значит, окна били. Заходили в окна. Забирали машинки стиральные. Забирали газовые плитки. Даже колонки со стен к этим газовым плиткам, что подходят, тоже срывали. И телевизоры, и вещи. В общем все, что находилось, что им всё нужно. Особенно деньги, золото, серебро, вот это вот всё».

Шарунов Валерий Васильевич, хутор Никольский (Курская область)

«Я зашел в подвал. Нашел мужчину и двух женщин. Уже мертвых. Деваться было некуда. Там и остался.

Снова пришли украинские войска. Украинская речь. Отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они думали, что я уже мертвый. Я был в шапке и валялся.

Всего в подвале было восемь человек. Остался я один. Видел я пять трупов, которые внутри. А еще двое — погибли они или живые, я точно не знаю. Но, скорее всего, погибли.

А до этого в другой дом прилетели два дрона. Там женщина жила и уже была ранена от украинского дрона. Он скинул заряд на нее. Она ходила на речку по воду. Там и получила.

Прилетели два украинских дрона на дом. Один ударил спереди, второй — сзади. Подожгли дом. Я хотел вытащить эту женщину. Она была без сознания. Сильно загорелся дом. Я сам еле успел выскочить».

Протоиерей Евгений Шестопалов, настоятель храма Троицы Живоначальной, город Суджа (Курская область)

«Пристрелочные украинские обстрелы были 14 июня. Сгорело тогда в Судже четыре частных мирных дома. Потом периодически были при-

леты на окраины Суджи, рядышком. А потом начались уничтожения заправок. Залетали fpv-дрончики. Били по машинам по мирным. И по самим топливным средствам. И по людям. В общем, сгорели наши заправки. Мы начали заправляться в других районах. Было такое ощущение, что украинцами аккуратно выбивается мирная инфраструктура. Это же заправка. Это же топливо. Хотели не дать возможности выбраться населению.

Сожгли крышу нашей больницы. Причем интересный был вариант, пробило сначала крышу, был взрыв, и по крыше потекло большое количество жидкости. А следующий дрон ее поджег. Осознанно хотели украинцы сжечь больницу. Пришлось больницу всю эвакуировать.

Украинцы били по больнице, по заправкам, по домам частным, по мирным жителям, санэпидемстанции, администрации, водоканалу. Свет пропал сразу. Видимо, подстанция была повреждена сразу, потому что свет пропал.

Храм потом украинцы расстреляли. Вспоминаю, мы вышли на улицу 6-го числа. Увидели эту санэпидемстанцию

На фотографии храм Троицы Живоначальной в городе Суджа (Курская область), обстрелянный вооруженными силами Украины

уже без окон, без дверей. У деда снесло дом. Он, бедный, не мог понять, что с ним происходит, контуженый был.

Мы помогли ему выбраться. Снаряды попали и в асфальт, и вокруг. Полчаса был перерыв. Опять начался обстрел. И уже он не прекращался до 3—4 часов дня 6-го числа. Мы насчитали больше 140 прилетов в Суджу.

Люди бежали из Суджи, и, конечно же, били по ним. Били, били, fpv-дроны непосредственно догоняли мирские машины и уничтожали. Мы были свидетелями этому. Мы с обочины видели разбитые машины, видели торчащие ноги, людей, которые были уже убиты. Я вывозил первое время людей из храма. Мы выезжали в сторону Курска. На Большое Солдатское. Естественно, мы видели машины на вокзале, на дамбе, разбитые ударами украинских дронов. Горели большегрузы.

Практически до самого Солдатского были разбитые украинцами машины, сгоревшие. Обычные, не военные. Мы понимали, что это люди выезжали. Мы видели разбросанные вещи, бутылки с водой, баклажки. То есть это были люди, которые спасали свои жизни, выезжали, а их конкретно украинцы догоняли и уничтожали.

Я одну семью вывозил с маленьким ребенком. Я молчал, а бабушка, видя, что творится по обочинам, просто закрывала рукой глаза ребенку.

Потом, вспоминаю, в районе улицы Редькина убит был, к сожалению, местный житель Юра. Хороший человек. Защищал своим телом свою дочь. И был убит. Дочь получила ранение, ей около десяти лет. Своей жизнью защитил своего ребенка. Тоже пытались выскочить, выехать, потому что страшно было. Они были в машине.

Во время украинской оккупации был откровенный грабеж. Несмотря на то, что люди сидят в доме, просто заходят украинцы нагло с автоматом, забирают компьютеры, ковыряются в вещах, забирают драгоценности. Это было повсеместно. Грабеж полностью был.

Крали украинцы, в первую очередь, машины, технику, компьютерную технику, фотоаппараты, телефоны, драгоценности. А потом, позже, по словам наших жителей, тащили все. Извините меня, и нижнее белье. Все выгребали. Такое ощущение, что украинские солдаты — варвары, дикари. Первое время были нацики. Амуниция хорошая, жестокие. Говорили жестко: «Сотрем с лица земли не только вашу Суджу. И до Москвы дойдем».

Мне рассказали, как украинцы обнаружили случайно дорогую машину и нашли ключи от этой машины. Так этот украинский солдат бегал, скакал на радостях и кричал, что всю жизнь мечтал именно о такой машине. Естественно, что они ее забрали и уехали на ней.

Вы же в курсе, что туры продавались? В Сумах продавались туры на грабеж Суджи. Туры на грабеж. Выдавался билет, пропуск. Пропускали. Заезжайте на машине, берите любой дом, грабьте, загружайтесь, везите, что хотите. Пропускали туда, пропускали обратно, не проверяя. Ездили как на рынок, только бесплатный. В Суджу. И это даже не вооруженные силы Украины, не солдаты, а прямо жители Сумской области. Мирские люди.

Они не скрывали. Потом выставляли на продажу. И, говорили, трофеи (Курская область). Они, не стесняясь, выставляли. Прямо не стесняясь. Даже иконы выставляли. Все украдено.

Ну, Господи, я не знаю, как до такой низости можно дойти. Это и цинизм. На маслодельном комбинате всю нержавейку грузовиками украинцы вывозили. Заставляли наших мирных людей грузить в машины.

Куда там они хотели? На атомную станцию? На Курск? Что им нужно было? Сейчас, оборачиваясь на эти восемь месяцев, у меня такое ощущение, что у них была задача именно террор мирного населения. Потому что военных достижений, стратегических или даже тактических, они никаких не достигли.

У нас было много родственных связей с Сумами. И это люди, они приезжали грабить, они знали, что едут к кому-то грабить. А раньше ведь Сумщина была вообще русскоязычной территорией. Ну, почему-то за это время им так вправили мозги. Информационная вот эта вся массовая атака на мозги украинского народа. Ведь ненависть к русским распространялась специально.

Они же понимают, что мы выше их нравственно. А это порождает только ненависть. И они всю жизнь будут нас ненавидеть. Как и Запад. И мы всю жизнь будем для них врагами. Они понимают, что они такими, как мы, никогда не будут. Что нет в них этого. Ни благородства. Ни этой толерантности. Ни этой души. Ни этой веры. У них этого нет.

ВСУшники говорили, что мы вас уничтожим здесь, сотрем с лица земли, выведем, изведем. Это ВСУшники нашим жителям говорили в глаза. В глаза.

У нас есть такие люди, которые честно в глаза говорили, что ВСУ — оккупанты. Где теперь эти люди? Их просто нет. Я видел видео, начало разговора, где человек говорит: «Зачем мне ваши подачки. Вы пришли на мою землю». Женщина хлопнула калиткой. Вы — враги. Вы оккупировали нашу землю». Что с ней стало? Ее больше нигде нет.

Не так посмотрел. Не так сказал. Нарушил комендантский час. Расстреляли. Убили.

Обнаружили однажды наших солдатиков, которые прятались. Выволокли. Наших российских военнослужащих, которые много недель прятались. Двоих просто расстреляли сразу, как говорит Ольга. Двоих забрали.

В Судже, в районе Гуево, был Славик, наказной атаман Гуевский. Мы поддерживали хорошие отношения. Я знаю, что он погиб, его убили украинцы.

Был бывший глава Махновского сельского совета, замечательный, удивительный человек. На глазах у Толика

с Галей украинцы просто его убили. И он долго-долго лежал на обочине.

Украинцы выстрелом, прямой наводкой стреляли в храм. Влетел снаряд, который повышибал все. А потом зашли и разграбили. Вынесли иконы и всё на свете».

Рыльская Леся Александровна, город Суджа (Курская область)

«Когда 7-го числа люди хотели выехать, украинцы стояли уже на кольце на Судже, расстреливали всех мирных, чтобы они не смогли выехать.

В Черкасском Поречном украинские военные тоже убивали, насиловали девушек молодых.

На моих глазах, когда только всё начиналось, ехала семья с города, получается, и украинский дрон их ударил, и машина сгорела просто заживо. Я только слышала, как ребёнок маленький крикнул «А!», и всё. Это была машина не ВАЗ, а иномарка какая-то была. Я так понимаю, там были муж, жена и ребенок. Всех убили.

Украинцы настраивали нас на тот лад, что наши военные не придут. Говорили, чтобы мирное население уехало на Украину. А потом, когда люди не поддавались на это, потом они уже начали говорить, что Суджу сровняют с землей.

С Махновки рассказывали, что украинские военные ходили и поджигали дома.

Они приезжали к нам во двор и хотели забрать у нас машины. Там стояли гаражи наши, вот они заезжали. Вскрывали гаражи.

Я вот помню крайний случай, когда они приезжали на белой семёрке и говорили, чтобы им отдавали машину. У папы была машина, отдавай нам машину, вот отдавай просто, давай. Если не отдашь, мы тебя расстреляем и дом сожжём.

Украинцы заходили в многоэтажные квартиры и оттуда брали все вещи. Подъезжала машина к подъезду. Выходили люди оттуда, с машины. Заходили и выносили все.

Я лично видела, что украинские пикапы и микроавтобусы приезжали напротив нас, к магазину «Красное&Белое», и оттуда всю продукцию увозили. Алкоголь.

Крайний раз я видела, они были в военном, но без автоматов. Женщина с мужчиной. Они из многоэтажек тащили сумки с какими-то вещами и коробки. Они ходили, выбирали. Золото, технику. У людей забирали машины.

Люди рассказывали, что украинцы с Сум приезжали на наш рынок, в магазины, и оттуда забирали вещи. В город приезжали и брали».

Мелихова Татьяна Михайловна (62 года), город Суджа (Курская область)

«Когда ВСУ заехали, возле перекрестка стояла их машина и стреляла всех. Кто шел, кто ехал, мирных людей стреляла.

А потом уже с нашей улицы двух человек они убили. Одному пуля в голову была, в лоб, а другому в живот. Он долго мучился и умирал. Коля, лет 50 ему было.

Они на улице лежали, недели три лежали, украинцы не разрешали хоронить. Запах был ужасный.

В меня тоже снайпер стрелял. Я шла к подруге, я не знала, что она уже уехала. В этот день они стреляли в людей. Я заборами шла, дорогу смотрю, а я к заборам, машина немножко проехала вперед. Украинская машина. Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять. Я услышала стрельбу. А потом возле меня, возле плеча правого, как прошла эта пуля, возле меня пролетела.

Я помню, потом женщина ехала в машине, ее машину украинцы расстреляли. Мужа убили. Ехали по трассе к Казачьей Локне. Женщина жива осталась, палец фаланга до одной шкурки болтался, прострелили плечо, руку. В крови еще была. Всех поубивали.

Возле «Мираторга» ВСУ поставили свою стрелялку, я не знаю, как она называется, которая стреляет «градом». И «градом» на нас стреляли. Потом они уже начали сами поджигать дома. Обливали бензином и зажигали. Именно те дома, где они жили, улики свои уничтожали.

ВСУ дома растаскивали. Стиральные машинки таскали, электроприборы. У меня даже ручную мясорубку взяли. Прямо из дома. Швейную машинку электрическую забрали. Удлинитель. Большой-большой был удлинитель. По мелочи много.

Я вечером один раз захожу, уже темно, смотрю с огорода, у меня фонари, свет красный в доме. Я захожу, они автомат на меня наставили. Они уже телевизор приготовили, мое зеркало приготовили забирать. Шторы позабирали новые.

Из других домов они много холодильников, стиральных машинок, все повывезли. Газовые колонки снимали. Ну, в общем, где что».

Щеглова Наталья Сергеевна, город Суджа (Курская область)

«Когда мы первый раз вышли в сторону магазина «Василек», то там на пешеходном переходе стояла машина. Она была вся сожжена, и оттуда вытащили мужчину, и прямо, когда мы шли, его прикапывали наши гражданские песком.

Люди рассказывали, что украинцы удары нанесли. Мужчина был пристегнут, и он не смог вывалиться из машины. А женщина была непристегнутой, она выкатилась из машины и осталась живой.

Когда мы шли к колодцу, на углу школы лежал мужчина. Он каждое утро ходил к храму, крестился, как здоровался. Он верующий человек. Его украинцы расстреляли, и он долго лежал. Наверное, больше месяца он лежал.

У нас в сиротских домиках жил парень. Жил там с женой молодой. ВСУ пришли к нему, а на следующий день они его забрали. И больше его никто ни разу не видел.

Грабежи были. Приезжали ВСУ машинами, загружали машинки стиральные, технику, котлы. В начале приходили, готовили, все как-то подготавливали, в смысле выносили уже из домов внизу, пораскручивали, а потом ночью приезжали. Ночью, хоп, приехали, утром приходим — там уже нету ничего.

Меня встречает моя знакомая, говорит: «Вот в этом доме у нас жил инвалид. Заехали ВСУ и вынесли даже памперсы». Они даже памперсы и кресла вынесли. Инвалидные кресла забрали. Вынесли у них технику. Телевизоры они просто расстреливали. То есть портили.

Украинцы к нам приходили, и блогеры, и все. Украинские. Да, с таким, типа, с нами же хорошо, мы же вас кормим. Не то, что с Россией. А вот в Крыму, там люди

живут в оккупации, и там им даже хлеба не дают. А у меня сестра в Крыму живёт, я знаю, что там всё хорошо. Мы молча их послушали и ушли.

Одна украинский блогер спрашивала: «Как вам живется с Украиной?». Как раз перед этим мы с ребенком ехали на велосипеде, подъезжаем к дому, а от нас отъезжает машина с украденным. И быстренько в спешке украинский военный закидывает к себе пакет, у меня в мешочке было порошка. Я только увидела, как мелькнул этот пакет. То есть, украинский военный украл порошок, сел в машину и поехал. Я блогеру говорю: «Да, хорошо у нас с вами живется, вот вчера у меня украли порошок». Она была не рада, она даже нас не снимала».

Владимир, село Черкасское Поречное (Курская область)

«Мы с женой были дома, пошли в подвал. Двери я прикрыл. Смотрю, дверь, раз, открывает. Украинец не говорил, кто там, лимонку бросил, гранату в подвал. Мы хоть за стенкой-то сидели. Жене немножко лоб поцарапало, мне ногу.

А потом уже он кричит: «Вылазьте, кто там есть». Мы вылезли с жинкой. Я встал возле стенки дома, а она возле двери. Лет под 50 ему. Моя что-то сказала ему. Он прям сразу затвор передернул и с двух метров ее застрелил. Он на меня. И автомат на меня. Я глаза закрыл, стою, жду. Думаю, сейчас и мне смерть будет. Слышу, что-то он бубнит, а не стреляет. Я глаза открываю, а он затвор. Не мог выстрелить. Потом за автомат, за ствол взял, об землю. И ногой

об это взводил. Я смотрю, что-то выскочило. Я думаю, это пружинка или что. А потом понял, когда свою жену начал хоронить, что патрон выскочил. Это меня спасло».

Власова Ольга Владимировна, село Казачья Локня (Курская область)

«Самое было плохое — эта вот группа «Азов», это были твари. Они кувалдами выбивали, а мы в сиротских домах были. Кувалдами открывают дверь, а мы прямо там спали.

Сказали мне: «Если у тебя найду российского военного, тебе расстрел в шесть часов вечера будет. А моему мужу под ноги стреляли.

Приехала из Сум журналистка украинская. Я говорю: «Это ваши ребята, азовцы, уголовники, нас убивали». Она мне внаглую говорит: «Ну вы же живы остались, вам же повезло». Прям внаглую. И мне прикладом ВСУ, прям при всех.

ВСУ сказали, что мы ненавидим русских, это чистые уголовники, вы понимаете? Уголовники, что вам еще сказать? Сказал, что ровно в 6 часов тебя просто расстреляют. Дверь все равно они выбивали кувалдами. При открытых дверях спали, потому что знали, что они выбьют заново эту дверь.

Они много избили людей. Меня прикладом били, забрали у нас парня, а он как-то между слов сказал, что служил. Ну, его забрали, мы больше его не видели, Женька.

Вот возле магазина «Василек», это вот центр идет на Суджу, а другой идет на Льгов. Наш русский парень лежал, ему все отрезали, кинули на асфальт. А потом, когда приехали украинские журналисты из Сум, они его убрали, чтобы не показывали.

Украинцы дома бомбили, стреляли. Били запросто. Они что, не видят, что здесь люди живут? Все летело. Просто все летело».

Белобров Богдан Викторович, город Суджа (Курская область)

«Я лично видел, при нас сожгли машину с семьей ударом украинского fpv-дрона. Гражданская, серого цвета. Там семья была — мужчина, женщина и ребенок.

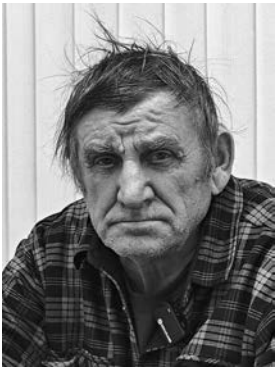
Проехала машина, женщина держала белый флаг или тряпку. Потом слышим взрыв. Машина съезжает на обочину, врезается в дом и горит.

Русские для них — не люди. Некоторые украинские солдаты прямо говорили: «Мы всех тут вас бы перестреляли». В основном, с Западной Украины они были. Говорили, что мы для них — не люди, что нас «надо расстреливать, вешать».

Избивали просто так многих. Просто так, попался не в том месте. Избивали, ломали ребра. Лично видел таких

Грабили украинцы сначала самое ценное — золото, драгоценности. Потом пошла в ход техника, компьютеры, машины. Вплоть до женских вещей. Знакомая женщина рассказывала, что у них в квартире дверь вырвали вместе с коробкой. Вещи все перекопашены были. И некоторых вещей, даже личного нижнего белья, не досчитались.

Украинские гражданские люди приезжали, прямо скажу, тариться в наших магазинах на халяву. Что понравилось, то забирали. Магазин открыт, и все, бесплатно грабишь».



Ворушкин Анатолий Николаевич, село Казачья Локня (Курская область)

«По дороге в Курск стояли машины, подбитые украинскими дронами. Они, когда наступали, они били. Уезжали люди местные, их расстреливали там. Украинцы стреляли по машинам. Пугали, наверное, людей, чтобы не выезжали.

Обстреливали дома. У сына моего невестки дом. У них дома ни окон нет, ни дверей. Три раза попало снарядом.

А при отходе украинцы подпаливали дома. И рядом один дом, второй рядом загорался. И сарай, и пристройка у человека горят.

А еще украинцы забирали все подряд. Стиральные машины, телевизоры, чайники электрические, электронику всю забирали».

Савченко Елена Николаевна, село Заолешенка (Курская область)

«У меня сосед ездил, отвозил другого соседа, успел отвезти соседа и мать до Большого Солдатского, возвращался обратно. На него украинский дрон скинул гранату. А еще были расстреляны машины с улицы.

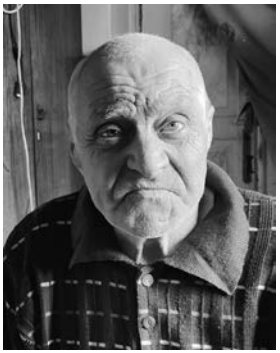
У меня у соседки мать видела, как на рынке украинский солдат поставил шесть человек к стенке и сказал, что он сидел, говорит, там отсидел то ли 15, то ли

больше лет, и типа того, что ему по фигу, кого, говорит, убивать.

Украинцы грабили все, от бытовой техники, ну, вплоть до трусов, скажу так. И даже маникюрные наборы. У меня девчонка по соседству занималась маникюром. Они приехали, забрали все, и потом я сама видела, как у них выпал маникюрный набор, ножницы маникюрные выпали. Из женского чемодана, ярко-салатового цвета, что они забрали. Понимаете, забирали все. Ложки, вилки.

Начиналось с четверга, начинают выставлять. Каждую неделю. Вот одни прошли, смена сменилась на другую. В пятницу грузятся и вывозят. В воскресенье же, наверное, другие приезжали. И так каждую неделю».

Васильков Сергей Владимирович (74 года), город Суджа (Курская область)



«Один парень не выдержал, завел машину и хотел с семьей выскочить. Прорваться, выскочить. Не дали украинцы. Погубили всех. Убили всю семью. И детей, и хозяина, и жену. Еще троих каких-то наших хлопцев убили, застрелили. А вот бомбить они нас начали 5-го числа. И по домам мирным стреляли.

Потом украинцы грабили, вычищали все. Даже тряпье, наверное, родне отправляли. Вещи, женская одежда, мужская. Я видел одну машину «Таврию». Её отняли, номера срубили с неё. И ВСУшники ею пользовались. Она была забита полностью. Уже, видимо, в мешках не помещалось, а чтобы уместилось, прямо без мешков, вот навалом. Прессовали, прессовали, прессовали. Вот такое было».

Нишпоренко Михаил Павлович (67 лет), село Гончаровка (Курская область)

«Я получил ранение, когда дома́ горели от украинских обстрелов. И потом сильный взрыв. У меня заложило уши. Чувствую, под майкой мокро, там кровища. И как куриное яйцо вздулось. Ранение в брюшной полости.

Соседка пришла, и с сестрой, я жил с сестрой, помогла перевязать. Кое-как там перевязали».

Хуриев Владик Владимирович, слобода Белая (Курская область)

«Алексей выехал из дома в сторону работы. Ничего вроде бы не предвещало беды, человек едет спокойно на работу. Летающий объект появился, он — уходить от него, он — никак. Он уходил от дрона и притормозил, дрон перелетел машину, перед машиной в пяти метрах он ударился и сдетонировал. Какие-то обломки, куски.

Дорога простреливалась. Помимо таких дронов, всякие вот «Баба-Яги» тоже летают и сбрасывают. Такое специальное дело, чтобы люди получали увечья.

Например, трасса Коммунар—Белица постоянно находилась под этими дронами, которые летают, обстреливают.

Регулярный обстрел ВСУ вели не только нашего района, но и соседних тоже районов, по мирным жителям.

К сожалению, к большому сожалению, среди вот этих обстрелов очень много гибнет мирного населения. То есть и гибнет, и получают увечья. Люди остаются инвалидами. И большинство теряет свое имущество.

В моем районе, например, ну, может быть, человек уже даже где-нибудь до 100 погибло. Регулярные постоянно прилеты. Они там не выбирают, не разбирают, что, куда. То есть целенаправленно идет убийство мирного населения. Целенаправленно.

Я получил осколочное ранение. Насколько я понимаю, стреляли какими-то кассетами. ВСУ отработали кассетными снарядами, которые были начинены всяким металлом, шурупами и прочими непонятными элементами. До конца не могу это все понять, потому что еле чудом уцелел.

Грубо говоря, едет машина, где-то передвигается гражданская. И ВСУ целенаправленно прямо метили в бак, либо со стороны водителя, чтобы нанести больше увечья. Бывало, мы прыгали с машины на ходу.

Украинские войска уничтожали наших мирных — это как месть, в моем мнении, специально. Как и раньше, в свое время в Великую Отечественную войну, нацисты ничем не гнушались. Нацисты и их палачи.

Так и по сей день осталось. Им без разницы, в ребенка это летит или еще что-то. Они это делают специально, чтобы запугать народ. Чтобы подавить вот этим всем, потому что на этой войне у них не хорошо получается.

Украинцы пытаются отыграться на мирном населении, которое, понятное дело, ничего им не может что-то противопоставить.

По мирным, почему бы нет? По бабушкам по всяким, дедушкам и так далее, по детям. Они — фашисты, которые прибегают постоянно к варварским запугиваниям населения».

Игнатов Петр Яковлевич (72 года), село Алексеевка (Курская область)

«Украинский дрон пролетел в одну сторону, разворачивается — в другую. Я говорю, вот я его вижу, вот он. Он приземлится и — бух — в нас. Восемь человек, двоих ранило. Кроме меня еще бабушку ранило, 80 с чем-то лет бабушке.

Когда украинцы обстреливали село, человека убило насмерть. Лысаченко Михаил. Уже на пенсии он был, конечно. 1958-го года. Как прилетело, придавило его стенами. Российских войск там не было. Потом дронами дома спалили. Какая им разница, гражданские или военные».

Штаненко Александр Николаевич, село Черкасское Поречное (Курская область)

«В первые дни наступления украинцы много расстреливали. Просто-напросто ехал БТР, и с БТРа просто расстреливали по домам. Кто выходил — просто застрелили. Кому чудом повезло остаться в живых, вот и остались. Остальные погибали.

И по моему дому стреляли. Прямо у меня на глазах, мы с женою чудом уцелели. Весь дом изрешетили пулями. Кое-как выползли после обстрела, поползли в подвал.

Из БТРа украинцы стреляли, из пулеметов стреляли, с автоматов. Восьмиколесный БТР был, и на нем сидели

украинские военнослужащие, и они стреляли именно целенаправленно по домам. Он развернул башню просто-напросто и стрелял чисто в дом. Прямо в дом, по мне. Где я стоял, он прям по мне стрелял. Большая пушка, снаряды большие были, отлетали. Это было все усыпано патронами. Калибры все там калибры лежат. Их никто не уберет, они так и оставаться будут. Доказательства. Из тех, которых мы видели, мы насчитали 12 человек убитых мирных. Которых мы насчитали погибших в нашем селе, которых я знал. Сердюковых убили. Ильина Галина тоже в доме погибла. Стреляли по ее дому

Один парень пытался убегать. Через огород там пробежал. Его догнали украинцы на БТРе. И расстреляли просто. Ну, и много так. Много еще тех, которые остались под завалами, дома их сгорели.

Семь месяцев мы там под ними прожили. Не прожили, а просуществовали. С горем пополам. Поначалу было страшно даже выходить. Их очень много с автоматами ходили. Мы почти не выходили. Редко там покушать что-то приготовишь, вылезешь с подвала по-быстренькому. Ну, там, корову напоить. Мы как-то быстро по хозяйству управлялись. Пять минут, быстро управились, пока нет их, пока тихо. И опять прятались в подвал.

А 4 марта меня с женой подбил украинский дрон. Специально, преднамеренно. Он видел нас, повернул прямо в нашу сторону и нас подбил. Они нас знали очень хорошо, видели и знали, что мы — мирные.

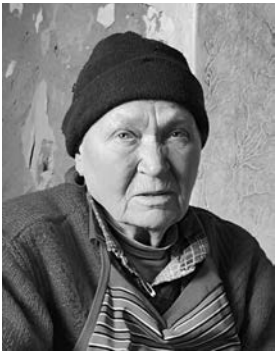
Нужна была вода. Жена попросила, говорит, напротив колодец. Говорит, принеси ведро воды. Взял ведро, прислушивался, чтобы не попасть под что-то. Опасался. А тогда просто поспешил и не прислушался.

Увидел, как разворачивается на меня боевой дрон, вижу, с зарядом несется, прямо на меня летит. Целенаправленно. Секунды ждал, думал, что он, может, отвернет. Потом

стал видеть, что он приближается и не будет сворачивать. Двинулся назад, закричал жене: «Ложись, взрывается дрон боевой». Но она успела там как-то присесть. Я развернулся, успел пару шагов сделать, и просто упал на землю. После чего произошел взрыв, и меня подкинуло. Потом уже почувствовал, что по мне кровь течет. Думаю, слава Богу, живой. Переживал за жену, повернулся. Жена кричит. У нее была рука перебитая, пальцы отсечены. Перебита очень сильно.

Потом мы рискнули — стали убегать, пошли. Я, жена и собака с нами. Овчарка, немецкая овчарка. Там познакомились с этой овчаркой, подружились. Она других хозяев была, но познакомились, подружились с ней. Не разлей вода были. И вот пошли, собака нас почти вела. Ну, как местный, я дорогу знал, как выйти. Но не знал, конечно, что там впереди нас ждет.

У меня глаз такой был, что я не видел. Один глаз вообще не видел, а второй такой в пелене был. Собака шла, она всегда со мной ходила рядом. И помогала идти. Жена с одной стороны, собака с другой стороны. И вот мы так все время потихонечку. Собака показывает, где мины. Именно она меня отводит и отводит, отводит. Не давала на мины наступать, их там очень много было».



Богунова Анна Семеновна (85 лет), город Суджа (Курская область)

«У нас есть площадь, советская площадь. Там, рассказывали, троих украинцы расстреляли.

Мы вообще боялись. ВСУшники выносили из частных домов, выно-

сили, вывозили всё абсолютно. Тащили вот такое, что более-менее им пригодно. Ну, тащили все, кому не лень.

У нас же улицу всю сожгли».

Записной Михаил Николаевич, деревня Леонидово (Курская область)

«На хуторе Зеленый Шлях находились в подвале муж с женой и еще соседка. Услышав движение во дворе, муж открыл вход.

В ответ — автоматная очередь, он погибает. И в подвал украинцы кинули пару гранат. Женщины чудом из-за перегородки выжили.

Червякова Татьяна Алексеевна из Новоивановки с мужем пошла. И их встретил украинский БТР. И прямо по ним начал стрелять. Они там упали.

Пострелял БТР, отъехал, видит, что зашевелились. Добавляет по-новому. Она получила ранение ног сильное, прострелы руки. Еле выбрались они оттуда. Им за 70 лет. Потом муж ее умер уже.

ВСУшникни украли у меня машину «Ниву», машина 30 тысяч пробег, совсем новая. Пришли, угрожали гранатой, потребовали ключи от машины. Исчезла машина.

Мой друг, Сергей Дмитриевич Нестеренко. Пришли пьяные, видно, из Западной Украины. Угрожали жене из автомата, пострелял впереди ног, сделали очередь, потребовали ключи. Там крик пошел, у жены слезы. Ну, Сергей вынес ключи, отдал, украинцы завели машину и уехали.

Вот тут турок у нас жил один, у него не на ходу машина была, но и ее зацепили и уволокли украинцы. А напротив

села Нестеренка жили азербайджанцы. Они держали животных домашних. Магазин у них был, торговали.

И украинцы дня три-четыре их грабили. По ночам машина подъезжает, и грабеж идет по полной программе. А потом подожгли их дом зажигательной гранатой и сожгли потом».

Бобоев Хайдурод Наджулаевич, город Суджа (Курская область)

«У людей много забрали, вывозили украинцы. Холодильники, телевизоры. Когда они зашли 10 августа, мы с сыном сидели на дворе, а прилетел со стороны Украины снаряд.

Нас, где мы жили, разбомбили. Мы спустились в погреб. В погребе мы жили с сыном четыре дня.

После этого, когда украинцы пришли ночью, мотоцикл забрали, мы пошли на курятник. На чердак залезли и 21 день на чердаке жили.

В бочке грязная вода для курей, вместе с ними пили ее. Куда деться? Потом нас сосед забрал к себе домой».

Богачев Михаил Иванович, село Черкасское Поречное (Курская область)

«Они стреляли все подряд. Есть там люди, не есть там люди. Просто едет украинский БТР, стреляет по домам, по окнам, по крышам, по дво-

рам, по всему. Едет и стреляет. Есть там люди, нет — все стреляют. Восьмое августа 2024-го. Деревни нет. Спалили.

Они как осели в деревню, выбрали себе свои, где они базируются, и запускали дроны. Как палили дома, видел. Как дроны взрываются, я сам видел. Школы, церковь, клуб, магазины — все разбивали. Школы тоже, да, обстреливали, дроны сбрасывали. Все разлеталось.

Убили людей дронами, кто хотел убежать через луг. Украинцы за ними не бегали, просто вслед стреляли, расстреливали.

А еще они забирали себе телевизоры, бензопилы, генераторы, автомобили, аккумуляторы. Ходили и, что им нужно, то забирали. Телевизоры, одеяла, подушки».

Недзельская Светлана Николаевна, село Казачья Локня (Курская область)

«В самом начале, это было где-то 7 августа 2024-го, убили ВСУ двух мирных жителей нашей улицы.

Фамилия одного Зарудный Михаил, по селу его звали Миша Сыла. Ему где-то лет 60 было. Второй, Коля, по селу его звали Мамлыга. Ему где-то 50 было. Они были застрелены на улице. На улице несколько дней они лежали. Потом их немножко присыпали землей, потому что жара была до 40 градусов. И через некоторое время их перезахоронили на кладбище.

К нам один раз приходил подвыпивший ВСУшник. Потом оказалось, что он — бывший заключенный. Маме говорил, что может в ногу выстрелить. Маме 77 лет.

Однажды мы услышали стрельбу сильную. Мы с дочкой спрятались в доме. Потом на улице сгорело два дома. Это

где-то через три дома от нас. Потом узнали, что там нашли, обнаружили российских военных. Одних они сожгли в доме, а над одним поиздевались и застрелили на улице. У соседей, возле их домов это было. Потом этот парень уже лежал на улице, его тоже со временем немножко присыпали.

Украинцы у нас машины отнимали. Даже если кто-то умудрялся снять аккумулятор и колеса, все равно они забирали. Трактор угнали на Украину. С пустых домов вывозили всё, что могли. Машинки стиральные, холодильники. Мы сами лично видели, как оно выезжало. Через щелочки, через окна мы смотрели. Я сама лично видела, как украинцы загружали».

Штаненко Наталья Николаевна, село Черкасское Поречное (Курская область)

«Муж вышел набрать воды до колодца, летел груженный украинский дрон. Он мужа заметил и начал на него заворачивать. Муж во двор забежал, падает, говорит, на меня дрон летит. И мы с ним упали возле дома, во дворе. И он взорвался, и осколками нас покалечило. У меня мизинец переломленный и на ноге множественные осколки. Здесь на голове тоже осколок вытаскивали. 4 марта 2025-го, 4 часа дня.

И поэтому мы стали выходить оттуда, потому что уже невозможно было. Раны многочисленные. И мы думаем, что будет, то будет. Ну и пошли рано утром, переночевав.

Ночью переночевали, чтобы уже поздно не пошли в ночь. Перевязали, у нас там, рядом, мирные были жители тоже, они нас перевязали. Мы переночевали и пошли на Курскую

трассу. И дошли до наших солдат. Мины обходили, там было много мин, но мы их обходили. Господь миловал».

Фисенко Марина Евгеньевна (62 года), город Суджа (Курская область)

«У нас грабили украинцы и военные, и гражданские. Наверное, из соседних сел с Украины. Все кряду, все, что можно было тянуть. И холодильники пёрли, и какую-то бытовую технику, и постельное белье. И одеяла, пледы, мебель грузили, мотоблоки. Даже эти тракторки сельскохозяйственные.

Они были без оружия. А за дверью на крыльце, военный украинский. Я увидела часть лба, автомат и форму».

Хивук Людмила Мунировна (73 года), город Суджа (Курская область)

«Украинцы убивали, когда люди нарушали их комендантский час, их режим. Режим был у нас с 10 до 5 часов, после 5-ти мы не должны были где-нибудь появляться. И были случаи, когда люди уходили, уезжали куда-то, допустим, поехали в магазин, их украинцы отстреливали. Убивали, короче. И это был не единичный случай.

Был даже такой случай, что я вышла раньше времени, мне нужно было пойти по дамбе к себе в дом. У меня была

на вокзале квартира, я хотела ее проверить. И прямо вышла я там минут, может быть, за 10—15 раньше, и во след мне они прямо стреляли. Прям автоматная очередь была. И были ещё случаи, что убивали людей, которые, опять же, даже не нарушали, а поехали куда-то. Два человека были застрелены из интерната. Они вечером поехали. Часов в семь, наверное, поехали. Это уже было нарушение. Их застрелили».

Агапов Вадим Николаевич, село Заолешенка (Курская область)

«Сначала украинские солдаты, которые первые заходили в село, это были штурмовые отряды. Некоторые не говорили по-украински, это был польский язык. Эти просто неадекватные ребята. Убили мужа Людмилы Беловой. Мы его ездили искать, нашли только могилу. Он ехал на скутере, и его застрелили».

Крюкова Нина Федоровна (68 лет), село Плехово (Курская область)

«Мой сын вышел 13 сентября. Он говорит: пойду немножко огурчиков, сало возьму. Я его еще не пускала. Думала, вот как предчувствие какое-то. Говорю: «Саша, у нас есть пока». — «Нет, я пойду, я быстренько приду». Ну, пошел и не вернулся.

Утром пошел мой племянник. Пошли искать. Племянник говорит, пойду я в дом. Заходит, а он лежит, руки связаны пленкой, скотчем. На левой стороне лежал. У спины три выстрела сделано, и голова расстреляна. А потом уже мы его стали вывозить на коляске, чтобы похоронить.

Как-то пошли по воду, у нас колодец заминирован оказался в огороде. Одно ведро вытащили, второе вылили в фляжку, второе ведро стали поднимать, а с ним еще собака походила, Дружок.

И она в общем, видимо, помешала, иначе только их, наверное, совсем бы разорвало. А то она промеж ног вот Колиных проскочила и промеж колодца. И её разорвало. И ребят сразу поваляло троих. У Коли уже, как говорится, как средняя тяжесть была. У него обе ноги были как пробитые. Он на ногах, на локтях и на коленках дополз до дома. Второму чуть легче. Он дошел до дома. Он говорит, пойду скажу мужчине. Там знакомый, Николай. Пускай тачанку берет и поможет.

Он в соседний дом к нему зашел и слышит выстрел. Переждал, говорит, минут десять. Заходит, а он уже расстрелян в голову. Мужчина этот лежит.

Украинцы поджигали дома. А перед этим, у кого окна поразбивали, у кого двери посламывали, гаражи, и начали воровством заниматься. Они угоняли машины, потом мотоциклы, у кого скутера были, у кого квадроциклы. Это все они пособирали. Потом начали дебоширить в домах.

Вчера нам показали фотографии тел расстрелянных. И говорят: «Вы этих людей узнаете?» Ну, мы сразу посмотрели, сразу узнали четверых. Таня говорит: «Вот эта Пронякина, а это ж мой Николай и моя Зина сестра». Ну и Люду, и Игоря мы узнали. Только сейчас узнали, что их постреляли. Постреляны они были тоже в голову украинцами».

Сергей, село Казачья Локня (Курская область)

«Наш боец отстреливался, его застрелили, а потом начали над ним издеваться, вырезали у него достоинство, положили в каску, и он лежал».

Верба Раиса Андреевна (73 года), село Замостье (Курская область)

«Я была с сестрой в доме, вдруг залаяла наша пекинеска, собачка, и я услышала, как подъехала машина и остановилась возле нашего дома, под нашим двором.

Я побежала к окну, посмотрела, выходят из машины военные, обмундированные, с автоматами, масками, и идут к нам в дом. Украинские военные с синими повязками. И на голове что-то, на касках повязки. Ну и тут же символика у них желто-голубая.

Один говорит: «Машина у вас есть?» Я говорю, что дочкина машина в гараже. «Мы ее забираем, ключи». Руку подставил, ключи. Отдала ключи.

Потом они спросили, у кого еще есть машины? Ну и они пошли. Кувалдой начали сбивать замки, разбивать ворота на гаражах, искать машины.

Через один дом от нас еще одну машину нашли. Из гаража выгнали ее, завели и уехали.

У меня забрали «Киа Рио». Они кувалдой номера сразу сбили с машины. Завели и поехали.

Сначала машины забирали. А потом забирали все, что можно. У людей, у кого были прицепы, выгнали прицепы. Забрали мотоблоки, забрали все, что было в гараже».

Козлов Николай Иванович (71 год), село Плехово (Курская область)

«Когда украинцы зашли, на второй день они начали взрывать гаражи. Взрывать гаражи, забирать машины.

В наш подвал украинские военные стреляли, но не попали как раз в угол, где мы были. Потом они ушли. И пришли снова часа в четыре. Меня положили на землю, а жена слабоходящая. По рации связались со своим начальством, спрашивают, что с ними делать. Ну, оттуда отвечают: на ваше усмотрение. Ну, там двое пожилых украинских военных было, и они, в общем, уговорили молодых, чтобы нас оставили в живых. Эти пожилые украинские военные нас спасли. Если бы не они, то нас другие бы расстреляли.

Ранение мы получили 7 декабря. Мы пошли по воду и подорвались, колодец был заминирован. А потом мы узнали, что возле другого колодца четверых с нашей улицы с утра застрелили. К другому колодцу они пошли и как раз на украинцев нарвались. И их, всех четверых, тоже в голову постреляли.

А мы пошли к другому колодцу, мы ходили на тачках сразу, чтобы воду 100—150 литров привезти. С нами еще были Королев Владимир Алексеевич и Пронякин Василий Иванович.

Там и подорвались втроём. Василию Ивановичу обе ноги и кости все поперебило. Я на одну ногу не мог наступить. Я на коленях и на руках дополз, больше километра до дома.

А Владимир Алексеевич зашел во двор у другого и услышал выстрел. Он побоялся, минут 7—10 постоял, потом вроде стихло, все, зашел, посмотрел: «И он убит», — говорит. Забелин Николай Александрович. 67 лет. Я захожу к нему что-то сказать, а он во дворе лежит убитым. В голову застрелен.

На другой улице убитых украинцами было еще двое, и женщина сгорела в доме. Она малоподвижная была, не ходила.

Мужа ее застрелили во дворе и подожгли дом. Она с 1946 года, а муж ее был с 1941 или с 1940 года».

Беленцова Зоя Владимировна (64 года), село Погребки (Курская область)

«Я получила ранение 4 сентября у нас в Погребках, когда перевязывала соседа. Обстреляли дома украинцы. Бьют они, их дроны летают, взрываются, осколки летят от них. Николаю Радюкову попало на улице, я его перевязывала. И они ударили в его хату, а меня ранило. И начала гореть хата сразу. Мы из этой хаты уходили. Я ещё упала, была без сознания. Потом пришла домой, муж меня перевязал. Украинцы начали и эту хату бомбить. Мы убегать. Все это были украинцы.

Потом мы жили четыре месяца в подвале. Мою хату бомбили, разбили, били по-страшному. Очень было страшно. 17 октября моего мужа убили. Виктор Марьянович Реут. Ему было 54 года. Мы сели на лавочку, он говорит: «летит дрон». Я говорю, уходи, дрон. И вот дрон, «Баба-Яга», мины начал разбрасывать. Его эта мина убила. И сарай начал гореть. Когда попало в него, он прожил всего десять минут. Разорвало ему ноги, попало в сердце, попало в легкое.

ВСУ нам перестали давать проход к воде. Заминировали нам дорогу, заминировали нам источник. Я, когда уходила, шла через мины, очень много переходила мин, чтобы не взорвались все.

ВСУ убивают людей. Как увидят, так и стреляют. Надежду, помню, убили на глазах у мужа».

Глинникова Надежда Григорьевна, село Николаево-Дарьино (Курская область)

«14 декабря украинская «Баба-Яга» сбрасывает возле нашего подвала и меня ранит в ногу. У меня был только один бинт. Еще что спасло? У меня была присыпка. Я держала хозяйство, для птиц и поросят была присыпка. И вот этой присыпкой стал у меня Антон обрабатывать ногу, сыпать. Один бинт был у меня. Но когда это все разорвало мясо, кость не задело, я понимала, что надо это все обрезать. Он все это мясо, шкуру, все обрезал ножиком. Вот это сыпал присыпкой, забинтовал бинтом. Бинта хватило на два раза. Больше нечем было.

У нас была бабушка, 86 лет, она шла с дома, еще подвал не был у нее засыпан, она пошла домой взять соленье, варенье, и когда она шла, то тоже украинский прилет, и ее ранило. Украина била.

Мальчика Макара убили. Он с отцом приходил в наш подвал. 23 января он был в нашем подвале, разговаривал. Ему было семь лет. Он сказал: «Я вырасту и все равно им отомщу за это все». Очень хороший мальчик. 24 января к ним в подвал сбросила «Баба-Яга» и вот этот мальчик погиб в подвале. Дедушке его ногу перебило, а его насмерть.

Чайкин Макар Александрович, а дедушку его звали Баранов Александр Николаевич. А Третьяков Сергей Васильевич шел от сестры домой и налетели дроны, две «Бабы-Яги» и скинули, и его ранило. 2 декабря его ранило, а 8 декабря он умер. Он так мучался.

Скворцов Владимир Николаевич погиб. Это был прилет. Он сразу насмерть. А там был с ним еще Киселев Алексей Павлович. Ему повредило позвонки, он не мог ногами шевелить. Мы к нему: «Леша, Леша». Он разговаривает, а ходить не может. Алёше 37 было. Вову 29 октября убили, а Леша умер 6 ноября. Мы сами Лешу похоронили. Терентьев Борис Петрович погиб. Ему было 56 лет. Его ранило, он спустился в подвал, и уже когда его нашли, он был мертвый.

А отца Лешкиного спалили украинцы — бросали гранаты в подвал, и он сгорел. Это было числа 27—28 декабря. Женщину одну 13 февраля — тоже прилет в подвал. Сын вышел, она осталась там. Ее привалило, 95 лет ей было. Украинский сброс с дрона. Екатерина Михайловна ее звали. 25 декабря украинцы расстреляли семью Пугачевых.

Украинцы 8-го, после обеда, часа в четыре ехали на танке и стреляли по домам. А когда мы пришли в село Апанасовка, там уже все горело. Слышали крики женщин, детей. Нечем было питаться. Одну воду пили с речки. С 26 ноября мы жили у соседки. Я, муж и еще женщина, у нее тоже все сгорело.

1 декабря муж пошел набрать домой воды, а украинцы его в спину застрелили. Я ждала, ждала, не дождалась. Пошла, он уже мертвый во дворе по улице Ульяновка. Я слышала выстрелы. Анатолий Иванович, 68 лет. Я побежала к друзьям. Мы его забрали. Дома уже похоронить его нельзя было, потому что там прилеты были сильные. Мы увезли его на другую сторону улицы, на родительском дворе, на огороде родителей моих похоронили. Он был одет в гражданскую одежду, а украинцам без понятия, им было все равно».

Другань Елена Анатольевна, село Новоивановка (Курская область)

«18 октября мы шли с отцовской женой. Мы втроем жили — отец парализованный, Ольга, его жена, и я. И мы пошли с ней за картошкой. Идем с ней, метров пять до дома оставалось идти, и раздаются автоматные очереди. Мы упали. Упали, думали, что может украинцы пугают. И тут первая пуля прилетела мне по предплечью. И тут я понимаю, что это не шутки никакие, уже они, значит, убивать будут. И я кричу: «Ольга, полезли, это не пугают нас, это уже по-настоящему застрелят». Она полезла в огород, а я полезла по улице. Я быстренько ползу, а автоматная очередь пошла работать по мне. И автомат работал не один, потому что звуки разные. За то время, что мы побыли там, мы уже стали различать, и, получается, две пули прошили руку мне, локоть. Сустав раздробило, кости. А потом, ну, оставалось метр до ворот, пуля пришла мне в бедро, другая в икру внизу. Икру вырвало, а ногу выломало, подвернуло, и меня перевернуло в воздухе, я упала на спину. И я понимаю, лежу, понимаю, что не могу ничего сделать, не могу двинуться. Я начала кричать: «Помогите, помогите». И они начали смеяться, я услышала, смех стоял долгий. Украинцы смеялись.

Видели, что идут две женщины, но все равно открыли огонь. По какой причине, мы даже не знаем, почему по гражданским начали лупить. Может, поиздеваться решили, может, посмеяться решили. И еще потом смеялись.

Меня люди затянули кое-как. За руку меня затянули, перебинтовали, в дом вкинули. А вечером, слышно было, когда мимо дома проходило два украинца, один другому говорит, что вот сюда её затянули. Мы очень перебоялись

все, потому что думали, сейчас придут и будут добивать нас украинцы.

Потом через где-то дня два, вылезла женщина, она была без ноги, напротив, в подвале жила. Она рассказала, что её мужа застрелили прямо в подвале с автомата. Услышал шум, шорох, что кто-то лазит. И спросил: что вам надо, что вы хотите? И они молча, ни слова, ни полслова, они застрелили его. И потом он упал к ногам женщин в подвал. И украинцы закинули туда гранату. Граната еще взорвалась под ним, оторвала ему ноги. Женщине осколки мелкие попали. Она сидела там, боялась, потому что страшно было вылезти, потому что могли бы застрелить и ее. Они начали звереть, украинцы и без разбору стреляли уже. Гражданский, не гражданский.

А мне они стреляли прицельно по конечностям. Пули в две руки и две ноги — это решили поиздеваться. Что ползи, мол, выживешь — выживешь, не выживешь, значит, не выживешь. Недалеко же они были, если вы их слышите. Метров двести. Икру мне вырвало, мясо вырвало.

А когда не было воды, мы снег топили или сидели вообще без воды по три дня, так, что горло пересыхало. Не было возможности. В деревне было три колодца всего. Они понимали, украинцы, что три колодца, что кто-то придет по воду. И они стали вешать эти дроны над колодцами. Они стали убивать прямо около колодца людей, гражданских. Одна бабушка шла за водой и ее там убили около колонки».

Вакуленко Татьяна Анатольевна, село Гончаровка (Курская область)

«Мы с мужем просто пытались выехать. Вакуленко Александр Алексеевич, 44 года. Его украинцы убили.

У нас обыкновенная серая машина, серая, серебристая, гражданская, обыкновенная машина. Пытались выехать на трассу, которая ведет в город Курск.

В районе объездной мы услышали, что стреляют автоматные очереди. Я за рулем была в машине. Муж сказал: «Разворачивайся. Давай пробовать выехать через Казачью Локню в город Льгов». Когда мы уже въехали в село Казачья Локня, у нас сразу на въезде был такой магазин «Василек». Напротив этого магазина, тоже боковым зрением вспоминаю, было что-то оборудованное ими. То ли из мешков, то ли из коробок, но вот как блиндаж. Мы только въехали, там просто дорога в поворот.

И нас сразу начали обстреливать. То есть никто не просил остановиться, что-то выяснить. Никто там не пытался нам махнуть, чтобы мы остановились. Сразу нас начали украинцы обстреливать. Мы сразу поняли, что нас обстреливают. Муж начал кричать. Стреляли по его стороне, по пассажирской. Я газ со всей силы. Проехали мы еще километров десять. Муж кричал. Я видела, что ноги у него ранены. Он кричит: «Тормози, тормози». Уже чуть-чуть не доезжая до села Погребки, прямо возле остановки, машина наша закипела, видимо, радиатор был пробит.

Дальше ехать мы уже не могли. Я открыла дверь со стороны мужа и увидела, что ноги у него были разорваны очень сильно, он сильно кричал. Я полотенца достала, пыталась ноги перемотать ему, перевязать. Кричит: «Подними меня». Я его подняла и увидела со спины у него прям фонтан крови, там реально был фонтан. Я такого никогда не видела, и, уже подняв футболку, я увидела, что у него ранение — пробито легкое, там была большая рана, и в районе почек была вторая рана.

Я пыталась дозвониться до МЧС, понимая, что дальше ехать нам не на чем. Нас искали очень долго, нас искали пять часов. То есть это вот случилось в районе 10 часов

утра, и в районе трех часов дня только за нами приехали. Муж уже был совсем тяжелый, терял сознание, крови очень много потерял. Они забрали его. Машина была легковая, мне просто некуда было сесть. Они мне сказали, что мы его забираем, везем в больницу Льгов, а ты, говорят, прячься, не стой возле машины, спускайся в посадку и жди, мы за тобой вернемся.

Когда в посадке я сидела, слышала, что-то жужжит над головой. Поднимаю голову, украинский дрон или коптер, кружил. Я начала по этой посадке глубже прятаться. Я туда-сюда, куда я — туда и он. Потом я услышала просто «бах».

Часа через два приехали обратно эти же. Сказали, что муж живой, что они его отвезли в больницу. Забрали меня, довезли меня до въезда в город Льгов. Мы два дня искали его среди живых. Мы все-таки надеялись, что он жив, но он умер у нас в Льгове, в больнице он умер. Его спасти не смогли».

Самборская Галина Дмитриевна (75 лет), село Казачья Локня (Курская область)

«Как я была ранена? Мы поехали по нашей улице до перекрестка. Там магазин «Василек» расположен, у магазина стол, две скамеечки, и стоит мужчина ВСУ в камуфляжной форме с автоматом. Одна нога у него была на скамеечке, другая на асфальте.

И вдруг он по первой машине дает очередь. В ней были наши друзья. Он в одном направлении автоматом провел, а потом в противоположном. Друзьям выше в машине

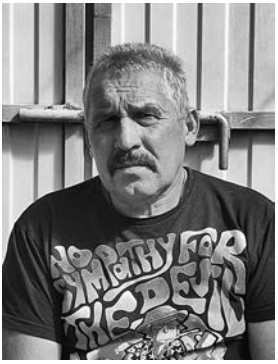
попало, нам ниже. Мы тогда только узнали, почему они рванули. У него, оказывается, жену-то убили насмерть. Ей в грудь попали. И она только успела дважды повторить: в меня попали, в меня попали. И все, и умерла.

А у нас попали в колесо. Мы отъехали, муж заменил колесо. Я была вся в крови. Руки все полностью красные стали. У нас, кроме того, что колесо было прострелено, тосол течет. Муж нашел резиновые перчатки, перевязал эту трубочку. Дальше бензин течет, тоже самое, перебитая система. Он перевязал. Мы поехали, машина пройдет метров четыреста, греется. Приходилось постоянно останавливаться. И вот такими мы небольшими-небольшими кусочками перерезанными добрались до села Большого солдатского. Там мы нашли медпункт. На наше счастье там оказались наши военные медики. С меня сразу все разрезали, сняли. И оказали первую помощь мне и мужу.

У меня полностью бедро прострелено. А пуля была разрывная... Там очень глубокая рана. Первую операцию сделали здесь по прибытии, вынули осколки. Вторая операция была — убрали некроз ткани. И вот два дня назад мы сделали заключительную операцию. Хотели сделать пересадку ткани, но рана такая, что не позволила. Говорят, там не приживется пересаженная ткань. У супруга прострелено было колено.

Мы когда-то переехали на постоянное место жительства сюда. У меня муж по национальности украинец и рожденный в Кировоградской области. Поэтому ему все время хотелось ближе к родине. Ну, а поскольку Союз разделился, вот мы и приехали ближе к родине его.

Когда украинцы стреляли, я даже, наверное, не испугалась, а скорее удивилась, что по нам стреляют. У меня был такой шок, что я вообще никакой боли не чувствовала, до самого сюда приехала, хотя кровь истекала. Вообще было страшно. А когда узнали, что Таню убило, тогда вообще...»



Гриненко Александр Григорьевич, деревня Куриловка (Курская область)

«У меня ВСУ убили зятя. Было четыре прилета со стороны Украины. Со стороны трассы чешский РСЗО «Вампир» выпустил четыре ракеты по Гончаровке, по улицам Новая и Больничная. Зять с дочкой собирались на работу. Вышли ехать на работу — три прилета. Два прилета по улице Новой и один прилет по улице Больничной к зубному врачу во двор. Зять заходит в дом, дочке говорит: собирайся, поехали. И прилетело под двор, влетело в асфальтированную дорогу, и осколками разнесло весь дом, побило дерево огромное, насквозь. Сила была страшная.

В итоге погиб зять, мы его довезли до больницы, и он на операционном столе скончался. А дочку контузило.

Куриловку ВСУ обстреливали еще в июле месяце. Они в Куриловке сожгли четыре автомобиля на комплексе. Грузовой автомобиль у Кости Иваненко. У нас в деревне взрывчатку они скинули ночью с дрона. Хозяева выбежали на улицу, тушили, машина загорелась. Они кидают еще один дрон. На другой день они на свинокомплексе спалили рефрижератор. И рядом стояла машина охранника, парень на работу приехал, его машина пострадала. Костин ГАЗ-53 они в июле месяце в Куриловке сожгли. Прилеты были по Плёхову, по Махновке, по городу били, по Гончаровке.

Военных поблизости никаких не было вообще. Военные наши стояли там, на передовой, в районе границы. А здесь была мирная больница рядом, может быть, по больнице били, больница Суджанская, центральная. Сначала не долетело. Но в итоге они все равно больницу подожгли. Третий этаж, хирургия сгорела.

Хохлы зашли со стороны Юнаковки. Два километра на поворот «Куриловка» указатель стоит. И они перекрыли этот пост. И все люди, которые начали выезжать, они их всех просто расстреливали.

Вот первая женщина с моей деревни, Нина Кузнецова, она выезжала примерно в 11 часов со своей семьей, с мужем. Муж на Ниве вперед поехал, а она с ребенком и с матерью ехала сзади. Муж проскочил, а по ним открыли огонь. Нину сразу насмерть убили.

Лена — моя кума. Как она там доехала раненая до больницы? Ребенка ранили, два годика мальчику, и ее ранила. И они доехали до больницы самостоятельно. В час или в два Лёшка, тоже мой земляк, Трубицын, ехал за матерью. Позвонил, мама, я тебя приеду заберу.

Они останавливали все машины. А часа, наверное, в три ехал мой сосед. По ним открыли огонь. Но он тоже не остановился. Он промчался, пробили радиатор ему, пробили пассажирскую дверь. Под сиденьем пуля прошла. Прилетел домой, схватил сына на руки. Ему года четыре. И мать у него больная, и они ушли вброд через речку.

Они Лёшку останавливали, но он не остановился. И они положили мины, а он через мины пролетел и подорвался. Его разорвало, машина сгорела, он обгорел, оторвало ему ногу. Короче, это было где-то после часа.

Ирка поехала туда к ним, забрала этого Лёшку, сама затащила в машину свою. Нашла ногу оторванную, представляете, какой ужас. Привезла домой, и его наши ребята похоронили на огороде. Это было 6-го августа вечером. С тех пор они никого не пропускали.

Выезжал мой земляк, одноклассник мой, выезжал с семьей. Их ранили, и он раненый доехал до Солдатского, и там уже ему оказали помощь.

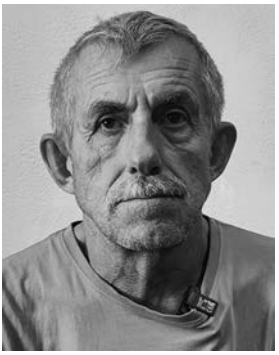
Юрка Кузнецов, у него сын остался в Куриловке, он постарше меня, он ехал к нему на четверке. И едет колон-

на танков украинских. Он принял на обочину — уступать дорогу. И его прямо с танка автоматом прострелили. Он развернулся, каким-то чудом, доехал до нашей больницы.

У Николая Кузнецов мать 84 года с больными ногами. Он из-за нее остался там. И его утром ребята обнаружили убитым. Там у нас осталась одна колонка ручная. То ли воды пошел набрать, не знаю уж. И его убитого в глаз нашли. Этот парень наш нашел с моим братом. Они его похоронили там.

Вторую женщину, 72 года, тоже около этой колонки нашли. Два трупа, застреленные почему-то в глаз.

ВСУ — это фашисты. Это просто садисты».



Маклаков Юрий Иванович (62 года), село Заолешенка (Курская область)

«7 августа на кольце в Суджи меня обстреляли. Я ушел вправо. Остановился, а там гражданские машины стояли заведенные, со светом. Ни одной военной не было. Я пошел посмотреть, пассажиры все мертвые. Больше десяти машин. Повреждения от стрелкового огня. Видно, что пробиты и крылья, и колеса. Хохляк пострелял.

Только один раненый был. Пулевые ранения. Ниже пояса все было перебито. Я к нему ночью ходил — напротив заправки. Мы пошли потихоньку и потом где-то метров 300 отошли, и выстрел был. Скорее всего его добили. В другой машине три женщины были — две раненых, пожилые. Одна в плечо, одна в бедро. Стрелковые ранения. А мужчина мертвый был. Она говорит, вы нас заберете? Подождите, сейчас машину возьму и заберу, конечно. Она

что-то приподнялась, тут же выстрел и крик. Украинский военный. Еще, говорит, голову поднимешь, стреляем на поражение. Смотрю, выходят двое — форма натовская, новая. Я тихонько пошел.

А в другом месте иностранную речь слышал. Когда через забор перелез, там БТР стояли. Там непонятно какая речь была. Не русская, и не украинская, не поймешь. Какая-то другая. А я потом до кладбища добежал, там тоже какая-то стрельба, я вниз. А когда я был на заправке, ехал мужичок на велосипеде. Я его остановил, говорю, дай сигарету. Он говорит, давай отсюда уезжай, там, говорит, французский батальон зашел.

Хохлы геноцидом занимаются. Убивают. Наверное, такой приказ у них был или просто нелюди».

Ананьева Зоя, деревня Куриловка (Курская область)

«У меня была ночная смена. Полседьмого на работе, я работала на Куриловке, это очень близко от Сумской границы, и услышала взрывы, автоматную очередь. Мы с охранником сели, отъехали от места работы. Охранник говорит, на нас летит дрон. Я говорю, где дрон? Он говорит, смотри прямо. А он приближается. Охранник говорит, быстро из машины в посадку.

Мы отскочили, он как-то завис, может, на минуту на какую-то, и полетел дальше. И взрыв был.

Взрывы были вообще без перерыва. Только взрыв, за ним следующий, взрыв, за ним следующий взрыв, следующий треск. Дома взрываются. Уже и страшно было во двор выходить.

Потом я уже не выдержала, вышла из дома, взяла сумку, пошла. Около переезда с одной стороны Новая Бондаревка, а с другой стороны — поселок Мирный, вижу, стоит УАЗик. Лежит человек, плечи и верхняя часть тела у него на обочине, и все это на трассе... Дроны над головой летают, идешь и думаешь, сейчас он что-то сбросит ...

Я еще когда стала подходить, думаю, он лежит на боку, одна нога прямо, руки раскинуты как-то так неестественно, а вторая нога полусогнутая. Думаю, если бы ему плохо совсем было, как-то бы он пошевелился, ногу согнул. Когда я подошла к нему ближе, я не увидела головы.

Смотрела в УАЗик, там сидят два обугленных трупа. Заглянула в другую сторону УАЗика. Я увидела, лежит человек, с правой стороны нет руки, ноги, а поодаль лежит еще туловище без ног и без головы. Еще шагов пять, была разбитая красная гражданская машина.

Я говорю, я не знаю, как я пришла, я сама не знаю. Взрывы были, что летели осколки, щебенка под ногами, дроны над головой кружили. Я просто голову не поднимала, слышала, что не над головой. Я шла и думала, ну вот сейчас, вот сейчас. Я была на 100 % уверена, что я не дойду.

Когда я пришла, меня везли на машине, посадили в машину. Стас, дай Бог ему здоровья, повез. В пути сказал, держитесь крепче, по ходу нас обнаружили. На гражданской машине по лесам, по полям, а ВСУ били по нас. И я слышала, что что-то щелкнуло сзади. А еще по обе стороны были взрывы. ВСУ били по нам. Но успели мы уйти.

Украинцы, говорят, есть такие злые, неадекватные. А вот заходили поляки и грузины — это, говорят, зверьё самое натуральное. Особенно поляки стреляли. А грузины, я слышала слухи, те любители были резать. Очень много было зарезанных людей, у них горло перерезанное.

Были такие случаи, что останавливали машину, бабушек стареньких везли. Мужа и жену сразу расстреляли. А у

бабушек забрали деньги, документы, выстрелили в телефоны, выпустили в чистое поле, и сказали, теперь идите. А там бабушки еле ходячие.

Звери, самые натуральные. Мальчишки, маленькие, 10—12 лет, пытались выехать, они их расстреляли. Расстреливают все машины и все гражданские. Это же звери. Они стреляют без разбора. На Гончаровке они заходили, открывают подвал, не смотрят, есть человек или нет. Они гранату туда — «тарабабах». И все.

Когда я была с нашими военными, я сказала, отомстите, пожалуйста, за нашу судьбу и за этих мальчишек, которые остались там».

Кузнецов Артем Александрович, город Суджа (Курская область)

«6.08.2024 в 15:30 начался артобстрел нашего города Суджи. Начались украинские прилеты. Обстрел был интенсивный, может были паузы минутные, но потом опять прилеты за прилетами. Обстрел был не целенаправленно по военным, нет. Обстрел шел по городу, именно по обычным домам. По санэпидемстанции, обычный жилой дом вообще снесли, обстрел просто по городу. Им неважно куда — лишь бы выстрелить.

Я решил, что нам нужно выезжать оттуда. Выезжали на двух машинах. При выезде я увидел украинских солдат. Они уже шли по городу.

При выезде на обочине — солдат ВСУ, по моей машине открыли из автомата огонь. Метров за семьдесят начали обстреливать. Я почувствовал, как будто машину камнями

осыпают. Не понял сначала вообще ничего, что происходит. Мне в салон залетела пуля, я поворачиваюсь голову, и солдат на меня смотрит. Он на меня смотрит, я на него. Мы даже взглядом перекинулись с ним. Он в очках был, в балаклаве, каска, синяя изолента. Я увидел автомат. Мы как с ним перекинулись взглядом, и он прострелил мне кепку. Он целился просто в меня целенаправленно. Еще несколько пуль машину прошили, и я проскочил — мне повезло.

А беременная жена ехала сзади, метров семьдесят от меня. И я с окна и машу ей — быстрее-быстрее, и слышу, что идет огонь по ней. Я проехал и остановился, чтобы убедиться, что она едет. И я увидел, как из-за поворота машина выскакивает ее. И уже теща с заднего сиденья, у нее ребенок Матвей на руках был. Она кричит: Нина, Нина, Матвея ранили.

А Нина уже была без сознания, врезалась в мою машину. Матвею год и девять месяцев. У него осколочная от металла в спинке, одно глубокое в плечо. И на попе до почки чуть-чуть не хватило. Ранения серьезные.

Как в машину она врезалась я выбежал, кричу чтобы теща пересаживалась вместе с Матвеем ко мне, открываю водительскую дверь, а жена моя уже лежит, хрипит, у нее глубокое ранение от пули. Сильное кровотечение, мы с мамой там вдвоем ее пересадили в мою машину. Нива была повреждена, заднее колесо, у Форда переднее колесо вывернуто. Не на ходу был уже Форд, а Нива — полный привод, и приняли решение ехать на ней. И так на трех колесах мы в больницу приехали. Первая помощь сразу сыну моему, тёще, жену мою на носилках. И на второй этаж в хирургию — пытаться спасти. Пытались и не получилось. Как сказал медбрат, у нее ранение было несовместимо с жизнью. В лёгкое, через сердце. Смертельное ранение было. Когда я вёз,

я назад смотрю. А она уже: стеклянные глаза, ротик открыт. Теща ранена была.

Я знаю историю о том, что через три дома, где мы жили в Куриловке, парень через три дома жил. Они просто завели его в дом, там расстреляли, мама похоронила во дворе у себя. Я встретил дядьку, который выезжал около пяти вечера, и прямо при выезде там на объездную дорогу из города за отбойником просто солдат ВСУ достает оружие. И начали просто расстреливать. Они расстреливали машины, по людям стреляли. Этот человек успел, он выехал. Очень много там было машин брошенных. Это же людей убили. Это не дали людям выехать, мирным, обычным — не дали выехать. Я не знаю, какие там у них войска на Украине, то есть они зашли просто чистить, все почистить, всех убить.

Люди пытались свои какие-то вещи привезти оттуда. Я знаю парня одного лично, мы с ним все детство дружили, он в Мартыновку заехал. Они, видать, его сразу уже вычислили. Он на горочку поднялся с товарищем вдвоем, и их начали расстреливать. Он успел, он же рассказал эту историю, он успел спастись. ВСУ из стрелкового оружия, просто с автомата стреляли — то есть они уже знали, что машина к ним заезжает. Военный, не военный — им вообще без разницы. Другая история — про женщину на вокзале, которая пыталась в машину попасть к себе, чтобы уехать. Ее украинский дрон подорвал. Ноги оторвал, она там с криками лежала и к ней никто не смог подойти, она там и осталось.

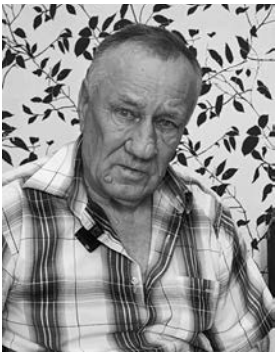
Пускай вся Россия знает, что обычных русских людей, нас всех, там пытались ВСУ убить. Я думаю, что это просто нацизм, геноцид. В голове ничего не укладывается. Я вам честно скажу, я увидел того, кто пришел убивать, неважно — мирный ты, не мирный, женщина — без разницы им. Они зашли просто истреблять русский народ, просто людей убивать».

Золотарева Валентина Ивановна (71 год), село Заолешенка (Курская область)

«Моих знакомых, женщину с мужем, зашли ВСУ и убили. У нее дом рядом с сельским советом Заолешенка, она работала в сельском совете. Они остались там, не смогли выехать, и их убили. Ей было около 80-ти лет. И ему так же. Просто расстреляли. А в соседнем селе приехал сын до матери. Зашли хохлы и их с матерью убили. И мать, и его убили. Мать моложе меня — 55 лет, где-то так. Пришел в отпуск человек, и его убили.

Что делали ВСУ — было страшно. Что люди рассказывали? Что видели уже. И уже как трупы лежали. И как издевались. А вот сейчас сами эти...

украинцы показывают видео, как они расстреливают мирных жителей».



Максин Владимир Петрович (75 лет), город Суджа (Курская область)

«Вечером 7-го августа я получил пулевое ранение, через локоть насквозь прошло. Я ехал в сторону Курска по объездной дороге. Переезжал через железную дорогу, налетел на меня украинский коптер. Я правда не знал, что это коптер. Слышу, что треск какой-то надо мной, остановился, потом решил погнать машину.

Когда доехал до поворота на Курск, заметил, что впереди стоят четыре человека. С одной стороны — два, на другой стороне дороги — два с автоматами, в касках. И экипировка у них была украинская, не наших ребят, а синие ободки на касках, на рукавах синие. А чуть дальше, выше, пулеметная точка стояла.

Я повернул вправо в сторону вокзала, думаю проскочить. Ну, проскочить я не смог, открыли огонь. Я в обочину встал, лег на правое сиденье. Короче, я получил прострел с автомата. Когда начал истекать кровью, я решил вылезти с машины, уйти в откос туда, за дорогу спрятаться. Когда открыл дверь, загорелся в салоне свет и тут получил опять автоматную очередь. Слышу по машине прошло, заднее стекло посыпалось. Украинцы стреляли на свет.

Я лег возле передней дверки и притворился, что без движения. Минут сорок пролежал. Коптер так и кружил, потом опустился низко, метра на четыре. Вот тогда меня ранило вот этой штукой. В грудь зашла. Она над ребрами прошла. Я еще пролежал там, пока не стемнело. А потом сзади уже машины были тоже набиты, уже стояли за мной. Гражданские машины, там военных никого не было.

До этого другая машина проехала от меня метров, наверное, тридцать в правую сторону. Я в сторону вокзала справа, а он ехал с вокзала в ту сторону. Там у нас стоит памятник — МИГ-29. Памятник, они разбили его, с танков расстреляли. И эта машина где-то там встала, я крик слышал боли. Там стоны, там женщины были. Напротив меня еще машина сгоревшая стояла, полностью сгоревшая.

Я потихоньку, потихоньку, уже стемнело, я ногами вперед за машину заполз и в кювет. И вот я пролежал там, наверное, часа полтора, я уже вставать не мог. Ну, думаю, так, значит, доползу, там железная дорога. Только стал, слышу опять рядом со мной автоматная очередь. Ну, я притих, пролежал, не помню сколько, а потом меня стало колотить.

А это уже завод наш, где я работал раньше, ползполз и потерял сознание. Женщины нашли меня и притащили. У них шофера ранило в позвоночник, он еще долго стонал, лежал, а перед утром скончался. Скорее всего, с автомата.

Один бандеровец там женщин заставил сидеть до утра, запретил куда-то выходить. ВСУ находились на шиномонтажке. Там типа база была. Другой вообще не по-русски говорил. У другого хоть закарпатский разговор, болееменее, украинский. Что-то уж можно разобрать. А у того нет. У украинцев наемники иностранные были еще. Вот этот то ли румын, такой взгляд у него худой или под наркотиком.

Мы стали выезжать — над нами украинский коптер. Дорога прямая, притопили, наверное, больше 160. Перед утром туман на оптику налипает. Если бы хорошая, ясная погода, догнал бы это. Хотя скорость у коптера большая, может, 120—130 км. Гнался за нами, но ушли мы. Меня потом сын встретил перед Курском и сразу в областную больницу, на операционный стол, вытаскивали осколки, все пули. Вот такие дела, что делается.

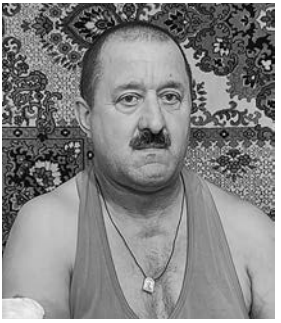
Один батюшка перед этим выезжал, ему украинский коптер влупил, короче, разбил машину. Легковая машина. Он жив остался, а машину разбило. Там машины, ты куда ни глянь, везде побиты, стоят сгоревшие.

Сосед вернулся за вещами. Взял еще одного пацана с асфальтного завода. Тоже стали спускаться по шоссе. Автоматная очередь, сына убили. Отец с пассажирского выходит: «Сынок, сынок». Тут снова очередь с автомата. Убили. А тот, кто сидел с ними, дверку открывает и в эту обочину и ползком, ползком по посадке сбежал. Он был у нас в больнице. Ко мне приходила мать, я не мог сказать ей, что и сына, и мужа убили.

Столько там машин побито, прямо видно, что люди там. Когда мы уезжали, смотришь, там в кювете сгоревшие трупы и все там в этих машинах.

Жутко делается».

Кабанцов Виктор Николаевич, село Малая Локня (Курская область)



«Я ехал в город Суджу, там оставался сват мой. Их забрать хотели, мы везли ему поесть, попить. Я ехал сам в машине, а сзади ехал сын с невесткой и со свахой. И я ехал первый, а на кольце были мины. Мы первыми объехали.

И из-за песка, в песке в кучах сидели украинцы, и нас начали расстреливать. Из стрелкового оружия. Засыпало стеклом.

Я упал, поднялся, мина впереди. Я обвернул ее, объехал. Опять упал, и они через боковую дверку стреляли и ранили меня в руку. Мне руку раздробило, пулей раздробило локоть весь, короче, собирали, две операции делали. Рука не работает, пальцы.

Сын объехал меня, и удалось ему тоже уехать, машину постреляли, ранило его в руки, но удалось уехать. Сын в руки ранен. В одну и во вторую.

Осколки остались. У меня тоже. Сказали, пусть заживет, пока пусть будут.

А тогда моя машина заглохла, посмотрел, дымится сзади, черный дым. ВСУ увидели, что я ухожу и пытались добить. Промазали, я упал. Стреляли, даже траву покосили. Я спрятался.

Проехали две гражданские машины. Парень с девчонкой, молодежь вообще, детвора, нарвались на мину, видимо, наехали, взрыв. А вторая машина — два парня с девчонкой, и ВСУ их расстреляли.

Я пошел к сыну домой, чтобы узнать, есть ли живые. На дороге встретилась милиция, подобрали меня, подвезли. Начали выходить в сторону Большого Солдатсконо. По дороге люди лежали. Много убитых там. Я, когда шел, кровью исходил. Не до этого было, считать. Лежали.

Мы шли более трех с половиной часов. Потом подобрали нас наши солдаты, подвезли поближе к больнице, направили на Курск в больницу. В больнице я пролежал почти месяц, делали две операции, собирали локоть.

У нас в селе у моего кума жену расстреляли. Вообще рассказывают, что поляки и украинские ВСУ — молодые, вообще изверги, и ни на что не смотря, — убивают, издеваются, все делают. Расстреливали ни за что людей. Вот что рассказывают.

В одном месте заехал украинский танк. Женщина сидела около окна. Он прямо пушку направил и снес дом. Ей голову оторвало. Не буду говорить. Страшное дело.

Кто их знает, зачем они убивают. Настроены так. Мы к ним вообще как к родным относимся. В общем, что-то перетворилось в их голове, что-то им перепрошили».

Алоян Славик Суренович, село Благодатное (Курская область)

«12-го августа с города Курчатова поехал в Кореневский район, село Благодатное, чтобы забрать свои вещи. Все загрузил в прицеп, двигаясь в сторону Рыльского района. Между Коренево и Рыльское вышел человек в военной форме, поднял руку и остановился. Метрах в 60—70-ти. Я остановился, думал, наши военные, надо остановиться, пропустить там военную технику.

Я только остановился, в меня начали стрелять. Работала украинская диверсионно-разведывательная группа. Несколько человек стреляло по мне.

Меня ранило в машине в руку и в ногу. И выстрел был с гранатомета. И не долетело до машины где-то полметра. Я в машине голову поднял, смотрю дым. Я дверь открываю и выпрыгиваю с машины. И когда выпрыгнул с машины, еще раз был выстрел с гранатомета в сторону прицепа, тоже не попало. А я в подсолнух ушел. Благо, что было поле подсолнуха. И я по подсолнуху бежал. Начали вслед стрелять мне.

Да, мне вот повезло. Я десять часов шел полями. И я в поле прополз, чтобы меня не видели. Добежал до деревни. На следующий день уже отвезли в госпиталь. В тот же день меня не могли вывезти, потому что работали украинские диверсионные группы.

ВСУ всех расстреливают. Я не знаю почему. Они расстреливают всех. Мирняк прям гибнет. В этот день очень много мирных людей расстреляли и в поселке, и в селе Коренево.

Со мной в госпитале лежал Андрей. Он вывозил мирных. Он все видел, как людей расстреливали. Он чудом выжил, тоже ДРГ стреляло по нему, по мирным людям. Очень много в этот день на мосту ВСУ расстреляли мирных».

Фисенко Александр Сергеевич (72 года), деревня Куриловка (Курская область)

«Недели за три до украинского вторжения в Курскую область я был в Куриловке. На трассе от Куриловки до Гончаровки дроны летали постоянно. И по моей машине били. Вообще было ездить просто страшно.

Это был кошмар — дроны, которые летали, которые били всех. И по машинам били. В машину «Газель» Павла Тимофеевича дрон ударил. Били и по городу.

ВСУ хотели запугать нас, чтобы расстреляли наши заправки, у нас не было бензина, свет выключался. Они хотели, чтобы все наши граждане тряслись, колотились от этого ужаса, который был.

В четверг в Куриловке я выхожу на перекресток, и в метрах в ста стоит уже Бредли. Когда я сказал родным, что буду уезжать, то уже на перекрестке стояла бронированная машина и беспорядочно палила из пулемета. Это было страшновато.

От Куриловки, если поднимаешься на горку, они обосновались. Ну, одного из наших, который хотел на машине уехать, поймали, поставили на колени, это он сам рассказывал. Он приехал, весь мокрый, трясется весь, говорит, увези меня на переправу, я не могу вообще туда. Вот оставил машину, и Коля Кузнецов отправил его на переправу. А потом мы сразу узнали, что ВСУ забрали у всех машины, забрали у всех мобильные телефоны, выбросили симки.

Украинские вояки разграбили все. У меня под столом собака убитая лежит, они расстреляли ее прямо на кухне под столом».

Яценко Роман Александрович, город Суржа (Курская область)

«6 августа начался плотный обстрел. С супругой разговаривал, она выскакивала из подвала, но потом — последний звонок, рассказала, что сильный обстрел. После на связь она больше не выходила. На следу-

ющий день решил ехать за ней. От Мартыновки поехал на Суджу. Именно в тот день начался плотный обстрел уже Мартыновки таким хорошим калибром, крыши поднимало. Я пару раз на землю ложился.

Меня предупредили, что там гражданских убивают, что город занят. Ну думаю, ладно, чему быть, тому не миновать. Доходя до кольца, услышал уже автоматные очереди. Понял, что точка одна работает, с одного места. Как раз машина при мне развернулась, и ее обстреляли. Вторая выехала, обстреляли.

Решил обходить по краю поля.

В красной «Ниве» увидел 200-го. Потом еще в белой машине 200-й был. Гражданские машины. По мне стал стрелять украинский военный. Я полез дальше, присел, пытался понять, будет он за мной идти, преследовать или нет. Понял, что он не преследует, остался на месте, и двинулся дальше.

Подошел к дому, дом на месте целый. Постучался им, открыли, быстро сборы, удобную обувь, трусы, носки, мобильники, пауэрбанки, документы. Быстро собрались, дал указание идти гуськом, чтоб не кучно. Детям объяснил «мы — большое ухо, идем, слушаем дроны». Все дети послушные, дошли до вокзала, опять там женщина. Я говорю, идемте с нами, вас, говорю, иначе убьют.

Опять же к полю подошли. Украинский военный снова начал стрелять, хотя видел, что пятеро детей.

Мы бегом, потом по-пластунски, потом по посадке шли. Там была трава в кровяке, людей раздолбали именно в той посадке. И у кольца там машин восемь-девять и плюс еще штуки три на трассе было расстрелянных и с дронов сгоревших.

В Курской области вооруженные силы Украины также намеренно и целенаправленно наносили удары дронами-камикадзе по гражданским автомашинам с мирным российским населением.

Гаврюшова Инна Владимировна, поселок Теткино (Курская область)

«Поселок Теткино рядом с границей — триста метров. Я сама лично убегала на велосипеде четырнадцать километров. Украинские обстрелы продолжались постоянно, потом — квадрокоптеры, постоянно были обстрелы. Били по людям, по поселку, по домам.

Ко мне прилетали осколки, дом разбило. У соседки через дом провода обрубило, потом недалеко через два дома тоже у соседки в огород прилетела прям в рост яма. Пока мы ехали мы прятались под деревьями за нами летели. За нами летел украинский квадрокоптер «Баба-Яга». Он очень долго кружил над нами, мы прятались под деревьями. Потом он полетел к Поповке и там сбросил заряд. И там что-то гореть начало, очень сильно дымилось. Это было где-то 10 часов дня.

До того, как мы эвакуировались, мы поехали в центр. Естественно, прятались от квадрокоптеров. Мы увидели разбитую ударом квадрокоптера машину, и люди лежали раненные. Вывернуты две двери, стекла разбиты. Были ранены жители поселка по фамилии Чухно. Мужчины уже нет в живых, а женщина еще жива. Мы подъехали, начали спрашивать, что и как. Мужчина говорит я вас не слышу, наверное, потому, что уже был контужен. Вижу, что у женщины нога разорвана. Она лежала в куртке, а мужчина весь в крови был укрыт пледом, потому что у него видны были в животе все внутренности... Говорят, что ВСУ платят деньги за убийство мирных жителей. Определенная плата за удар с квадрокоптера за дом, чтобы сгорел, чтобы людей убили — тоже определенная плата, чтобы машины били — тоже определенная плата».

Галева Елена Валентиновна, город Суджа (Курская область)

«Мы выезжали из села Кореневе в субботу, 10-го августа. Хотели поговорить с ребенком, со старшей дочерью, что у нас все нормально, ну, летает, стреляет где-то. К нам пока не залетало, оно пролетало в сторону поселка, летело в совхоз.

Мы поехали на машине. Заодно хотели набрать воды, взять хлеба, потому что у нас на улице остались и старики. Мы съездили, переговорили со всеми родственниками. Кто попросил собак отпускать с привязей, кто попросил бабушку посмотреть, проведать, если можем отнести там хлебушек, воду. Мы как раз набрали хлеб, батонов, воды понабирали, ехали назад домой.

У нас обыкновенная маленькая, синенькая машина «Ока». Когда заехали на мост, непонятно откуда резко жужжание и взрывы. Единственное, что я только успела крикнуть ребенку и папе, чтобы они легли на пол. Девочке 20 лет, только исполнилось 2 мая. Она погибла. Погиб папа, муж мой и дочь погибли.

Вокруг машины взрывалось. Это неописуемо, это страшно. Это очень страшно, когда ты не можешь понять, откуда, с какой стороны. По мне — как будто такой удар и все потемнело, как на волнах уплыла. А когда пришла в себя, мы уже были в заборе. Муж уже был мертвый, лежал. Ребенка выкинуло. Было такое ощущение, что она еще была жива. Я ее пыталась вытащить из-под машины, затащить сюда. Я пыталась встать, но у меня не хватило сил. Я начала кричать, звать на помощь. У меня черепно-мозговая травма, перелом ключицы и лопатки. Вытаскивали из плеч осколки.

Я без понятия, почему украинцы так поступают. Вроде бы, по идее, мы же все славяне. Почему они так? Одна же нация, одна же... Как нас раньше учили, еще при советском времени, что мы все единые».

Богданова Татьяна Ивановна (74 года), деревня Колычевка (Курская область)

«Украинские обстрелы велись уже у нас больше месяца. Именно ВСУ. А наших военных в то время в селе не было, они были за чертой села. А ВСУ обстреливали нас постоянно, каждый день методично.

Мы — мирные жители, мы не понимаем, что это. Разрушение домов именно жителей. Вообще близко военных не было. Дома мирных жителей. Очень много домов погорело. И в самом поселке Коренево, и в деревне Колычевка, где я живу.

Украинские коптеры сбрасывали, это у нас постоянно. Мы выходим, например, из дома. Мы сначала приоткрываем дверь, прислушиваемся. Трещит или нет. Только тогда, когда тишина, мы можем выйти хотя бы к себе во двор. Значит, коптеры спускали свои снаряды или что-то. Это по мирным домам, где не было вообще никаких военных.

Как-то летит коптер и сбросил на самый такой хороший, красивенький домик. Дом моментально загорелся. Буквально через двадцать минут летит второй коптер, развернулся, пролетел, развернулся обратно и сбросил на дома на конце нашего села. На следующий день коптер прилетел на нашу сторону, по другую сторону дороги.

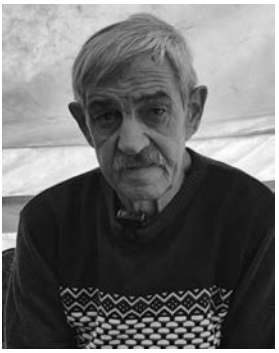
Мы все теперь пострадавшие по психологическому своему состоянию, мы ночью не спим. С одиннадцати часов начинались ежедневные обстрелы. Мы, когда приехали в пункт временного размещения, я первую ночь не могла спать. Я лежала и считала часы. Вот сейчас в одиннадцать должно быть. Вот нету, Слава Богу. Через два часа опять, вот сейчас должны быть обстрелы. Нету, Слава Богу. Я не могла заснуть, я только сегодня ночью поспала.

У нас было очень много сгоревших гражданских машин. Они там по обочинам были. Машины гражданские были побитые.

ВСУ — это нацики, это фашисты. Это — не люди. Мы росли в Советском Союзе. Мы все были люди Советского Союза. Мы все жили дружно, какая бы национальность ни была. Я не хочу сказать, что это украинец. Я хочу сказать, что это просто фашист. Это — не люди».

Люшная Анна Ивановна (61 год), города Суджа (Курская область)

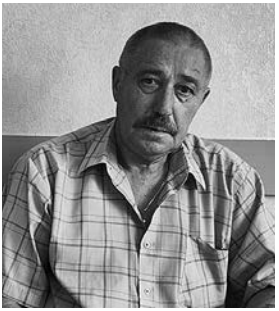
«Я была ранена 7 августа поздно вечером. Мы выезжали из Суджи и на нас напал украинский дрон. Боковой удар. Мы ехали на машине, муж за рулем. Посыпались такие грязные крошки. Я сначала подумала, что-то в лужу заехали. Один, потом второй. Потом колено начало гореть. Смотрю, кровь, перерезало ногу. Спереди сидел мужчина, сосед. Ему тоже попало. Потом меня «скорая» забрала и привезла в Курск в эту больницу.



Марганов Анатолий Сергеевич (70 лет), село Большое Солдатское (Курская область)

«ВСУ двор у меня рассадили. У соседки рядом. Представляю так, что это миномет.

В одной машине погибли люди, двое мужчин ранены. Женщина погибла, и ребенок раненый был. Волонтеров расстреляли тоже в машине».



Люшный Валентин Иванович (62 года), город Суджа (Курская область)

«Вспышка и один удар с левой стороны. Слышу супруга говорит, что болит. Спереди сосед Василий сидел, я их вывозил — его и супругу. Мы последние с улицы выезжали из Суджи. Вдогонку слышу еще один взрыв, вспышка. Смотрю, машину начало клонить на левую сторону. Потом правое переднее колесо, смотрю, уже пустой баллон. Я протянул еще километров, может, пять от Суджи. Супруга говорит, у меня кровь. Машина накренилась.

Позвонили на 112.

Обстрел. Впереди, прямо посредине дороги, легковая машина догорела, пламени языки были. У меня все фотографии в телефоне есть, где и радиатор полностью разбитый был, и омывательный бачок, как прошили панель, двери, задние фонари разбиты, поворотник и стоп-сигнал.

Осколком, который с второй вспышкой был сзади вдогонку».

Голодьков Николай Павлович, город Суджа (Курская область)

Мне дали путевые листы возить щебень на Суджу, на асфальтовый завод. Загрузились и в Суджу подъезжаем. Я еще еду, посмотрел в небо, вроде никого нету. Только чуть глаза вниз, вот он, дрон.

Как сейчас помню, красный с белыми полосками, черная коробка большая, с синей изолентой перемотана. Прямо вот передо мной. И у меня ниже лобового стекла, взрыв. Но я машину удержал. Если бы я машину не удержал, я бы ушел бы навстречу, а там люди, машины легковые. А у меня в общей сложности 60 —40 тонн груза и 20 тонн машина сама. Я удержал на обочине и остановил.

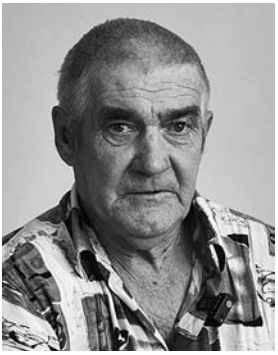
Вылез, в глазах, в ушах — все темно, шум в голове. Потом еще наш водитель остановился. Уже после этого, мне сказали, он подорвался на фугасе.

У меня огонь с сидушки начался. Огнетушитель — раз, не сработал. Сразу меня в машину, привезли в больницу. Спасибо медикам, сразу оперативно меня обезболили, обмыли, все сделали. У меня рваные раны. Вытянули осколок.

Хохлы целенаправленно по нам били. Им приказ такой, чтобы уничтожать россиян. Они за это напали на нас. Там машины тоже горели уже, дронами били. Машины обычных людей. Мы уже когда ехали, чуть выше поднялись и две машины горело. Люди там.

Парень рассказывал, они выезжали, и их остановили хохлы, ну, эти нацики. Вернули назад, говорят, нет, мы вас не пустим. А он вез отца, мать. Говорит, я в Суджу. По полю хотел объехать. И они открыли огонь на поражение. Его ранило, ранили отца тоже, машину побило. Потом работал украинский снайпер. Даже видел, как по капоту прошла пуля вот эта, снайперская. Ну, он выскочил.

Много случаев таких. Вот парень здесь в больнице лежит с села Погребки. С украинского танка стреляли. Вез семью. Сразу насмерть. А он тяжелый. Ранение тоже осколочное. Прямо с танка расстреливали. Его сильно тоже зацепило».



Шевцов Владимир Васильевич (69 лет), деревня Журавли (Курская область)

«Когда украинцы зашли, они спокойно не шли, они стреляли. Сперва шли БТРы и очереди стрекотали. Они били по окнам. У меня пуля влетела в кухне.

Ворота пробиты, отверстия в воротах, крыши пробиты у соседки. Они, наверное, с мирными жителями воевали или запугать хотели.

12 августа около 11 часов дня я стоял, жена и пацан сидели на диване. Выстрел в окошко, окошко пробивает, потом щелчок такой сильный, аж блеснуло что-то. Пулей или осколком в дверце холодильника вырвало клок металла. Я получил ранение в плечо, глубокая рана сзади и ниже локтя, вытянули маленький осколок. А в плече, что глубоко сидит, не стали вынимать, чтобы немного развязать мышцы».

Придубков Александр Иванович (65 лет), село Уланок (Курская область)

«Я в подвале сидел и решил пойти водички попить. Пришел к себе домой, попил и встал возле окна. И такой прилет. У меня там воронки дома. Украинцы лупали людей постоянно.

Украинцы просто хотят все уничтожить. Села уничтожили. Начинают с дронов. Дрон «Баба-Яга» как ударит, и все, и нету дома. Осталось только пять домов на моей улице. Издеваются над нами».

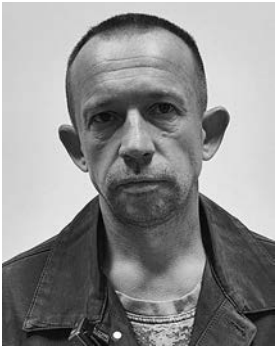
Дяченко Дмитрий Васильевич, село Погребки (Курская область)

Я лично видел, как с украинского броневика стреляли из миномета в сторону села. А еще ехали наши — Сашка ехал в первой машине вдвоем, на второй машине их сын за рулем ехал с женой Сашки и там Илюшка. И шла украинская колонна. Первые бронированные машины отъехали в сторону, и по ним ударил танк. Именно танк, который сзади шел, именно танк стрелял. И потом прямо на ходу по машине прострочили из пулемета. Он сказал, что дядю Витю нашел, а отца не нашел. А как оказалось, что его где-то через два дня в наше время нашли, подобрали. Наталья ранена, а муж погиб».

Маклакова Елена Владимировна, село Теткино (Курская область)

«Были обстрелы ужасные. Шестого числа обстрел начался очень сильный. Людей потихоньку уже начали убивать. Спасибо нашему главе поселка, он помогал людям эвакуироваться.

ВСУ били по всему, цели у них не было. Куда попадут, туда попадут. Мирное население, дети, это их не волновало. Много есть людей погибших, есть раненые. ВСУ бьют сами, куда захотели, туда ударили. Меньше народа, как говорится, выбить русский народ. Сначала били по заводам, а сейчас началось мирное население. Куда увидел коптер движения — все. Увидели движение — бьют, старались бить по мирному населению».



Ворошилин Сергей Михайлович, город Суджа (Курская область)

«Я семьи эвакуировал и обходилось сначала все спокойно, а 11 августа мы ехали на автомобиле со стороны леса. Только проехали улицу и на повороте в нас начали стрелять два украинских автоматчиков из кустов.

Прострелили мою всю сторону, сзади машину прострелили. И спустя метров двадцать начал третий автоматчик стрелять. Машина заглохла, я быстренько выскочил из машины. Дядя сказал, что нужно убегать, а он уже был ранен. Когда я из машины вышел,

у него уже был полон рот крови. Я быстренько прыгнул в кусты. Повернулся назад, а дядя уже лежал в кустах. Закрыл глаза.

Как вообще я выбрался? Чудом — три автомата очередями, потом выходил по болоту, по лесам, по полям выходил. Страшно было. Потом вышел на трассу, потому что уже не было сил плестись по колючкам, там по лесу. Навстречу мне ехала машина, я остановил, они меня подобрали.

Не исключено, что не украинцы стреляли именно по мне. Я больше грешу на поляков. Время от времени их тех районов выходят — людям рассказывают ужасные истории. Рассказывают, что ВСУ мирных и насилуют, и убивают. Люди прячутся по подвалам, достают их из подвалов. Если оружия при них нет, то простреливают ноги».

Кривошеев Виктор Васильевич, село Коровяковка (Курская область)

«По нам били еще со стороны Украины. С возвышенности нас обстреливал танк. И практически каждый день минометный обстрел. Село в пределах двух-трех километров от границы. Танк очень жестоко бил.

От этих обстрелов на нашей улице пострадал мой родительский дом. Ударной волной все окна выбиты, стекла. И рядом стоящие по соседству тоже дома. И полностью сгорел дом. На соседней улице человек погиб. Он чисто шел в магазин. Был обстрел и попал под обстрел. Брюшная полоса, ранение, моментальная смерть».

Ковалев Иван Юрьевич, город Суджа (Курская область)

«Очень много было атак украинских дронов. На моих глазах практически где-то месяц до нападения они атаковали заправки. Одну заправку рядом с моей работой как раз подорвали с помощью дрона. И затем, когда приехали пожарные, МЧС на этот вызов, прямо на моих глазах ударили в машину пожарную. Это было прямо в центре города.

А 6-го все началось утром где-то. С 3 до 4 до рассвета сразу пропало электричество, мобильная связь перестала работать, свет вода и продолжались обстрелы прямо по центру.

В селе Гончаровка, рядом с районной больницей, был обстрел как раз этой части города. Я спрятался за фундамент и услышал перестрелку. Стрелковое оружие. Уже сюда зашел враг, ВСУ к нам. На территории больницы районной был ближний бой.

Когда я выходил из города, то встретил первую сгоревшую гражданскую машину. И как раз приятель, который меня возил, он рассказал, что на его глазах украинский дрон сбросил заряд. Были видны от сбросов дрона разбитые гражданские машины, там была кровь. В одной из машин на заднем сиденье повязка окровавленная, открытый багажник.

Когда я вернулся в город за мамой, там было постоянно жужжание дронов. Приходилось прятаться то под остановку, то к дереву. Он пролетает, пожужжит, и буквально там минуты и слышен взрыв. И вот опять так прожужжит, минута, взрыв.

Есть одна семья, я с ней познакомился в пункте временного размещения, они из Гоголевки, это практически самый ближайший населенный пункт границы. Им пришлось идти пешком по болотам, потому что по дороге они выехать не могли. Они видели украинские танки. Они там ползли по болоту, по лесу им пришлось 30 километров пройти, чтобы выбраться. Стреляли прямо по ним».

Лавро Дмитрий Ильич, поселок Коренево (Курская область)

«С семьей мы выехали из поселка в ночь с 6 на 7 августа. А числа 11—12 ездили, забирали вещи с товарищем. Когда выезжали на развилку, с дороги, было много обстрелянных гражданских машин. Мертвые люди были. В одной машине мужчина и жена. ВСУ их обстреляли. Жена, видимо, еще жива была. Она из машины, видимо, пыталась выползти. Где-то, наверное, им по 60.

Мы сами с другом, когда выезжали, там есть мост, небольшой, моя машина тоже попала под обстрел. Два раза в ногу друга ранило. ВСУ как начали стрелять, начали мы зигзаги по дороге делать.

ВСУ — не люди, кто они еще? Брать бабушек, дедушек, стрелять в простых людей без оружия? Не люди они. Многие рассказывали, что когда ВСУ заходили в села, то издевались над бабулями. В Любимовке у нас сельский совет, в селе бабуля живет одна. ВСУ пришли со своим, наш флаг сняли, свой туда повесили. Бабуля подошла и говорит им. Один из ВСУ под ноги ей начал стрелять с калаша».

Моторыкин Евгений Викторович, село Плехово (Курская область)

«Я людей вывозил в соседнюю деревню. У меня машина обычная гражданская трехдверка. В первый раз нас украинский дрон не догнал, второй раз догнал. Друга моего догнал, тоже в капот ударил ему. Тоже у него гражданская машина, собственная. Он тоже занимался эвакуацией людей. С соседней деревни вывозили бабушку, тех, кто переплывал через реку, мы оттуда вывозили, помогали.

Если украинцы били по гражданскому населению, значит, все равно им было по кому бить».

Верхоломова Светлана Сергеевна, город Суджа (Курская область)

«Когда выезжали на перекрестке села Замостье, нас обстреляли — украинская автоматная очередь. Когда мы ехали, видели, что на этом перекрестке поперек стояла машина, расстрелянная. Гражданская обычная машина, «Жигули» красные. Стояли двери открыты. Она тоже была расстреляна автоматными очередями.

Мы ехали на машине «Лада». На обычной гражданской машине. У нас была моя мама, муж мой за рулем сидел. Мы сидели, мой муж и я, рядом. Мама сзади него

и 10-летний ребенок наш, девочка Ксения, которая сидела сзади меня.

Здесь нас на перекрестке обстреляли, потом мы проехали каким-то чудным образом. Нам, ну, Господь, сохранил, наверное, нас, спасибо тебе. Минную растяжку проехали, муж как-то проскочил, там было больше места в ней, проскочил.

На две полосы прям была растянута минная растяжка. Там, получается, один пролет был, чуть больше машины, чтобы проехать. Проскочили. Когда ЖД переезд, получается, только начали с горки спускаться, видим впереди военные колонны. Муж, получается, съехал на грунтовую дорогу, быстренько сориентировался.

И тут вот немножко отъехавши, в нас прилетел ВСУ дрон. У нас, получается, вынесло полностью стекла, лобовое полностью посечено было, правая сторона стекла вынесла, сзади с багажника стекла вынесла. Ну, муж на автомате дал газу, и мы дальше поехали. Ребенка посекло, лицо посекло, ручки посечены были, ножка, получается, посечена была, здорово посекло ее. И у меня, получается, как выбило стекло, у меня ухо оглохло, до сих пор у меня не слышит. И тоже на всем теле, тоже осколками посечена.

ВСУ, честно сказать, даже людьми их нельзя назвать, не люди. Просто, ну, просто так стрелять по мирным людям, ну, мне кажется, это вообще не люди.

Нам рассказывали, ребят, которые выезжали, останавливали пьяные ВСУ-шники и заставляли хоронить наших людей. Трупы, давайте, хороните. Те говорят: мы не будем. Ты хочешь, чтобы мы тебя убили? Пейте водку, читайте молитвы. Это издевательство, сродни тому, как фашисты себя вели...

ВСУ — не люди просто.

Вы знаете, я логического объяснения этому вообще даже не могу дать. Потому что я не знаю, какая уже у них ненависть к нам. Мы же как бы жили всегда братья, сестры. Не знаю, то ли их так вот настроили против нас, что вот, ну, вы знаете, мне кажется, если человеку говорят, что он свинья, в конце концов он захрюкает. Ну как можно так ненавидеть такой же народ славянский. Это все настроено Западом».

Шелехова Наталья Викторовна, село Черкасское Поречное (Курская область)

«6 августа мы решили вместе с мужем вывезти внучку к моей подруге. Поехали, впереди сидел муж. А сзади сидели две дочки моих, зять и внучка маленькая на руках посередине у дочки. Внучке два годика. Из-за внучки выехали, мы спасали ребенка.

Когда мы ехали, не доезжая села за мостом, нас атаковал украинский дрон. Он скидывал бомбы по моей машине. Два раза какие-то как огненные шары были. Ну, нам удалось все-таки уйти от дрона. Я почувствовала, что у меня в боку было горячо. Было и колесо заднее пробито, когда мы приехали. Потом мы приехали в село, а там уже была сестра. Она меня обняла, и когда вытянула руку, у нее кровь была на руке. Она говорит, Наташа, ты ранена. Мне оказали медицинскую помощь. Я получила ранение в бок. Мне прилетело, задело печень, делали операцию. Операция была долгой. Ну, потом мне поставили какие-то пакеты, чтобы выходила кровь.

Украинцы нас просто хотят поубивать. Это твари».

Оксана Николаевна Карпенко, село Попово-Лежачи (Курская область)

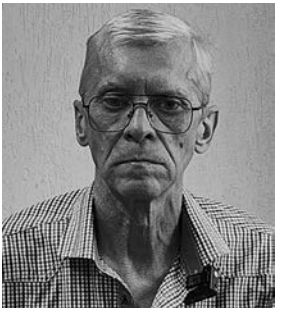
«Мы детей отвозили в школу, ехали обратно на маршрутке. Там приблизительно 6—7 человек было. Сброс был с дрона. Водитель съехал на обочину и сказал, я туда не поеду, там дроны летают. Мы сели в машину, и в машину в нас украинский дрон попал сзади. В машине четверо было.

Обычная легковая гражданская машина. Дрон ВСУ скинул взрывчатку. Попал дрон прямо в машину. Машина завалилась. Я из машины выскочила. Алина уже без головы. Таня говорит, хотела спросить, где Алина? А у Алины голова отлетела.

У меня ранения средней тяжести. В бедро. У меня пять осколков большие были, остальные маленькие. Маленькие еще вот выходят. У Тани тоже сзади много осколков, но у нее меньше. А вот у бабы Маши, у нее тяжелые, у нее ожоги были, много ожогов. И, конечно, много осколков. Бабе Маше где-то 70.

ВСУ тренировались на мирных жителях. В один день три машины».

Моисеев Валерий Павлович, город Суджа (Курская область)



«Обстрелы ВСУ нашей приграничной территории — Суджи — начались с началом СВО, но они были с разной интенсивностью. Когда-то

очень сильно, а когда-то затишье. В 2023-м году был обстрел в Махновке, там сгорел дом, попали по дому, шесть прилетов было. Но особенно обстрелы и дроны началось в этом году и самые интенсивные примерно месяца три назад. С мая месяца настолько стали дроны часто сбрасывать взрывчатые заряды и по селам вокруг Суджи. Был обстрел по Гончаровке — там пострадало, по-моему, 14 домов. Обстрел мирного населения. Там военных частей нет. Это просто жилая часть. Пригороды Суджи.

Юрий Неткач забрал из санатория свою 11-летнюю дочку Полину и попросил друга подвезти до дома. Они буквально не доехали метров 20. Сзади попал снаряд, выпущенный со стороны Украины. Машину всю раздуло. Она пробита была, как решето, осколками. Неткач погиб на месте — полноги оторвало. Шоферу вырвало из ноги часть, осколочные ранения и девочка

Полина — у нее множественные осколочные внутренние попадания в шею.

Обстрел был по пристанционной части города Суджи. Начался пожар, дом был полностью разрушен, восстановлению не подлежит. Женщину вытащили с ожогами. А ее мужа от пережитого ужаса случился инсульт. За что мирным жителям такие страдания?

А 6-го августа просто настолько массовый обстрел, что до этого не было такого. За все время настолько жесткого и массового не было обстрела. По городу звучали разрывы снарядов. Большой дым шел, попали в прачечную рядом с детским садом. Там стреляли и танки, и грады, и дроны. Не просто заряд дрон сбросил, а обстрел из танка. До этого у нас было нападение дронами на заправочные станции. Было попадание в районе больницы, погиб мужчина, выходил на работу, возле машины своей погиб.

Такое впечатление как сорок первый год, в детстве смотрел много фильмов про войну, когда немцы заходят в город. Мне в голову пришла эта картинка, и я понял, вот те раз, и на мою судьбу выпала такая доля, значит, испытать этот день, как люди испытали советские в 41-м году, 22-го июня.

Рядом дом многоквартирный, без окон стоял, покорёженные балконы. За ним очень красивый, недавно запущенный в эксплуатацию, другой многоквартирный дом. Там балконы покорёженные, выбитые стёкла, а крыша съехала на здание и висела над ним.

Тут прибегает сын моей соседки и кричит, папа, мама, быстро документы берите, ребенка, три минуты вам даю, танки украинцев уже на Гончаровке, это пригороды уже. Тут я понял, что дело очень серьезное, зашел домой, сказал жене: бросай сумки, которые приготовила, бери только пакеты с документами, и мы сейчас выходим, перейдем пешком на трассу Гончаровского. Мы вышли и три с половиной километра прошли. Я еще жене сказал и сыну, смотрите на небо, если дронов видим, мы прыгаем в кусты на обочину. Горел выезд из Суджи, горела длинная такая дальномерная машина. Попадание дрона было в стекло, горела посадка, сама машина, трава там, объехали ее, за ней был сгоревший автобус».

Левченко Вера Егоровна (77 лет), поселок Коренево (Курской области)

«У меня все кучечки были, все кучечки документов. Я говорю, да у меня, сынок, все собрано. Ну, забирай сумку, бегом в машину. Сын говорит, что уехали люди, те живы, а что остались, их порасстреляли ВСУ.

Мой сын говорит, мам, знаешь, Славку убили. Они оба работали в Москве. Славка ему говорит, Паш, поеду домой, погляжу, что там делается. А он Славке: пожалуйста, не едь, что тебе дом сдался, главное, что мы живы будем в Курске, на квартире. Вот этот, который летает, убил его дрон. А Слава ехал на машине».

Татьяна Васильевна Колесник, село Пушкарное (Курская область)

«Наше село находится в 8-ми километрах от города Суджи. Когда они зашли, мы даже не знали, что зашли, потому что 7-го августа у нас уже не было связи.

Мы эвакуировались 12 августа. Когда ударил снаряд, у меня дом треснул, мы уже поняли, что опасно оставаться. Собаку отвязали, двери я открыла для животных, чтобы в дом ходили, как бегали. И мы пошли в сторону школы. А еще прошла группа из десяти человек. Там был мальчик, две женщины, дедушка.

С Пушкарного не было прямой дороги, потому что везде были засевшие ВСУ. Они расстреливали машины, все там полностью. И людей заставляли в щебенку зарывать, люди до сих пор в щебенке зарытые лежат. Руками заставляли рыть щебенку, людей в щебенке зарывать мертвых. Вся дорога, там трупы, там много захоронений вдоль дороги.

Люди рассказывали, что ВСУ переодевались в нашу военную форму. И они останавливали людей, прям на глазах было, что мужчины голову отрезали человеку. Это грузины и поляки. А так расстреливали людей. Мужчину и жену его, ему, наверное, больше 50, ей, может, там до 50, их расстреляли».

Молокоедова Галина Владимировна, село Снагость (Курская область)

«Выезжали мы со Снагости рано утром. Только стали до Коренево доезжать, глянули, там трупы валяются. Мы прямо по трупам проехали, машин много побитых, люди валяются. Сколько людей поубитых валялось. И машины поразбивали. Мы мимо их проехали, а тут какие-то снаряды по дороге лежали. Так хорошо, что мы на них не наехали. Думали, сейчас наедем, и мы взорвёмся.

Доехали до села Коренево и на нас стали ВСУ стрелять. Мы стали поворачивать, и мне сразу в плечо попало. Я вижу, что у меня кровь полилась. Потом уже почувствовала, что у меня через кофту кровь полилась. И чуть-чуть в машину попало. У нас синего цвета «Жигули». Ехал муж и нас трое».

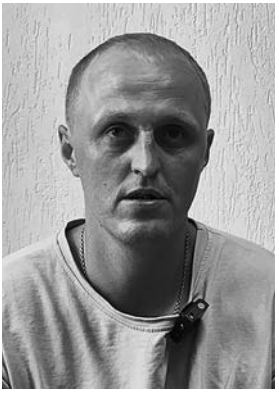
Терехова Елена Викторовна, город Курск (Курская область)

«10 августа мы уже спали с внуками, легли раньше спать. А потом услышали бабахи. Третий раз бахнула, подумала, поднимусь, закрою балкон. А то испугается внук, он первый раз остался у меня ночевать. Поднялась к балкону, протянула руку, на часы посмотрела и на меня летит, я не поняла даже, что-то. Поднимаюсь, внук уже голосит, плачет, где папа, где мама. Он на меня смотрит, я себя просто не видела, и испугался ребенок. Осколками посечено лицо. Столько стекол было.

Позвонила Валя, невестка моя. Говорит, мам, что у вас там? Я говорю, Валя, да стекла все повылетали. Она говорит, бери детей и в туалет иди, укрывайся с ними. Я сандалики взяла и бегом их в туалет поставила. И думаю, пойду-ка мамку посмотрю. У меня в спальне еще мама, инвалид второй группы. Дверь попробовала открыть, а дверь заклинило. Но оттолкнула. Подошла к ней. И вдруг на площадке такой сразу шум, гам, подошла к двери входной, Господи, ничего не могу открыть, заклинило входную дверь. Открыла. Смотрю, соседи уже здесь с детками.

Раненых было больше десятка. Украинцы, наверное, нас поработить хотят, рабами сделать. Или вообще уничтожить. Чего они нас так ненавидят?

Входную дверь нам потом вставили, застеклили. Помощь сразу оказали и правительство, и местные власти, и наша Российская Федерация. Только ребёнок боится, говорит, мне страшно ходить. Говорю, ты не бойся. Дверь сделали, окошки вставили».



Воскобойников Владислав Игоревич, город Суджа (Курская область)

«6 августа атака украинских дронов была, потом начался артобстрел. После артобстрела начали «градами» бить уже по Гончаровке. В городе было разрушено три здания. Украинцы били со всего, что можно. Рядом с сушилкой был прилет, но снаряд не разорвался. Получается повезло просто всем, в том числе и мне, что не разорвалось, так много людей погибло бы. Прилетали по магазину. Я ехал очень быстро, дроны летали, слышно было.

Брат у меня ездил в Суджу с другом за семьей. Заехали нормально, собрали семью, начали выезжать и их машину обстреляли. Три пулевых отверстия в лобовом стекле. Повезло им, чудом они выехали».

Тишаков Сергей Михайлович, село Кульбаки (Курская область)

«Я ехал проведать дедушку в село Кульбаки. Украинский дрон шел за мной. Проехал по куче и в этот момент произошел сброс на мою Ниву. Были сбросы на автомобили, на все движущиеся. За любыми автомобилями, за любым транспортом идет охота.

Еще год назад в деревне Елизаветовка были украинские минометные обстрелы. То есть удары направлены по ангарам, по складам, по всему. На этот момент там работали люди».

Худякова Валентина Григорьева, село Мартыновка (Курская область)

«Было очень громко, страшно. Утром я пошла на работу во вторник, были обстрелы. Я говорю, давай собираться. Как-то оно страшнее и страшнее. Все громче и громче. Мы несколько раз бегали в подвал, сидели в подвале. С понедельника на

вторник, где-то часа в четыре я встала, газа уже не было. Оказывается, они подорвали газопровод и перекрыли газ. Где-то часов в 10 во вторник перестал свет. Пошла снова на работу. Украинцы целенаправленно били сперва базу. База — это наша организация. У агрофирмы Ново-Ивановка, там и КАМАЗы были, и трактора были, в общем, техника стояла, склады с зерном было. И они туда били.

На работе мы с девочками управляемся хозяйством, летит дрон. А я кричу, девочки, дрон. Прятались под кустами. Пролетел украинский дрон. Пролетел и туда куда-то в сторону села. Слышим оттуда взрыв. Что-то они подорвали там. Горит все черное.

В среду говорю, девчата, разбегаемся по домам. Будем где-то в подвале укрываться. Бегу я домой, я еще не знала, что по дороге горят машины. Я бежала по посадке. Хотя уже был слух, не бегайте, не едьте по трассе, бьют дроны, горят машины, люди.

Когда я пришла до дому, оказывается, с нашей улицы мы уезжали самые последние. Мы попрыгали в машину и уехали в Мартыновку. Только мы подъехали, еще не успели с машины вылезти, и дроны начали один за одним, как будто они нас ждали, за нами охотились. И тут опять гук, гук, и полетели «грады» осколочные. Полетело все, слышим только «бах» на дворе. Муж говорит, давайте отсюда сваливать. Мы выходить, и не тут-то было.

Потом где-то туда на дом упало. Загорелся дом подальше. Слышим взрыв. Опять летит что-то. Мы все закрываем, прыгаем в машину. Но тут дроны летают, нам выехать нельзя. Видим на трассе горит. Он говорит, знаете что, если Бог спасет, мы уедем. И мы рискнули.

Украинцы охотились на нас. Видели, что гражданская машина. Муж говорит, скорее всего, машину заметили. Но мы в лесок ее под дерево загнали. И сами так деревце, как говорится, обняли и стояли, не дыша, не шевеля. И оно

над нами кружило-кружило и полетело. Там еще соседи около дома оставили машину и уехали. Горело, наверное, машин шесть. Я говорю, сколько можешь, выжимай, гони, а мы будем только молиться. Он говорит, смотри, дроны, если что в кукурузу или в посадку куда-нибудь. Я говорю, успеем мы выскочить. Проезжаем, там машина горит. Едем дальше, снова машина горит.

Мы мимо этого дыма, мимо этих машин, все полыхает. Может, и люди там сгорели. Мы пролетаем, приехали мы в село Больше Солдатское. Я просто не могла уже с машины вылезти, плохо мне было, мне кажется, и ноги отнялись, и руки. А 22-го украинцы били по Козырёвке. Дома горят, побили дома, и стены вылетали, и заборы у них попали».

Тюкина Елена Николаевна, Лукьянчиков Сергей Александрович, село Белица (Курская область)

«14 августа мы с мужем выезжали с поселка своего. И летит нам в лобовое. Муж говорит, все, нам хана. Успел он крутнуть немножко руля, и бьет в капот.

Муж говорит, давай быстренько, он уже все, понял, что ему попало по ногам. Он все говорит, мне ноги. Спасло нас, наверное, то, что были хорошие глубокие кюветы. Стояли деревья такие прямо объемные, что можно было спрятаться.

Я в шоке, в панике. Он весь в кровище. Кое-как мы начали двигаться. Ехала просто машина, люди увидели, остановились, нас подобрали. И в этот момент, когда нас подобрали, еще один хлопок, мы уже поняли, что да, по машине еще раз ВСУ ударили. Видимо, они, наверное, несколько раз, может, они за этой машиной хотели, в которую мы вот уезжали. Потом ехал мужчина с женщиной уже в преклонном возрасте, они нас подобрали. Поехали до поселка Коммунар, там уже ему начали первую помощь оказывать, перебинтовать что-то. Две недели уже отлежал в больнице.

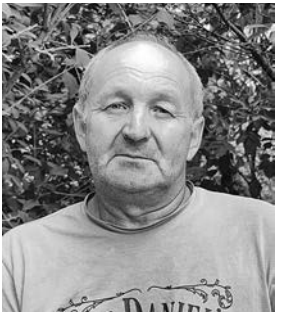
Зачем ВСУ нужны мирные люди? Зачем они палят, жгут дома нам? Выстреливают наше хозяйство. Люди жили всю жизнь, наживали это все. Причем тут мирные люди, Россия? Мы им помогали всю жизнь. А над нами издеваются.

Пускай больше людей знают об этом, пишут об этом».

Иванникова Наталья Александровна, село Гочево (Курская область)

«Украинские дроны начали летать очень часто. Муж вышел за коровой, услышал, что жужжит в небе. Поднял голову, увидел дрон. Начал убегать, а он за ним гонялся. Низко уже опустился, вот-вот к нему. Муж забежал спрятался. Там у нас беседка на лугу стоит, и он в нее спрятался. Дрон покружился, покружился и улетел дальше. В этот день взорвался дрон возле церкви».

Чудинов Михаил Иванович, деревня Гирьи (Курская область)

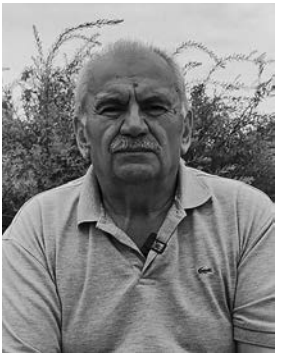


«ВСУ зашли в деревню, и мы решили срочно выехать. Собрали вещи, погрузили, стали уезжать.

Нам навстречу ехал украинский БТР. У нас гражданская машина, Hyundai Solaris. Мы заехали в сторону лесополосы и убежали в лес. Подъехал БТР и расстрелял машину в упор. Они, видно, хотели вывести свое зло на мирных жителей. Потом дал очередь по лесополосе и уехал. Мы немножко пришли в себя и пошли в сторону дома через лесополосу.

Моего товарища, вместе с ним работали, атаковал вражеский коптер. Он ехал, уезжал, и он его догнал. У него ранение ноги. Осколочные, множественные осколочные ранения ног. Машина легковая тоже сгорела».

Кобозев Николай Иванович, село Плёхово (Курская область)



«У нас еще до 6-го августа происходили обстрелы мирного населения. ВСУ били по подстанциям, по водонапорным башням, прилетало по деревне. 6-го, когда они начали обстреливать Суджу, и по нашему населенному пункту сразу прилетело.

Каждые пять-восемь минут дрон через нашу деревню Плёхово в сторону Суджи, потом слышали канонаду. Поступила информация, что Суджу эвакуируют. И мы тоже решили уез-

жать с нашей деревни. Перед тем, как уехать с деревни, я был в доме, и ко мне во двор прилетел то ли минометный снаряд, то ли с дронов сбросили. Пострадал угол дома, повыбивало стекла, двери. Я заскочил в доме в ванную, минуту-две-три там находился, затем выскочил с дома, в чем был, машина стояла возле дома под деревом, и я сел и поехал в Курск.

У нас у Сергея Гломоздина контузия была, украинский дрон сбросил на двух гражданских, Сергея и Женю, у них контузия была. 7-го августа они находились под деревом и на них спикировал дрон. Целенаправленно, видели, что это гражданские люди, гражданские — они их атаковали.

Непосредственно в нашей деревне наших военных не было. Вокруг деревни, по лесам, по полям они располагались. ВСУ просто мирных жителей обстреливали. Наверное, чтобы страх у нас появился, паника появилась, я думаю, чтобы нас уничтожить.

Я сам глава крестьянского фермерского хозяйства. У меня была техника. На сегодняшний момент я знаю точно, что ВСУ угнали из села четыре трактора. А на видео, что показывали, техники, я посмотрел, у меня в ангаре нет. Все забрали. Забирали у кого людей были машины возле дома. У нас там на нашей территории были четыре фермера. У них аналогичная обстановка, тоже технику украли. Вернемся, тогда будет видно».

Попова Наталья, село Гуево (Курская область)

«Село Гуево в 18 километрах от Суджи. ВСУ начали ездить на джипах, флаги свои понавесили, этих тряпок своих.

У меня бабушка во время войны была, и я историю читала. Это ж нелюди, эти украинцы без земли, проданные Европе, это поляки, это непонятно что приехало. Кто ж тебя живым оставит? Вот они сейчас для заграницы пишут, что они хлебушком людей кормят, а сами-то там грабят. Фашисты тоже сначала шоколадом кормили, а потом на кол садили людей.

Хотя уже люди оттуда позвонили, говорят, того убили, того убили. Мы сейчас даже не знаем правды.

У нас много в селе, когда люди уходили, уезжали и машины оставляли в гараже. Люди как-то по спутнику смотрят, свое село знают, примерно дома.

Он говорит, вот машина стояла вчера, ВСУ прямо выгнали ее во двор. Машины все стояли во дворах, они повыгоняли. А на следующий день люди говорят, машины нету моей. ВСУ угоняют себе. У нас она не новая, но жалко.

Мы, когда уходили собрались в одном доме все. 25 человек. Пошли, а там уже начался кошмар. Увидят дрон — все бегут под дерево или тихо-тихо сидишь, перебежками бежали к лесу. Шли двое суток. И дети тоже. Но дети молодцы, дети ни звука. И две девочки, двойняшки, четырнадцати лет. Вообще 10 детей шло. Самый младший, по-моему, два с половиной года, — Арина.

Очень дроны не давали идти. Если они заметят, они же кидают бомбы, ну, взрывают. Видишь, а их тьма, последнее время их вообще столько стало. Они не давали нам житья, даже в селе. Вот машина стоит на дворе, они кинули, спалили. Они нас два года обстреливали сначала, с Украины летало это. Но дронов столько не было.

Дроны ВСУ летают, и их много. Вот машина стоит, они ее разбили, они на дом кинули. Они — как играются. Спалили машину и еще одну спалили просто.

В общем, ВСУ — твари. Надо их побить».

Безручко Сергей Борисович, город Суджа (Курская область)

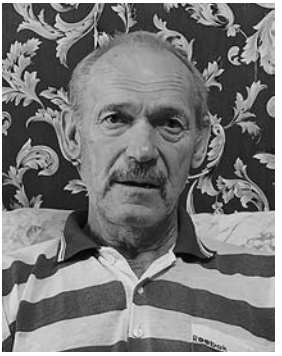
«С 5—6 августа начался сильный обстрел. Я утром прошелся по городу. Здание прокуратуры было полностью разбито. На гостинице нет крыши, соседние дома сильно посечены, стекла осколками.

Украинские войска обстреливали мирный город. Преследовали свои преступные цели. Если регулярная армия ведет войну с мирным населением, это террор просто. По-другому нельзя никак назвать.

7-го августа мы проснулись утром, я услышал стрелковый бой. Пулемет тяжелый сильно бил. На тот момент связи не было уже никакой, и невозможно было узнать, не было ни электричества, ни Интернета. Я сделал вывод, что надо своими силами выбираться из города. С мамой вдвоем мы собрали два пакета документов и подошли к выезду из города. Нас подобрала машина и на большой скорости довезли до Большесолдатского. На тот момент уже по дороге были машины, сгоревшие от ударов украинских дронов. Гражданские машины. Военной техники, подбитой, я не видел. Мы ехали на очень большой скорости, шел дождь и была как-то такая низкая облачность. Я, насколько знаю, что дроны в это время, они особо не летают, не запускают. Наверное, это нас, скорее всего, и спасло.

А до этого, за неделю, на моих глазах украинский дрон ударил по машине, по гражданской, припаркованной у дома у частного. Вот я спрятался за деревом, он подлетел на центр дороги и ударил. Машина была полностью разбита».

Зазеленский Николай Николаевич, деревня Куриловка (Курская область)



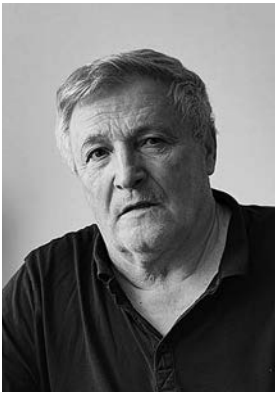
«6 августа в 3 часа ночи начался сильный обстрел. Пересидели до рассвета. И где-то часов в 7 утра зять и дочь старшая с маленьким ребенком, 4-летним, решили уехать из деревни. Они поехали не по трассе, а поехали по полям, через кукурузное поле и подсолнечное. Обстрел нарастал. Мы тоже поехали.

Не поехали по трассе потому, что там уже украинцы расстреляли несколько машин гражданских. Мы тоже решили по полям. Заехали на Чехово. И здесь опять начался сильный украинский обстрел. Это кассеты, потому что они взрывались в шахматном порядке все время. Жена сказала, у тебя кровь, вся рубашка, вся в крови. Я не понял, я даже не почувствовал удара. Потом, когда они меня перевязали, я решил — скорее убегать надо куда-нибудь.

Гражданские машины по посадкам горели. Люди даже... Все были гражданские. Я давил на газ, чтобы быстрее доехать, но перед селом я уже почти терял сознание. Но успел доехать. Там мне оказали первую помощь. Поставили дренаж. Пересадили меня на «скорую помощь» и отвезли в Курскую областную больницу.

Оказалось, осколочное ранение. Через легкое прошло.

ВСУ — это фашисты какие-то. Это только может фашисты такое могут делать. Они просто как в сафари, расстреливают всех. И получают от этого, знаете, удовольствие. Это же уже не люди, это просто уже звери какие-то, их надо вот так же уничтожать. Я бы их уничтожал бы сам».



Воронцов Михаил Фёдорович, село Замостье (Курская область)

«7-го августа вечером я выезжал из Суджи на объездную. Поднимаются вдвоем с синими повязками на голове и на рукаве. Один вскидывает оружие, я по газам. И когда по газам, слышу, что получил по машине. Получаю, стекла посыпались, я получил у головы. Выехал уже на объездную, теряю на какоето время сознание. Скорость сбросил, но потом слышу горох по колесу, очень сильный. Я по газам, по газам, с третьей переключился на четвертую, через этот железнодорожный переезд, мост, переехал на объездную и уехал.

По дороге видел, машину расстрелянную, сгоревшую. Еще несколько машин. «Хонда» стояла, тоже была расстреляна, но не сгоревшая. А две машины были сгоревшие. Гражданские машины были сгоревшие.

Когда я приехал сюда, в Курск, мне вызвали «скорую». Меня привезли в больницу, и там девочка всю дорогу говорила, ей 7 лет, что украинцы папу убили, а мама — тяжело раненная лежала. Эта девочка сильно была посечённая.

А потом привезли с Куриловки женщину, 74 года, сына застрелили. Она была в синяках, ВСУ просто били ее. 74 года женщина была.

Лежал Николай, чья машина была расстреляна, и квадрокоптер залетел. Максим с пулевым ранением. Он на своей машине, у него «Фольксваген» ехал, и его тоже ВСУ расстреливали, сидели они на шиномонтаже.

Это для того, чтобы нас запугать. Но это бесполезно».

Ларин Вячеслав Викторович, город Суджа (Курская область)

«6-го августа, начало 3-го, начались обстрелы по городу Судже. Все спустились в вниз. Одним словом, спрятались. Сидели наверно часов до семи утра, немножко начало стихать, вышли.

Я выезжал с территории, и дрон прилетел под машину мне. У меня 20-тонный тягач DAF. Я с прицепом выезжал за пределы Суджи. И в один такой момент дрон у меня просто под машину пролетел. Мотор меня прикрыл, моторный отсек.

У меня осколочные ранения в ногу, правую голень. Я перетянул себе ногу тремя лентами, чтобы кровь не вытекала, вены порваны были. Дозвониться ни до кого не мог, связи не было. Брат меня из Суджи вывез в Большесолдатский район в больницу.

Когда с братом выезжали, машины, и гражданские, и грузовые, уже горели по подъему к Мартыновке из Суджи, на выезде из Суджи. Уже были подбитые машины.

Украинцы — нацисты, одним словом. Истребляли людей».

Жердев Сергей Николаевич, село Большое Солдатское (Курская область)

«С 9 на 10 августа ВСУ уже захватили, начали обстрел Большого Солдатского. В 6 утра начали, короче, слышны прилеты. Попали сначала

в больницу, в морг. Я вышел из дома, и они попали на дорогу, а потом попали в наш дом.

ВСУ сначала в больницу попали, потом начало по дороге. Живу там недалеко от больницы, от администрации. И они начали бомбить милицию. И прилетело рядом с моим домом, прямо напротив моего окна. Я получил ранения осколочные — колено, потом со спины, перебило ребро, задели легкое и в печень, посекло немножко.

Знакомый погиб. Учился со мной в школе, на год младше. Дементьев Игорь. От украинского обстрела. И еще Долженко Саша, он учился на 2 года младше, работал в пожарке. Он поехал с женой хозяйство кормить. Покормили, назад вернулись, ехали через Горянку, на них скинул дрон гранату. И жена его в очень тяжелом состоянии, все лицо разорвано, а ему почти голову оторвало. Он сразу погиб на месте, а жену направили в челюстно-лицевую в Москву.

Он ехал на обычной гражданской машине, ехал короткими тропами, по трассе побоялся ехать, и все равно там его достали. По трассе уже стояли горелые машины. Гражданские люди, которые эвакуировались, их обстреливали».

Морозова Ирина Григорьевна, поселок Коренево (Курская область)

«5-го августа вечером начался обстрел. У нас отключили изначально газ, потом свет и воду. С 6-го числа, буквально с самого утра, уже начались такие выстрелы, которые заставляли трястись стекла в домах. В поселке не было военных. Военные стояли между селом и поселком.

У меня мама пожилая, 82 года. Мы думали, что это все ненадолго, а 9-го августа вообще было просто беспросветно, выйти на улицу страшно. Мы сидели в одной комнате практически без движения. Собак в охапку взяли, света нет, покушать нечего.

Выстрелы были беспорядочные. Непонятно, были ли у них какие-то цели или не были. И в огород прилетало, повредило дома, дом сгорел. Один раз прилетело, отбило кусок от дома, а второй раз прилетело, он вспыхнул как спичка. Много поврежденных дорог, огромные воронки. Стреляли периодами, отстреляют — и на какое-то время тишина. Тишина, если честно, пугала даже еще больше, чем выстрелы. Потому что ты сидишь и ждешь, куда в следующий раз это все прилетит.

Парень этот, Иван, приехал, подождал, пока мы самое необходимое побросаем. Документы взяли и в чем были вышли, он нас вывозил.

На выезде из села Коренево, не доезжая моста, украинцы машины расстреливали. Машины, естественно, гражданские. Люди пытались выехать, а в село уже зашли военные ВСУ.

Люди пытались на своих машинах выехать из села, а их расстреливали в упор из автоматов. Выезжало пять машин, и всех расстреляли. Ни единого человека в живых не оставили. Пять машин выезжали семьями. Минимум 15, а то и больше убили. Сказали, живых не осталось никого.

Люди из села Коренево тоже рассказали, что когда ВСУ заходили, то просто расстреливали автоматами, автоматными очередями, не смотря, кто там — старики, дети, взрослые люди. Это где улица Барановка и центр «Гигант».

Они сжигали дома и расстреливали людей».

Левченко Алла Федоровна (75 лет), деревня Журавли (Курская область)

«Мы сидели во времянке, и вдруг осветило всё. Мы попадали на пол. С пола поднимаемся, Володя весь в крови уже. Четыре раны: осколок один вытянули маленький, а большой не вытянули, правая рука ранена и под сердце. Котел разбит газовый, газовая плитка полностью стекла, труба пробита, холодильник пробит. Обстрел Украина вела. Приходит сосед Вася. У них окна разбиты, баня вся побита, попрострелено все, собака убитая.

Одна женщина рассказывала, что украинцы едут и стреляют прямо по заборам, везде, где мирные жители. Такие снаряды летели прямо через хаты. Ехали и стреляли».

Ковалева Людмила Федоровна (64 года), город Суджа (Курская область)

«Из Суджи мы эвакуировались 7 августа. Утром около 10 часов мы вышли последний раз из дома. ВСУ целенаправленно стреляли по мирному населению. Был обстрел еще в июне. Тоже они зашли на нашу территорию и обстреливали с нашей территории. Погиб Неткач, не помню, как его звали, в машине. Это мирный житель. Он погиб в машине, водитель был ранен, девочка его, дочка была ранена.

Сейчас 6-го пропала связь, пропал Интернет, телефон не ловил у нас уже, не было света, не было воды, только газ

был. Попал снаряд в прокуратуру, попал снаряд на улицу Карла Либкнехта на перекресток.

Сын сходил на Гончаровку, там дом горел. А недалеко были его знакомые, дом их знакомых. Он пошел посмотреть, не они ли горят. И там он услышал диверсионную группу, которая вошла. Он услышал их переговоры, он понял, что уже чужие в городе. И он прибежал домой и сказал, все, давай быстро, очень быстро, нужно уходить. Диверсионная группа зашла на Гончаровку, и они ее расстреливали.

Летели снаряды, свистело это все над головой. Мы слышали выход, мы слышали свист, слышали приход. И все это где-то в станционной части было. Это где-то было на дамбе, которая соединяет станционную часть и город, центр города. И нужно было как-то выбираться окольными путями, только из города выбираться. Стоит машина, там наш глава района вывозит людей. Мы пошли, села я, Ваня поставил все вещи, а сам остался, чтобы там еще зайти в свой офис. Конечно, конечно, все время свистело, все время падало. У нас два моста на дамбе, и вот мы первый мост проехали, нормально, второй проехали, и прям за нами упал снаряд на этот мост. И все время мы пока вот выехали из Суджи, везде на обочинах машины разбитые легковые, фуры стояли уже сгоревшее».

Слободчук Анатолий Иванович, село Крупец (Курская область)

«24 августа украинский зажигательный снаряд попал в дом, в котором я был. Дом резко заполыхал, потому что была сухая, жаркая погода. Я еле успел. В чем был выскочил.

На ногах были легенькие домашние тапочки, и они быстро прогорели. А мне пришлось выскакивать на улицу по горячим углям. Поэтому и случилось, что обгорели ноги и подошвы. Еле выскочил.

Украинцы вели обстрел мирных жителей. Когда нас освободили, ночью двадцать пятого, оставалось только три целых дома на нашей улице. А было больше полудесятка».

Скорикова Валентина Викторовна (65 лет), город Суджа (Курская область)

«ВСУ стреляли кассетным оружием. Они как стрельнули раз-другой, и она как летит, свистит, и в разные стороны рассыпаются шары вот эти, и потом мы находили. У нас вот эти штучки все, и пластмассовые детали, и железные такие, и алюминиевые, там их полно валяется. Кассетным оружием они стреляли по нашей деревне, лично по нашему дому.

Мы подошли, посмотрели, что там творится у нас в дворе. Куры валяются, целый мешок кур насобирали, стекла все побиты, веранда вся побитая. Он как ударил асфальт новый, большой, толстый асфальт, все пробито. А дальше брат ходил, там есть тоже выбоина, и там торчит хвост. Хвост какой-то ракеты торчит.

Хотели отметить день рождения, отметили вот таким вот событием, которое произошло у нас. Мы сидели в подвале, в чужом заброшенном подвале. Суджанский район, село Хитровка. Две недели, практически не выходя оттуда. И вот, 21-го августа, я пошла к своей двоюродной сестре через дорогу, метров двести. Пришли и сели к ней во времянку.

Взрыв. Брат мой сказал, это из пушки. И это обрушилось на нас. А сестра двоюродная сидела за печкой поодаль. Все рухнуло с потолка. И я стала вылезать, а с этой стороны уже начался огонь. Если бы я сознание потеряла, я бы сгорела. Нас засыпало. Я вся в грязи, у меня полный рот пыли, грязи было. Здесь кровь течет, грудь лопнула, мне дышать нечем было. И я еле-еле кое-как на коленке упала, кое-как. Кое-как я вылезла оттуда и пошла. Я задыхаюсь, у меня грудь разбита.

Я не знаю, зачем украинцы так делают, я не могу даже сказать. Они там женщину зарезали. Она постарше меня, а сын у них был инвалид детства, его взорвали. И слышала, что они над 14-летней девочкой издевались, насиловали.

И еще у нас мы в храм ходили по речную, там тоже убили мужчину и не дали похоронить. Просто хотели на кладбище его отнести, летают дроны, вернулись. И выкопали около дома, схоронили. Все, не отнесли даже на кладбище. Вот так было.

Как только украинцы прорвали оборону, они там расположились, там такой лужок был, там у них танки стояли. Там убили двух стариков. Лежали где-то там они, два старика. ВСУ ходили, машины выгоняли у людей, у кого оставались они в домах. И ездили. Дома очищали, всё чистили. Суджанский район, село Хитровка. Дома все вскрытые были. Вот это они творили. И по селу Погребки ездили, гоняли на этих машинах наших местных жителей.

А потом еще эти беспилотники. И, в основном, по нам стреляли. Вот где я сидела во времянке у двоюродной сестры. Времянка начала гореть. И начал дом гореть. И собаки погорели, и утки, и куры, и зайцы, кролики. Все погорело. Все, дом сгорел полностью. Движение было и они, наверное, дронами это учуяли. И все. А наш дом то ли цел, то ли нет, мы не знаем».

Дзюба Николай Дмитриевич, село Гуево (Курская область)

«Мы 6-го числа вышли во двор посоветоваться с родственниками, с соседями, что будем делать. Появился украинский дрон. Он пролетел, завис, отлетел и попёр на меня. Я отскочил или откатился от этого места. Он взорвался и взорвалась машина соседская при этом взрыве. Меня контузило и ранило ногу, спину и шею.

Я был одет как обычный сельский житель. Украинцы видели, что я гражданский человек, одет по гражданке. Военных в селе вообще не было. Они обстреливали и запугивали местное население. Обстрелами замучили нас. То минометы, то дроны.

Восьмого августа пришли соседи, сказали, что все заняли украинские солдаты, вешают свой флаг на Доме культуры, стрельба. Мы что было взяли и пошли пешком через леса. Центральные улицы были отрезаны. В тот день выходили двадцать один человек, старики, дети».

В обзоре Международного Комитета Красного Креста «Обычное международное гуманитарное право» указана норма № 25: «Медицинский персонал, предназначенный исключительно для выполнения медицинских обязанностей, должен пользоваться уважением и защитой при любых обстоятельствах». Эта норма впервые появилась в Женевской конвенции 1864 г. и была повторена в последующих Женевских конвенциях 1906 и 1929 гг. Она закреплена в Первой, Второй и Четвертой Женевских конвенциях 1949 года. В статье 15 Дополнительного протокола I эта норма была расширена с военного медицинского персонала также на гражданский. Дополнительный протокол II

к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года запрещает предпринимать враждебные действия против мест отправления культа, больниц, госпиталей, а также их персонала. Статья 9 устанавливает, что «медицинский персонал пользуется уважением и защитой», а статья 16 подчеркивает, что «запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против мест отправления культа».

В нарушение международного гуманитарного законодательства Украина неоднократно подвергала атакам больницы и госпиталя, расстреливала машины «Скорой помощи», церкви и храмы.

Золотарева Валентина Ивановна (71 год), село Заолешенка (Курская область)

«Мое село ближе, чем Суджа, к границе. Поэтому мы все это ощутили на себе. Украинские войска только по мирным жителям били. Первую разбили больницу. Поначалу были прилеты. Сначала это раньше-раньше разбили. Крыши там, стекла повыбили. Это поначалу было. Ну ладно, стекла там застеклили, крышу там подлатали немножко. Больница еще работала.

Когда мы эвакуировались мы проезжали, горели машины. Гражданские. И я закрыла глаза и молила Господа, чтобы как-нибудь добраться, чтобы вот этого ужаса не видеть, не видеть просто. Было страшно.

Вот я 71 год наживала, наживала, все это как было. Ой, как хорошо, уже все есть, только бы пожить. Все бросили. Вот это моя сумка, вот с чем я приехала, и платье, и все,

На фотографии здание больницы в г. Судже, разрушенное вооруженными силами Украины

больше я ничего не успела взять. Ничего, ничего, нет, вот эти шлепанцы, вот это вот все, ничего более. Все, что осталось. И не знаем, что там с домами. Я в частном доме живу, не знаю, что там случилось. Останется ли что-то или нет.

Когда ВСУ зашли — они в пух и прах больницу разобрали. У нас там только мирные жители, пожилые люди, больные, обычные больные люди. Я тоже ходила в больницу на перевязку».

Шурупова Ирина Александровна, деревня Рубанщина (Курская область)

«Я приехала в отпуск к маме 25 июля. Находилась с ней, она живет у меня в деревне Рубанщина, в трех километрах от Суджи в сторону границы. Разорвался украинский

снаряд в нашей деревне и, начиная с 3-го августа, мы лежали в больнице. В ночь с 5-го на 6-е начался обстрел. В принципе, к обстрелам более-менее уже все привыкли. Но он был немного сильнее, чем все остальные. А вот с 6-го числа начался очень серьезный обстрел — били прицельно по больницам, часа два, наверное.

Начиная с 3-го, мы лежали в больнице, в терапевтическом отделении. До этого украинскими беспилотниками подожгли крышу, горело здание больницы, Суджанской ЦРБ. Поэтому разместили в терапию, где мы с мамой лежали, в бывшем инфекционном отделении, а хирургию перевели в гинекологию.

Мы лежали все в коридоре, потому что стекла сразу в палатах вылетели. Там они хоть и были заложены, то есть подготовлена больница была, наполовину все стекла были мешками с песком заложены. Не помогло, потому что, когда начали стрелять, стекла все равно летели, штукатурка начала сыпаться.

Такое чувство, что били все время в больницу. Но там больница хорошо построена, нам повезло. В больницу попадания были. Рядом трава горела у нас — за окном было видно. Мы боялись, что загорится больница, но не загорелась, нам повезло очень.

За несколько дней до этого украинские беспилотники подожгли крышу, горело здание больницы, Суджанской ЦРБ, отключили воду и электроэнергию. Здание уже давно было повреждено от украинского обстрела.

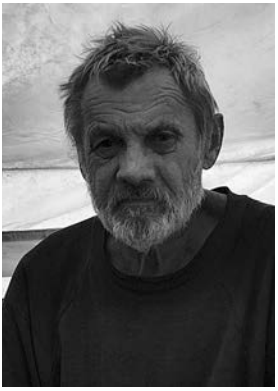
Вызвали три «скорые», две «скорые» дошли, загрузили всех, кроме меня и моей мамы. Ждали третью «скорую». Я ждала, что приедет сейчас третья «скорая», нас, маму заберут, она лежачая.

Буквально через полчаса главный врач сказал, что вот эту третью «скорую» расстреляли. Это как раз та «скорая», где фельдшера и водителя убили. Она за нами ехала.

Приехала машина с гражданскими людьми, мужчина на переднем сидении, убитая женщина и ее мать. Ехали в Суджу и очередь ВСУ по ним. Жена погибла. Насквозь все сиденье изрешечено было пулями, и муж был немного ранен, у него там из руки кровь текла, осколочные на боку были. И он приехал со своей мертвой женой. На заднем сиденье еще мама сидела живая. Он говорил, что матушке 95 лет, а жену застрелили ВСУ, беременная жена погибла.

Вечером потом, ВСУ наш терапевтический корпус расстреливали, по хирургии били тоже. На третьем этаже, где была хирургия, там все стекла побиты были. ВСУ стреляли по ним.

Мы выбрались 8-го числа. Пришли морпехи, морпехи наши дорогие. И они нас эвакуировали».



Гриценко Иван Михайлович, деревня Спальное (Курская область)

«От украинского обстрела у нас в селе пострадало примерно домов десять частных. У меня дом пострадал. Снаряд упал и все загорелось. Дверь в погребе загорелась. Я бежал полями, посадками и прочее. Было сложно. Вчера целый день добирался».

МАССОВЫЙ РАССТРЕЛ ВСУ МИРНЫХ ГРАЖДАН В ГОРОДЕ СЕЛИДОВО (Донецкая Народная Республика)

После освобождения г. Селидово Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов обнаружены тела мирных граждан г. Селидово, расстрелянных вооруженными силами Украины.

Жители г. Селидово рассказывают о массовых расстрелах, которые были организованы вооруженными силами Украины перед и во время своего отступления: мирных граждан расстреливали на улицах, в частных и многоквартирных домах целыми семьями. Эти убийства нередко осуществлялись прямо на глазах опрошенных свидетелей.

Результаты осмотра тел убитых мирных жителей г. Селидово подтверждают показания потерпевших и свидетелей. Ниже приведено несколько результатов такого рода осмотра.

В частном доме по улице Кузнецова, 23 была убита семья — Масло Татьяна Александровна (дата рождения — 29.03.1973) и Масло Александр Сергеевич (дата рождения — 10.11.1974), их личности подтверждены соседями и родственниками. Тело женщины находится в полураздетом состоянии со следами насилия, на нем обнаружены четыре огнестрельных ранения. Комментарий медицинского работника во время предварительного осмотра: «У мужчины пулевое ранение. Входное отверстие в лобную часть справа. Выходное отверстие через височную долю.

Калибр 5, 45. У женщины пулевые ранения в левой затылочной части. Выходные отверстия через затылочную часть. Кости черепа деформированы. Виден канал от пули. Следующее тело — стреляли сзади в заушную область, выходное отверстие — лобная доля. Во время стрельбы мужчина находился возле печки».

В доме по адресу Кучуринская, 87б обнаружены тела двух мужчин и одной женщины со следами пулевых ранений, личности подтверждены родственниками: Коровка Сергей Петрович (дата рождения — 12.06.1974), Коровка Наталья Анатольевна (дата рождения — 15.09.1975), Коровка Александр Сергеевич (дата рождения — 20.01.1996). Согласно сообщенным данным, убитый ВСУ Коровка А.С. был инвалидом.

Около дома по адресу Нагорная, 17 обнаружено тело Сергея Александровича Смелева (дата рождения — 08.08.1951, возраст — 73 года). Комментарий медицинского работника во время предварительного осмотра тела: «Пулевое ранение. Входное отверстие в шею под подбородком, след от ожога — стреляли с расстояния нескольких сантиметров. Выходное отверстие тоже на шее погибшего, слева». Свидетель преступлений ВСУ Равинская Наталья Александровна подтвердила личность убитого: «Это наш местный — Смелев. Мы вместе работали на шахте. Жили в одном квартале. Нашли расстрелянным». Личность убитого также подтверждена находившимися при нем документами.

По адресу ул. Карла Маркса, 27 обнаружены тела двух жителей города. Одно тело принадлежит женщине возрастом около 70 лет, на теле обнаружено входное отверстие от выстрела из огнестрельного оружия в области носа, выходное отверстие в области челюсти. Второе тело принадлежит мужчине, выстрел произведен в рот, выходное отверстие в височной области головы.

Опрошенные пострадавшие и свидетели подробно рассказывают об убийствах вооруженными силами Украины жителей города. Согласно их показаниям, массовый характер расстрелы жителей приобрели с 21 октября. Убегавшие от ВСУ мирные жители города свидетельствуют, что украинские военнослужащие преследовали их вплоть до самых домов или квартир. В случае если им открывали двери, следовал расстрел всех присутствовавших.

Например, свидетель преступлений В.Е. Васильконова рассказывает, что происходило не ее глазах: «ВСУ отходили 21 октября. Мы стояли возле подъезда, они начали стрелять. Мы слышим украинский говор: «Иди сюда, иди сюда». Мы бегом разбежались по подъездам. Я забежала быстренько, а украинский военный кричит: «Она вон туда побежала», и они прострелили мне дверь. Мы позабегали, а напротив в 12-м доме стояли люди. ВСУ говорят: «Открывайте, вам ничего не будет». Тетя Валя открыла, и их, четырех человек, застрелили... 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. А Кирилловна, учительница по украинскому была, она убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил».

Потерпевший В.В. Романенко рассказывает о расстреле его семьи, который произошел на его собственных глазах: «В семь часов утра я вышел в туалет на улице, в огороде. Я вышел туда и слышу крик: «Всем выйти с дома!» Кричал человек, ВСУшник, в украинском камуфляже с зеленой полосой. Их было двое. Со стороны гаража поставили мою жену, потом внук, сын, не помню точно. Потом невестка и сватья — мама невестки. Невестка начала плакать, говорить: «Что вы делаете?» А он просто начал стрелять. Первой мою жену застрелил. Потом пошел дальше стрелять. Я по огороду убежал. Когда я пришел, то смотрю, тела лежат под стеной, но они были сожжены. На другой день я пошел, пакеты нашел, собрал останки, захоронил».

Свидетель С.Г. Боенко рассказывает, что видел собственными глазами: «ВСУ при отступлении просто расстреливали всех попавшихся им. Заходили в подъезды, стучали в квартиры, деревянные взламывали, а тех, кто им открывал, расстреливали. 22 октября при отступлении, где-то после часа, мы услышали интенсивную автоматную стрельбу. Утром, 23 числа, я выглянул в окно и увидел убитого мужчину возле 6-го подъезда. Убита наша соседка, лежала возле магазина «Колорит». В радиусе ста метров от квартиры брата я видел восемь погибших человек. Валю — соседку с первого подъезда — я похоронил между домом и магазином. Дальше, возле 77-го дома, возле первого подъезда у тротуара, двух убитых человек, мужчин пожилого возраста, видел. Еще возле шестого подъезда — убитый. Возле магазина «Солнечный», у левого угла магазина, лежал Сергей Касимов. У правого угла, за бывшим киоском «Союзпечать», еще один мужчина убитый. За магазинами, на бульваре по бывшей улице Щорса, еще один мужчина. И возле 12-го дома, у первого подъезда, лежал мужчина убитый. Еще убитый лежал возле поворота около дома, около бетонной крышки канализации. Второй лежал на углу вот этого магазина. Третий мужчина лежал убитый ниже магазина, по тротуару. Варвара Садчикова, жительница дома с первого подъезда, была убита вот в десяти метрах отсюда. Убили ВСУ и моего бывшего коллегу по шахте Володю Борисова. На перекрестке с улицей Шевченко. Его там точно так же, как других, отступая, убили украинские... солдатами их нельзя называть. Уроды. Убивали всех подряд».

Житель города В.В. Панченко, так же как и остальные свидетели, подтверждает данные факты: «...всех, кто был возле «Солнечного» магазина, начали расстреливать. Люди начали прятаться по подъездам. И ВСУ забегали в подъезды и там добивали всех. Они поднимались с пер-

вого по пятый этаж, стучали в двери, кто открывал, тех и били... ВСУ зашли к 12-му дому и выгнали тех, кто был в подвальном помещении. Парень что-то возмутился, его расстреляли...»

Л.М. Врадий рассказывает об убийствах мирных жителей: «В 19-м доме многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали. На третьем застрелили Галю, а на пятом — Лену. Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Её застрелили украинцы».

В.А. Скляр (76 лет) рассказывает, как украинские военнослужащие убили ее сына: «Мой сын кричит: «Мама моя жива»? Прихожу, он лежит тут на диване, кричит: «Мама, я умираю, я умираю». Что случилось: ехали на машине, украинские военные тут стояли, уже ждали. За углом, за забором стояли. Тринадцать ранений у него я насчитала. Я ему вытирала ножки, пробитое там отверстие большое. Мой убитый сын — Скляр Сергей Анатольевич. Эти двое украинских военных и Женю застрелили, и собаку застрелили. Руслана еще застрелили».

Согласно целому ряду свидетельств, среди убивавших мирных жителей присутствовали те, кто говорил на французском и грузинском языках.

Например, свидетель В.Н. Погорелов рассказывает: «Там всех постреляли в голову. В этом доме в живых осталось трое. Одни не успели открыть, а другой забаррикадировался и слышал французскую и украинскую речь. Француз что-то обратился, а украинец говорит: «У нас уже нет времени ломать двери. Мы уже зачистили»... По нашему двору идёт и с грузинским акцентом кричит: «Есть кто живой, есть кто живой?» Доходит до моего подъезда. Я уже хотел открыть, откликнуться, когда он начал кричать

матом. Это было в среду, то бишь он целенаправленно искал, кого убить из мирных жителей».

Кроме расстрелов из автоматического оружия с близкого расстояния, горожане свидетельствуют об убийствах мирных жителей украинскими снайперами.

Например, жительница города Н.А. Равинская свидетельствует: «В 12-м доме по Щорса засел украинский снайпер и расстреливал мирных направо и налево. Очень много наших друзей погибло во дворе. Кто-то хотел выйти прикрыть тела. Думали, что снайпер уже ушел. Накрывали тела и сами ложились рядом убитыми. Кто-то бежал за помощью на другую сторону. Тоже убили».

Несмотря на то, что основной пик массовых расстрелов мирных граждан приходился на 22 октября и несколько последующих дней, ВСУ убивали жителей города и ранее. Например, потерпевшая В.С. Ефремова (77 лет) рассказывает, как её сына убили еще 17 сентября: «Я живу в частном доме по адресу улица Шевченко, 56. 17 сентября мой сын утром вышел в туалет. Слышу, что-то упало. Подхожу к калитке в сад. Вышла, а он лежит. Уже готовый. Вот здесь прямо в сердце попало. Украинцы убили, еще Украина здесь была».

Во время отхода ВСУ также уничтожали гражданскую инфраструктуру города.

Свидетель преступлений К.Я. Романенко рассказывает, как украинский танк расстреливал дома: «...возле улицы Ленина ездил украинский танк. Где доставал угол подъема пушки, где хватало, стрелял по пятиэтажкам по нашим. В наш дом прилетело выше. Он по улице катался, постреливал, а потом развернулся и через частный сектор ушел в сторону Покровска. ВСУ беспредельничали. Уходили под конец, не доставайся ты никому, получается. Зачем это было разрушать все? Зачем было стрелять? Нас не считали за людей».

Свидетель преступлений Н.А. Ручкина (74 года) рассказывает, что уничтожение города перед отходом было заранее запланировано ВСУ: «Украинские военные обстреливали нас, капитально обстреливали. Когда еще российских войск здесь не было. Они говорили, что будем отходить, разобьём ваше Селидово полностью, сотрём. Это были украинские солдаты. Разрушили наш город. Например, дома по улице Карла Маркса, 2 — девятиэтажка. У нас тут ВСУ девятиэтажки поразбивали. 19 октября».

Аналогично другим населенным пунктам, которые временно находились под украинским контролем, жители г. Селидово свидетельствуют, что ВСУ обстреливали города и уничтожали мирную инфраструктуру до появления российских войск и своего бегства.

Например, пострадавший В.Н. Погорелов говорит, как происходили обстрелы города из минометов и уничтожение домов в городе дронами-камикадзе: «... на улице Островского стояли минометы. Двадцать выстрелов по Новогродовке делают. Потом разворачиваются на Ворошиловку (частный сектор Селидово) — и два выстрела... ВСУ заехали в дом, оттуда начали взлетать дроны с морковками (граната от гранатомета). И над нами летели, и летели на ту сторону Селидово, и на улицу Артёма, и ниже на улицу. Дома просто уничтожали... Дедушка спрашивает украинских военных: «Хлопцы, а когда русские придут, как же нам жить с русскими?». Один, самый здоровый, разворачивается и говорит: «Диду, ты русских не бойся, ты нас бойся. У нас 600 стволов, уйдем — сотрём Селидово».

Пострадавшие и свидетели не имели иллюзий касательно отношения ВСУ к русским жителям города и оценивали его следующими словами: «Для них мы — не люди», «обращение как к материалу», «злость», «ненависть», «ВСУ — агрессоры», а действия киевского режима квалифицируется как нацизм.

Например, свидетель А.И. Мизев рассказывает о том, как украинские военнослужащие запрещали ему называть себя русским: «Я вспоминаю 2022 год... ВСУ остановят на блокпостах. Остановят и начинают национальность спрашивать. Я говорю, национальность — русский. Они говорят, нельзя так говорить. Говорю, а как надо говорить? — Украинец российского происхождения».

Пострадавший С.С. Беляев говорит: «ВСУ заходили в подъезды, расстреливали. И работали еще по улице Щорса снайперы. Трое мужчин были убиты украинским снайпером. Мы для ВСУ — ждуны, сепаратисты, кто остался. Для них мы — не люди, и все. Материал».

Жительница г. Селидово Н.Н. Бородинова рассказывает: «...зашли ВСУ в дом частный. Там жила Оля. Ее с матерью 85-летней посадили в подвал и держали в подвале... Украинские военные убивали мирных жителей, чтобы запугать нас, наверное. Цель какая еще? Запугивание».

73-летний житель г. Селидово Андрей Иванович дает однозначную оценку действий и отношения к ним со стороны ВСУ: «Украинские военные вели себя, как агрессоры. Они просто нас ненавидели. Мы — сепаратисты для них, мы — не люди».

Свидетель И.А. Стрельник говорит о том, что такого рода отношение к Донбассу было и до начала СВО: «Я думаю, что украинские военные убивали мирных жителей от злости, что мы тут остались. Как они нас называли — ждуны... Терпели, но, видно, ненависть внутренняя их там какая-то съедала. И вообще, они считали, что мы — русские. Донецкая область — это не Украина, они считали. Москали. Я лично сталкивалась с этим. Мне так говорили еще в старые времена даже».

Житель города В.Н. Погорелов рассказывает о том, что его маму убили украинские врачи в больнице за то, что она ждала Россию, и вспоминает о фашистских маршах,

которые транслировали украинские военнослужащие: «Мою маму вообще не лечили. Всех других, кто нацепил желто-блакитную резинку (флаг Украины) на руку — к ним подходили, их лечили. К женщине, у которой сын в «Правом секторе», позывной «Торнадо», этот сын приезжал и привез ампулы. И вот, она говорит, у меня есть это лекарство. Врачи говорят: «Ладно». Врачи ставят капельницу с этим лекарством, и мама просто умирает. Начинает хватать воздух, язык начинает вылазить, не может вдохнуть. Задушили ее в общем...

Помню, год назад шел через площадь. Стоит «джип» на площади, и на всю площадь оттуда играет музыка. Дойчен золдатен унд оффицирен... Немецко-фашистский марш».

Свидетель преступлений ВСУ житель города В.В. Панченко однозначно квалифицирует действия киевского режима как нацизм: «...что такое украинский нацизм, я уже насмотрелся. Это десятки моих знакомых убитых ни за что. Это просто мирные люди».

Представленные ниже свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в целенаправленной массовой резне мирных русскоязычных жителей города, включая женщин и стариков, с использованием стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов — как с использованием дронов-камикадзе, так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не имеющими срока давности.

Романенко Владимир Васильевич (68 лет), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

Комментарий медицинского работника во время осмотра места убийства его семьи: «В моей левой руке однозначно человеческие останки. Это — ребра, фрагменты костей. Это женская заколка, найдена в куче фрагментов тел сожженных. В правой руке у меня останки человеческого позвоночного столба».

«Прямо на этом месте мою семью расстреляли, а когда спалили их тела, я не видел. Полностью сожгли, скорее всего из-за того, что ВСУшник видел, как я убежал. В руках у меня заколка моей невестки — Олечки маленькой, невестки заколка. Она вот здесь стояла.

В семь часов утра я вышел в туалет на улице, в огороде. Я вышел туда и слышу крик: «Всем выйти с дома». Кричал человек, ВСУшник, в украинском камуфляже с зелёной полосой. Где-то лет под 50 ему было, невысокого роста.

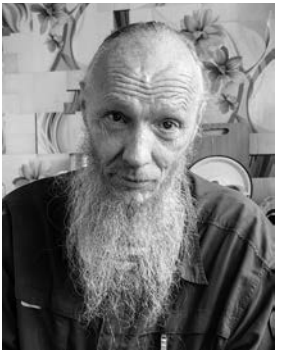
Когда моих вывели с дома и поставили лицом к стенке, он кричал на всю улицу. Их было двое. Один стоял чуть-чуть подальше, а второй стал так, что мне было очень хорошо видно.

Со стороны гаража поставили мою жену, потом внук, сын, не помню точно. Потом невестка и сватья — мама невестки. Невестка начала плакать, говорить: «Что вы делаете?» А он просто начал стрелять. Первой мою жену застрелил. Потом пошел дальше стрелять. Я по огороду убежал. Потом, когда 28-го я пришел, то смотрю, тела лежат под стеной, где их стреляли. Но они были сожжены.

На другой день я пошел, пакеты нашел, собрал останки. Где горело, накрыл останки. Все, что было, собрал в пять

пакетов и захоронил здесь у себя под подъездом. Захоронили пять человек, пять пакетов, которые остались — моя семья. 1951, 1955, 1978, 1974 и 1991 годы рождения».

Погорелов Владимир Николаевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)



«Мы с матерью утром поехали в Димитрово, на скорой помощи нас повезли. Приехали туда, положили нас не в реанимацию, в реанимацию должны были. Положили нас в терапию. Маму откачали, сахар подняли, все нормально, разговаривает.

Она на радостях начала рассказывать, что она — русская, что племянница в Москве, знает, связалась с волонтерами, и когда сюда зайдут русские, то волонтеры придут по нашему адресу и вывезут нас.

Ну, а там лежала женщина, у нее сын с 14-го года в «Правом секторе» медиком работает. Когда приезжали к маме эти сыновья, то вскидывали руку и кричали «Хай Гитлер!». Сыновья этой мамы приходили и кричали «Хай Гитлер!», а она отвечала, вскидывала руку: «Хай живе Украина!»

Мою маму потом вообще не лечили. На обходе подходила врач к ней и говорила: «Это левая рука, это левая нога», разворачивалась и уходила. Всех других, кто нацепил желто-блакитную резинку (флаг Украины) на руку, к ним подходили, их лечили. Я маме не нацепил.

Я начал требовать реанимацию. Врач говорит, реанимацию не надо, ставим здесь капельницу. К женщине,

у которой сын в «Правом секторе», позывной «Торнадо», этот сын приезжал и привез ампулы, видел это на второй день, как он ей давал ампулы. И вот она говорит — вот, у меня есть это лекарство. Врачи говорят: «Ладно».

Врачи ставят капельницу с этим лекарством, и мама просто умирает. Начинает хватать воздух, язык начинает вылазить, не может вдохнуть. Задушили ее, в общем. Во время капельницы. Вот так это случилось. Вот так вот капает, и она всё, и начала затухать, затухать, затухать и воздух глотать, и всё.

Я — церковный человек, мне вообще с 2015 года говорили: «Чемодан, вокзал, Россия». Выгоняли по всякому поводу и без повода, постоянно как бы крепили.

Помню, год назад шел через площадь. Стоит «джип» на площади, и оттуда на всю площадь играет музыка — «Дойчен золдатен унд оффицирен»... Немецко-фашистский марш. Прямо на площади встали и включили на всю громкость, и играло это.

Нас Украина выживала из города, просто забирали детей. Если не вывозишь, детей забираем. У меня кума, четыре ребенка, она из Красного. Забрали детей, вывезли в Винницу, там начали их съедать — издеваться над ними. Вот сейчас ей пришлось новый дом опять снять, чтобы жить. Съедают их. Сейчас она нашла уже с колодцем, уже не надо бегать по селу там, чтобы меньше кто видел, короче, чтобы не ходить по селу там. Ну, съели. То — не то, сыновья у тебя не такие, курица забежала не туда, еще что-то. Ещё и по-русски разговариваете. Мыкается сейчас с четырьмя детьми. Если бы не уехали из Селидова, то просто бы детей забрали, и участь их неизвестна.

Я ездил до друга на улицу Островского. Там стояли минометы. С одной стороны улицы, с другой. Ну, с одного края и с другого края стояли два миномета. Они целый день стреляли по Новогродовке. Двадцать выстрелов

по Новогродовке делают. Туда уже российские войска зашли.

Потом разворачиваются на Ворошиловку (частный сектор Селидово). По Ворошиловке два выстрела. Потом опять разворачиваются по Новогродовке, двадцать выстрелов сделают. Разворачиваются — и опять стрелять по Ворошиловке. Тут не было никаких российских войск.

4 октября я ездил на день рождения до Сереги на улице Островского. Рядом с нами, через домов пять, ВСУ заехали в дом. Подъехала машина, остановилась, зашли в дом. Оттуда начали взлетать дроны с морковками (граната от гранатомета). И над нами летели, и летели на ту сторону Селидова, и на улицу Артёма, и ниже на улицу. Дома просто уничтожали. Не было там никаких российских войск. Это было 4 октября. Этот день рождения я запомнил, над нами прямо сразу три дрона пролетело с гранатой-морковкой. Мы сидим, празднуем, а они над нами пролетают.

И вот целый день они... Мы сидели, праздновали, а они практически до самого вечера туда летали и уничтожали дома в Селидово. У меня вот у друга там, он пришел с работы, дом уничтожили. Это там чуть-чуть ниже у него улица.

Я молоко покупал на Ворошиловке. Дедушка спрашивает украинских военных: «Хлопцы, а когда русские придут, как же нам жить с русскими?» Один, самый здоровый, разворачивается и говорит: «Диду, ты русских не бойся, ты нас бойся». Серьезно вот так вот. Говорит: «У нас 600 стволов, уйдем — сотрём Селидово». Нас вообще с 2015-го года обещали стереть. Маме моей украинские солдаты лично два раза говорили, всем женщинам практически говорили: «мы будем уходить, сотрём Селидово с лица земли». Но я здесь остался, чтобы его не стёрли.

Возле 56-го магазина, там магазинчик небольшой на ступеньках, туда ходили люди скупляться. И туда прилетела

сначала одна мина — никого не убило. Через неделю опять люди начали собираться. Меня тоже крутило, чтобы с утра поехать, купить минеральной воды. Я что-то думаю, после 12 поеду. Кум мой, Алексей, и мой друг Гена поехали туда мясо взять. И часов в десять прилетела мина, четверых ранила. У женщины оторвало почку, Гене ногу пробило и артерию перебило. Осколок там застрял, не достали осколок. У кума моего, там же, возле 56-го тогда, Алексея Ванина, ногу пробило насквозь и по голове черкануло. Украина стреляла. Сентябрь-октябрь месяц.

В сентябре месяце возле Ревиного моста я до кума ходил собак кормить. Там через три дома жили украинские военные. Когда они уезжали, просто кинули гранату туда в дом, и все. Дом загорелся, дом никто не мог потушить. Горел два дня, потому что боялись, вдруг заминировано. Или по улице Островского сидели, вышел военный через два дома от нас. Вышел, пошел, через минуты три дом взорвался.

В детской больнице жили беженцы с Песок, с Первомайского. Поселились беженцы. Пришли туда украинские военные, ВСУшники. Зашли, проверили все здание, посмотрели, где живут люди. Пособирали все огнетушители. Ушли. Через часов шесть туда прилетело. С улицы Островского был выстрел. И прямо туда, точно там, где живут люди — беженцы, эти переселенцы. Прямо в то крыло. Огнетушителей, естественно, нет, тушить нечем. Все, кто остался живой, те собрались опять в Украину дальше.

Российских войск ещё не было. Российские войска зашли в четверг, где-то в два часа. Во вторник ВСУ зашли в 19-й дом, перед моим домом, в 17-й перед 19-м. Они ходили, выбивали двери и всех, кого находили, расстреливали. Кто открывал двери, стреляли сразу в голову. Бабушка, 80 лет, учительница, всю жизнь проработала. Прямо в го-

лову застрелена. Там всех постреляли в голову. В этом доме в живых осталось трое. Одни не успели открыть, а другой забаррикадировался и слышал французскую и украинскую речь. Француз что-то обратился, а украинец говорит: «У нас уже нет времени ломать двери. Мы уже зачистили». Бросили его, не стали доламывать двери. В общем, он так живой остался. У них времени уже не было на зачистку, и они уже зачистили дом, всех постреляли.

Тут у нас, в среду, по нашему двору идёт и с грузинским акцентом кричит: «Есть кто живой, есть кто живой?» Доходит до моего подъезда. Я уже хотел открыть, откликнуться, когда он начал кричать матом. Где я? Что-то не то, матерится. Я собрал собрание по подъезду, у нас шесть человек в подъезде. Как быть, открывать или нет? Все говорят, он матерится, открывать не будем. Подождем, подождем вежливых. Это было в среду, то бишь он целенаправленно искал, кого убить из мирных жителей.

В своём доме семью вывели, пять человек с ребёнком, вывели, в огороде и расстреляли. Прямо в огород вывели и расстреляли целую семью. Украинские военные.

Здесь у нас засел снайпер, посадили снайперов, и вот это они начали со вторника. Начал снайпер всех мужчин, вот здесь — раз, два, до сих пор лежат. Один заховался, забежал в магазин, в магазине его застрелил снайпер. До сих пор лежит там труп.

Там, на перекрестке, там дальше, получается, лежат как в один ряд. Все были застрелены в голову. С той стороны по... Вокруг этого дома всех мужчин, всех постреляли украинские снайперы. Может, наемники какие-то.

Пришел сын с нижней улицы, пришел и увидел, что здесь лежит отец застреленный. Побежал домой за лопатами. Когда бежал, его снайпер в голову застрелил возле Донбасса, там еще оставалось два снайпера. И его застрелили прямо в голову. Не успел он отца похоронить».

Ефремова Валентина Васильевна (77 лет), город Селидово (Донецкая Народная еспублика)

«Я живу в частном доме по адресу улица Шевченко, 56. 17 сентября мой сын утром вышел в туалет. Я спросила у него: «Сынок, сколько время?» Он мне сказал: «Пять пятнадцать, ма». И вышел. Ой, нету, нету его, нету, нету. А у меня хозяйство, слышу, козочка что-то закричала. Думаю, наверное, там уже что-то делается. Его нету, сына. Потом слышу, что-то упало. Подхожу к калитке в сад. Вышла, а он лежит. Уже готовый. Вот здесь, прямо в сердце попало. Его убили. Сходил в туалет, и все.

Украинцы убили, еще Украина здесь была. Я потом побежала к соседям, что же мне делать, говорю. Они говорят: «Хорони на участке». И вот захоронила своего сыночка здесь. Каждый день хожу, проведываю его, рассказываю ему, что и где случилось. Ему было 53 года.

Вон туалет, вон забор, видимо, держался за забор. Он взялся за калитку и упал. Уже дальше он не мог идти».

Федорова Фаина Петровна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Мы ставим буржуйки, чтобы нам было тепло на зиму. И Саша вот эту буржуйку, как у нас стоит сейчас на кухне, он выжигал. И говорят, он выжигал на улице дровами. И в это

время украинские военные просто расстреляли его. И к тому же его маму тоже расстреляли. И там, оказывается, еще не только его мама была, а были... Его родственники жили вместе в этой квартире. А потом, когда мы уже через некоторое время сказали, он к нам не приходил, сын решил туда пойти и узнать. Их сначала не пускали туда, а потом, когда пустили, говорит, четыре холодных лежат. Ну, это и их квартира была, были накрыты этими одеялами.

Украинцы убили девятнадцатый дом (ул. Щорса). Говорят, спасся один парень в 19-м доме. Я вчера была на своей квартире, и там хлопцы, мои знакомые, все с третьего подъезда, говорят по Карла Маркса тоже многих расстреляли по домам. Очень много трупов, очень много. Именно украинские военные расстреляли.

И с моей квартирой что произошло. Около восьми часов, без двадцати восемь, я проснулась, но не выходила со спальни. Только начала со спальни выходить, бухнуло на второй этаж. Слетел мой балкон полностью, полностью дверное окно в зале, здоровенное вот такое, как здесь. Спальню всю расстрочило, всю абсолютно. Абсолютно два этих, два окна вообще, как будто не бывало. Балкон вообще невозможно, я могу вам снимки даже показать этого балкона. Чуть сама не погибла.

Я детям не рассказывала, конечно. Я только выходила, и хорошо, что у меня были портьеры вот такие плотные. Все равно пролетел осколок. У меня диван, выходит со спальни диван, кресло стоит с левой стороны, и прямо на кресле, на подушечке был осколок вот такой. Я не знаю, как он не попал в меня.

Я думаю, украинский снаряд это был. Моя квартира на третьем этаже. Все квартиры пострадали. Рядом подъезд тоже пострадал. Внизу все растащило, все окна выбило вообще до осколков, до мелких.

А 17 октября мы обычно выходили на улицу и сидели, общались со всеми, кто жил в наших подъездах. В третьем часу, где-то около шести, где-то без пятнадцати, может быть, без десяти шесть, такой гул, именно это со стороны украинского Курахова. Такой гул был, невозможно. И какой-то как хвост огненный. Сказали, 29-й дом разбило. А в 29-м доме у меня жили на пятом этаже дети. Где-то человек восемь было около подъезда. И они все повалились. В первый подъезд все, говорит, повалились.

Хорошо, что там молодой человек был, Саша. Он сейчас погиб, его расстреляли. Его расстреляли. А он спас многих людей. Царствие ему небесное, конечно. Он спас и мою невестку, и моего сына. В общем, толкнул всех в подъезд, и повалились они все. Вот дом, это вообще, я не знаю, как они остались живы, что это сверху такие глыбы эти падали, я не знаю. Растащило всю крышу, вот этот подъезд у детей. И все валилось, и крыша скрутилась.

Говорят, на дом ВСУ маячок поставили, потому что их не пускали в этот дом. Я видела эту ракету сама лично».

Васильконова Валентина Евгеньевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«ВСУ отходили 21 октября. Мы стояли возле подъезда, они начали стрелять. Мы слышим украинский говор: «Иди сюда, иди сюда». Мы бегом разбежались по подъездам. Мне прострелили дверь входную.

Я забежала быстренько, а украинский военный кричит: «Она вон туда побежала». И они прострелили мне дверь, у меня вон до сих пор дырка.

Постреляли они и напротив, в 12-м доме. Мы позабегали, а напротив в 12-м доме стояли люди. Закрыли подъезд. ВСУ говорят: «Открывайте, открывайте, вам ничего не будет». Тетя Валя открыла, и их, четырех человек, застрелили. Они ничего не сделали. Лена просто сидела на диване.

Они ее застрелили. Застрелили сына, спрашивали, что это он не воюет? Сашу застрелили. Тетя Валя начала кричать, и ее застрелили. Лена говорит: «Что же вы делаете?» А один ВСУшник говорит: «А что з нею рабыть?» А второй говорит: «Да пристрели ее». И они ее пристрелили.

Мальчик Коля забежал. Он рядом здесь жил, он слышал, что стреляют. Он побежал, и его тоже. Четыре человека сразу. Потом в этой квартире они сидели, их человек двенадцать было. Напротив парень жил, он это все видел в окно. Они ему окна прострелили.

Один вышел сдаваться, и они его пристрелили. Он возле подъезда лежал. В нашем Солнечном районе шесть человек лежат. Женщина шла с сумкой. ВСУшник ее пристрелил. Раз, второй раз, третий раз стрелял. Саша рассказывал, сосед мой. Три раза ВСУшник стрельнул в нее. Сначала она начала шевелиться. А украинский военный: «А, ты ща шевелись?» И дальше выстрелил. Ждуны, ждуны, ждуны. Вот это только слышно было от них.

У Сашки окна простреленные на кухне, потому что ВСУшники стреляли. У него простреленная дверь тоже. У меня дверь прострелена в первом подъезде, у него второй подъезд.

Когда ВСУ отходили, они нас постреляли. Это хорошо, что я спряталась... Они открывали подъезд и стреляли в двери, потому что видели, что я побежала. Спасибо, что они не зашли в квартиру. А если бы в квартиру...

Рядом дом по улице, женщина котов кормила. 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. А Кирилловна, учительница по украинскому была, она бежала, убежала в подъ-

езд, ВСУшник ее догнал и застрелил. 75-ти лет женщина кормила котов, зачем ты ее застрелил?

Те, что комментарии мне пишут, которые повыехали, говорят: «Не может быть, что это Украина, Украина не трогала, когда мы жили». Ну, я-то здесь осталась, я-то знаю, что это Украина была.

Как доказать, что это убила Украина, но не Россия? Вот Россия пришла, они что, нас стреляют? Нет, они, наоборот, нам помогают. Спрашивают: есть ли еда? Все есть, все. Говорю, что нам ничего не надо, у нас все есть, спасибо. Они помогают, дров мне привезли.

Сын погиб у меня тоже 21 числа. Он с Русланом, с другом, с Сережкой поехали на дом, на Островскую, 18. Поехали отвозить друга. Они приехали, вылезли, а напротив сидели украинцы еще. А 22-го они уже к нам дошли сюда, на Солнечный. Они вылезли, была половина одиннадцатого.

ВСУшники им говорят: «А что вы разъезжаете на машине?» — «Та друга привезли», это мне тетя Валя рассказывала, мать Сережи Скляра. Она говорит, что они говорят: «А что вы разъезжаете?».

Когда я хоронила сына, соседи сказали мне, что тогда ВСУшники были пьяные, они начали на хлопцев наезжать. Спрашивали: «Почему вы не воюете?» Я не знаю, как там получилось. Они машину обстреляли, она стоит возле дома обстрелянная. Потом они пристрелили этого Сережку. Они занесли Сережу, положили с края. А когда они несли его, ВСУ в сына моего, Кириленко Евгения, стреляли. Тетя Валя говорит: «Я начала сына обрабатывать, у него и нога, и рука прострелены».

Потом Женя вышел — собака начала скулить. Вэсэушники уже собаку пристрелили. Он вышел туда к собаке. Они его в половину одиннадцатого ночи пристрелили возле собаки. А потом украинский военный тете Вале говорит, что вон они роблять там у хати. Она говорит:

«Нема никого, ты их уже всех повбивал». И вот мой сын лежал там, убитый. Он ничего не сделал, они не грубили, они не ругались, они нигде ничего не говорили. Они его убили просто за «чего ты не воюешь», за то, что ждете Россию.

Тетя Валя вообще не слышала разговора, чтобы наши что-то отвечали ВСУшникам, наши молчали. Потом украинские военные пришли и еще дострелили до конца его. Вдруг он живой остался? Тетя Валя начала кричать»: «Что же вы робите, ловцы, вы же уже убили сына и этого убиваете». А Руслана, который его носил, что перевязывал его, они сначала не тронули.

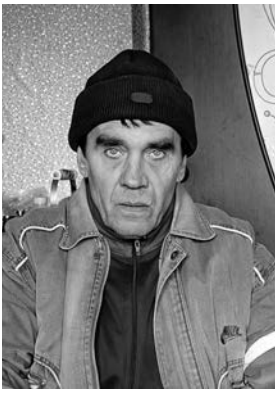
Утром Руслан хотел выйти. ВСУшники, когда отходили, его тоже застрелили. И вот три человека сразу и погибли. Потом ВСУшники пришли сюда к нам на Солнечный. И на Солнечном у нас сколько человек были убиты, лежали мертвыми.

Я же говорю, у меня до сих пор дверь прострелена. Когда интервью я давала, мне в комментариях кто-то пишет, что, когда они тут жили, украинцы их не трогали. Но именно в последний день они постреляли. Так те, кто уехал, не верят, что это Украина была. Но мы-то знаем, что это Украина, разговор-то был украинский.

А когда уже пришли утром хлопцы, Россия... Мы слышим, что это Россия пришла. Они сразу, что вы? Они меня сколько просили: «Да не плачьте, мамаша, сейчас война идет». Я говорю, что мне надо сына похоронить. Сказали, что нет сейчас возможности. Я вот недавно только его похоронила.

Ну зачем ВСУ было убивать, зачем? Это мирные люди. Ладно мужчин, я уже согласна, ладно мужчин, но зачем женщин убивали? Женщина шла с квартиры. Они в нее три раза стреляли. Валя, у которой сына застрелили, начала кричать, ВСУшники взяли ее и пристрелили. А потом

зашли в эту квартиру. В этой квартире Вовка запрятался за диван, сидел там тихо. Они сели и пили чай, или ели. Посидели, посидели, а потом и двинулись, вышли и пошли. Ну это же было, это же было».



Бондаренко Константин Яковлевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«На ТЦК сначала не обращали внимания, а потом приходилось даже прятаться, потому что призывной возраст подняли до 60-ти лет. Боевые действия, когда начались в 22-м году, нас с сыном ТЦК на улице встретили, с сыном разговаривали, он молодой, 33 года, предлагали, деньги сулили. Сын говорит, подумаю. Отказался.

Мои документы посмотрели, назад швырнули. Ну, возраст не тот. В 23-м году, на блокпосту, на выезде из Селидова в сторону Украинска, автобус остановили. Сын возвращался с работы, дали повестку, через два дня явиться в Курахово еще, там был ТЦК. Не поехал сын.

И вот в этом году, в апреле, случайно поймали нас, сначала первого меня отвезли, выписали штраф на 1700 гривен, на следующий день сотрудники местной полиции приехали, почти силком нас туда отвезли, в город Покровск. И сыну выписали штраф, и дали повестки обоим на 28 мая. И вот с того момента нам приходилось прятаться, чтобы сходить в магазин, чуть ли не километровые круги писать. Прятались.

Штраф выписали потому, что не явился по повестке. Он выписывается, корешок отрывается — фильки-

на грамота. А потом выдают бумагу на штраф 1700 гривен.

Адвокаты говорили, это можно не оплачивать. Ну, правды не найдешь. А если оплатишь, то сам себе подпишешь приговор. Никуда не денешься. Полиция, она раз доставила, а потом уже ТЦК занимается. Ну, старались прятаться. В последнее время вообще ездил милицейский «бусик», автобус катался по Селидово. Прятались от него. Ну, хорошо, хоть знали, какая машина, видели, далеко прятались. Вот так выживали.

В районе рынка была заправка, заправочная станция, дизель-генератор. До последнего момента работала. Люди ходили телефоны заряжать. Там стоял Старлинк, можно было в Интернет посмотреть. А мы как раз с сыном встретили знакомых, пошли туда вверх, на поселок, на старый. Приехала с облавой СБУ. И там и ТЦКшники были. Говорят, в «бусик» 35 человек забрали.

А когда отступали украинские войска — гражданских убивали. Зачем далеко ходить? Вот где мы сейчас находимся, буквально через 30 метров, девятиэтажка, люди в основном все повыезжали, осталась одинокая женщина. Может, где-то у нее родичи были, родственники, она жила на втором этаже в подъезде. Ближе к вечеру сама спускалась, закрывала подъезд, чтобы не мародерил никто. И буквально вот до прихода российских войск было тихо, все видели эту бабушку. Потом ее не стало видно. Видели, что туда, в тот дом, пошли в этот подъезд, больше некуда было идти, пять украинских военнослужащих. С вещмешками, полностью экипированные. Потом тишина. А потом, оказывается, ее первый зять пошел проведать, а она лежит убитая. Расстреляли. Российских военнослужащих еще там не было.

Когда украинские военнослужащие отходили, они стреляли и по окнам. Люди говорят, стучали в двери.

А если открываешь, сразу пулю. Если ломают, если смогут взломать, расстреливали.

В этом доме, где мы сидим, мы в левой стороне, а по правой стороне, возле улицы Ленина, ездил украинский танк. Где доставал угол подъема пушки, где хватало, стрелял по пятиэтажкам по нашим. В наш дом прилетело выше. Он по улице катался, постреливал, а потом развернулся и через частный сектор ушел в сторону Покровска. ВСУ беспредельничали. Уходили под конец, не доставайся ты никому, получается. Зачем это было разрушать все? Зачем было стрелять? На что они надеялись, непонятно. Если собирались сюда вернуться, зачем было ломать, разрушать? Ну, зачем? В общем, нечеловеческое отношение. Нас не считали за людей».

Бондаренко Сергей Константинович, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Лично мы с отцом прятались на пятом этаже. В последний день слышим, как загудит украинский танк, сразу от окон отходим. И когда уже его гнали, он по всем подряд стрелял. Куда достаёт... По гаражам, по домам, везде. Куда достал, туда и стрельнул.

Русских войск еще не было. ВСУ уже отходили. Наверное, от безвыходности или от злости по людям они стреляли, знали, что тут люди. И они знали, что, кто в Селидово остался, явно к Украине симпатии не испытывает. Поэтому чего они будут нас жалеть? Для них, ну, понятно, кто мы.

Расстрелы ВСУ мирных жителей. Владимир Васильевич, мы хоронили из его семьи пять человек. Там по пару килограмм в мешочке было. Вот это его семья.

Потом чуть дальше, на перекрёстке, там бабушка с дедушкой. У них родня, дети в России. Они ж, наверное, даже и не знают. И телефоны мы искали в доме. Не телефоны, чехлы одни остались.

Ещё двух человек застрелили украинские военные чуть дальше по улице, угловой дом. Карбышево-Кучуринская улица (пересечение улиц). Там угловой дом, там как раз и написано на заборе. Там мы их коврами накрыли. Им с виду за 60.

ВСУ расстреляли их прямо на улице, во дворе, прямо где калитка. Вот Владимир Васильевич говорит, что у них дети в России, они же думают, что они живые. И никак не сказать ничего. На Солнечной, 19 (ул. Щорса, 19) дом, кто открыл дверь, того ВСУ застрелили.

Там еще бойня была. Прямо на улице снайпер. Сначала вроде сына застрелили, потом выбежала мать, и мать застрелили, когда ВСУ оттуда отходили.

Мы, слава Богу, с отцом воды натаскали себе, мы из дома никуда не выходили. Так нам еще на пятый этаж, а ВСУ если куда-то, то только по первым этажам. Но, слава Богу, пронесло».

Боенко Сергей Геннадиевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«ВСУ при отступлении просто расстреливали всех попавшихся им. Заходили в подъезды, стучали в квартиры, деревянные двери взламывали, а тех, кто им открывал, расстрели-

вали. 22 октября при отступлении где-то после часа мы услышали интенсивную автоматную стрельбу.

Утром 23 числа я выглянул в окно и увидел убитого мужчину возле 6-го подъезда. 77-й дом по Михайловской улице. Я пошел к бывшему магазину «Солнечный» и тоже увидел на углу убитого. Как оказалось, это сосед соседа Сергея из дома рядом. На углу дома он был убитый. Соседи увидели, что убита наша соседка. Лежала возле магазина «Колорит». В радиусе ста метров от квартиры брата я видел восемь погибших человек. Валю — соседку с первого подъезда — я похоронил между домом и магазином.

Дальше, возле 77-го дома, возле первого подъезда у тротуара двух убитых человек, мужчин пожилого возраста видел. Еще возле шестого подъезда убитый. Возле магазина «Солнечный», у левого угла магазина лежал Сергей Касимов. У правого угла, за бывшим киоском «Союзпечать» еще один мужчина убитый. За магазинами на бульваре по бывшей улице Щорса, при украинской власти ее переименовали, еще один мужчина. И возле 12-го дома, у первого подъезда лежал мужчина убитый.

Еще убитый лежал возле поворота около дома, около бетонной крышки канализации. Второй лежал на углу вот этого магазина. Третий мужчина лежал убитый ниже магазина по тротуару. Кого прикрыли, тело, ему лет семьдесят. Я его несколько раз видел живым еще до этого.

Варвара Садчикова, жительница дома с первого подъезда, была убита вот в десяти метрах отсюда. Я ее похоронил 30 числа. Она гуляла, любила собак. У нее были собаки. Она гуляла и была убита 22 числа.

Возле второй школы там еще есть дом малосемейный. К нему пристроена сберкасса. Возле первого подъезда, прямо возле лавочки, лежал мужчина убитый. Видно, местные жители его чем-то накрыли уже. Вот это я видел.

Убили ВСУ и моего бывшего коллегу по шахте Володю Борисова. На перекрестке с улицей Шевченко. Его там, точно так же как других, отступая, убили украинские... солдатами их нельзя называть. Уроды. Убивали всех подряд. Его тоже убили. Он ходил по воду, а его там расстреляли.

Почему убили? Я вам скажу свое видение. С 1991 года началось это поднятие бандеровской темы, что Бандера — герой. Что все люди, которые были в этих СС «Галичина», на самом деле они сражались за Украину, не убивали мирных жителей и так далее. Хотя на самом деле из истории, которую мы, например, учили в советской школе, мы-то все знаем.

У щирых украинцев сейчас мечта «панувати» — царить, господствовать. Не за счет своей собственной работы, а кого-то эксплуатировать. Нас, восточных.

Хотя я лично не считаю себя украинцем, это все — российская земля. Кто Одессу основал? Кто основал Николаев, тот же Херсон, Севастополь и так далее? Это не украинская земля. Но они считают ее своей. И поэтому тех, кто с ними не согласен, они просто уничтожали. Вот и все».

Скляр Валентина Андреевна (76 лет), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Мой сын кричит: «Мама моя жива?» Ой, Боже, что ж такое? Я давай сюда идти. Прихожу, он лежит тут на диване, кричит: «Мама, я умираю, я умираю». Я не думала, что так обойдётся. Что случилось? Ехали на

машине. Украинские военные тут стояли, уже ждали. За углом, за забором стояли.

Два украинских военных в шлемах, с автоматами. Сын говорит: «Мама, мне холодно». Я пошла воду греть. Он бутылки выкидывает, говорит: «Не нужны мне, я умираю». Истекает кровью.

Нога перевязана, а на руке правой вырван кусок мяса и тряпка, но ничего не завязано. Я уже разрезала ее, а он уже умер.

Я говорю: «Господи Боже, да что ж такое?» Он мне кидал воду, мне говорил: «Воду не надо, я умираю, перенесите меня в хату». Один товарищ его остался, а тут собака загавкала наша и скулит. Женя туда пошел, и не слышно его. Я говорю Руслану: «Руслан, сходи, что там?» Он говорит, что Женя — мертвый. Я говорю: «Как мертвый?»

А сын мой кричал, кричал и замолчал. Я присела на кресло уже в 5 часов. Он мне говорит: «Мама, мне плохо». Начал метаться, метаться. Упал с дивана. Мы его подняли, положили. Говорю: «Что ты падаешь?» Мы его положили, а оказывается, это были предсмертные судороги. Мы его положили, я глянула, вроде бы дышит. Он второй раз падает, мы обратно его кладем. Я села и думаю, что он не кричит. Я тогда ему говорю: «Сынок, сынок». А он перед этим сказал: «Я умираю, мама, я умираю». Я говорю: «Как умираешь?» Я говорю: «Руслан, иди сюда, Сережа мертвый». Он спрашивает: «Как мертвый, я посмотрю». Мой сын не дышит, разложил руки. Руслан говорит: «Я пошел ребят искать и копать могилу».

Нагрела воды, обмыла убитого сына. Я насчитала 13 всяких ран. Ну, сожгла его одежду, но надо было хоть что-то оставить, потому что мало осталось. Думаю, пусть он в одеяле лежит.

Тринадцать ранений у него я насчитала. То пятно красное там видно, то какая царапина. Нога левая пробитая.

Я ему вытирала ножки, пробитое там отверстие большое. Тут, там, тут, там. А лицо целое. Эти двое украинских военных и Женю застрелили, и собаку застрелили. Мой убитый сын — Скляр Сергей Анатольевич. 47 лет. 6 октября у него день рождения был, а 22 его уже не стало. Руслана еще застрелили, я фамилии не знаю. Руслана и Женю. Забыла фамилию. Там на могиле написано.

Хоронили через дорогу, мать Жени приходила. Я сказала, если меня убьют, вот там меня, в том уголочке, похороните. Вся черешня побитая. (Плачет около креста на могиле сына): «Сыночек, моя лапочка, мой золотой».

У Жени Кириленко украинские военные сняли печатку на пальце и часы большие. И цепочку сняли, мать его сказала, что цепочка была. Украинцы сняли. А Руслан был за рулем. Ни одной царапины, ни одной царапины, а Серёжа побитый, тот побитый. А утром Руслан только вышел, слышу — хлоп. Там лужа, и он прямо в луже лежит убитый».

Беляев Сергей Сергеевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«На выходе улицы Михайловской и Щорса, 12 были убиты мирные жители. ВСУ заходили в подъезды, расстреливали.

По Щорса, 19 осталось три человека живых только потому, что их не успели убить. Еще по улице Шевченко по выходу из элеватора убили в своем доме Коваленкова Александра, 1976 года рождения.

Убили с ним еще четырех мирных жителей, тоже во дворе остались лежать. И на перекрестке улицы Советской

с Московской был убит Вова Борисенко, тоже при выходе, шел в свой дом и на улице лежал.

И работали еще по улице Щорса снайперы. Были убиты три мужчины в лоб украинским снайпером. 22—23 октября по Щорса, 3, по Щорса, 19, Щорса, 12 были убиты снайперами.

А по Шевченко чуть позже, при выходе украинских военных, тоже были уничтожены люди.

Мы для ВСУ — ждуны, сепаратисты, кто остался. Для них мы не люди, и все. Материал».

Клименко Андрей Александрович, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Мы сейчас на улице Нагорная, дом 37. Да, было очень много трупов. Лежало и у нас на микрорайоне, и в соседних микрорайонах тоже трупы находились. Именно гражданских лиц, со многими из которых я был даже знаком.

Я сам хоронил гражданских. Вот сзади меня вот такая вот могилка здесь лежит. В этом же доме, в 37-м, знакомый мой — Сергей Касимов фамилия. Я могу назвать ее. По рассказам, он привел к себе домой женщину, которая была ранена. Пошел до знакомой медсестры, чуть ниже района, и пропал. 23 числа утром мы его нашли недалеко от дома.

Его тело нашли 22 октября. У него было огнестрельное ранение. На углу как раз магазина «Солнечный» нашли. Он пролежал больше недели в этом месте. Потом мы его захоронили. Просто так как он пролежал уже больше недели, дворовые собаки лицо обглодали. А 23 числа у нас на микрорайоне зашла российская армия.

Я хоронил еще одного знакомого. Он занимался перекладкой печей. Он мне лично переложил два раза печку на кухне, на даче. По рассказам, он пошел помогать на кладбище, здесь недалеко у нас кладбище есть Михайловское. Он пошел помогать копать могилу. Его также застрелили ВСУ. Какого числа, не знаю, но пролежал он еще больше со своим товарищем. По просьбе то ли матери, то ли тетки, попросил Алыка Потяну захоронить его. По рассказам, говорят, он пошел помогать знакомому выкопать могилу. Пошел копать могилу и был застрелен. По всей видимости, русских войск еще не было здесь.

Еще ВСУ убили Руслана, он проживал тоже в этом 37-м доме. Евгений тоже, по-моему, проживал в этом 37-м доме, но не уверен. А третий, Сергей... Он проживал в районе парка, там улица Островского. Они поехали до этого Сергея на улицу Островского на автомобиле. И были тоже расстреляны украинскими войсками. По рассказу матери, стреляли украинцы. Сергея мать захоронила своими силами в огороде, прямо в доме. Это частный сектор. А Руслана и Евгения позавчера...».

Ручкина Нина Александровна (74 года), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

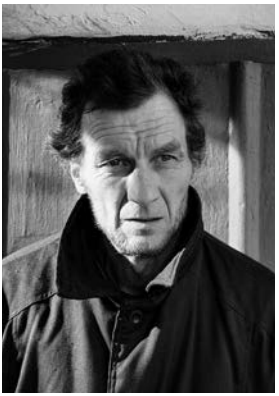
«Украинские военные обстреливали нас, капитально обстреливали. Очень даже стреляли они. Когда еще российских войск здесь не было, ВСУ стреляли. Разбивали они город. Они говорили: «Будем отходить, разобьём ваше Селидово, полностью сотрём». Это были украинские

солдаты. Почему, я даже не могу вам сказать. Что это сделалось с ними?

Разрушили наш город. Например, дома по улице Карла Маркса. Номер два — девятиэтажка. У нас тут ВСУ девятиэтажки поразбивали. 19 октября.

Они убегали и забежали они в 19-й дом наш. Убили там несколько людей. Люди были дома и ВСУ убили детей — 4 годика и 2 годика. И взрослых убили. Что двухлетняя сделала для того, что ты его убил? Зачем это было делать? Микрорайон Солнечный, дом 19 (ул. Щорса, 19). Мальчика и девочку убили. Девочке 2 годика, а мальчику 4 годика. Мы услышали крик, зашли в коридор и закрылись. Мы испугались, когда люди начали кричать. Трупы у нас валялись по нашей аллейке.

Это украинцы убили. Они убегали, видимо, Россия начала их давить, и они убегать начали. И они вот это сделали».



Утка Юрий Олегович, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Украинские дронщики поселились, жили дронщики, в квартире ничего не было, приехал в село, в селе там началось, ну, это август. В конце сентября начали летать дроны, сбрасывали на мирных людей дроны, у меня у кумы сын погиб под дронами украинскими в селе Петровка.

Я переехал, это восемь километров от Селидово. От Вишневого четыре километра. Это считается Селидовский район. Естественно, в квартирах ничего нет

на данный момент, когда я вчера зашел в Селидово. У меня, у супруги в квартирах нема ничего. Все, что можно, ВСУ забрали, нагадили. В колхозе тоже пытались и курей забирать, и продукты забирать. Именно украинские военные.

Мы три недели в Петровке сидели в подвале. Потому что дроны летали, контролировали каждый шаг. Нельзя было выйти печку растопить. Это так редко, что растапливали дровами, только дровами, чтобы дыма не было.

Украинские дроны летали. России еще не было. Село было пустое, жили одни жители, начали у меня, у соседей. На два дома напротив накинули мину минометную. И два дома разбомбила именно Украина.

У меня у кумы в Петровке сыну было 28 лет. Передвигался по дороге. Он ездил, он — фермер сам. И потом поехал трактором сеять поле. Посеял поле, трактор оставил на поле и на машине ехал домой. И по машине залетел дрон. Их было трое в машине. Один убит, один хлопец выпрыгнул, а второго контузило — ранение получил хорошее. После того как он погиб, потом начались уже накидывания ударов по домам, где жили люди. Возле домов, в огородах. Я написал большую бумагу, что живут гражданские люди, положил на крышу, под стекло все, на белой бумаге написал. Нет, все равно ВСУ сбрасывали заряды.

Нереально тут было жить с ребенком девять лет. Украинские МВДшники детей забирали, лишали материнства и забирали детей.

Мою дочку пытались забрать, нас искали три дня, только потому что ребенок есть. И потом мне человек знакомый с МВД сказал: «Юра, отправь ее в Днепро, а потом заберешь». Отправил я, у жены сестра уехала с ребенком туда, а назад уже помогли мне вернуть. Ребенок выехал, а потом уже вернули его обратно. Мне говорили, что если откажетесь эвакуироваться с детьми, то

мы ребенка забираем, лишаем материнства и все. Вы как хотите, а ребенка мы забираем, вы его не найдете. Ездило украинское МВД. Там же, кроме Петровки, еще четыре села. Пустынка, Алексеевка, Воровская. Везде были дети. И везде это происходило.

Дрались с полицией. Люди там возмущались. Все равно военные приезжали и забирали детей.

Были случаи, когда без родителей просто забирали. Потому что родители там с вилами на них кидались. Приезжали военные, украинцы. Грузили в машину с детьми. И кто не хочет из родителей — оставайся. Погрузили детей и поехали. В этом участвовал и исполком Селидовский, отдел по детям и материнству. Они говорили: «Вы понимаете, здесь война». Я считаю, эвакуируете — давайте жилье. А они говорили: «Какое жилье? Поедете, так все найдете». А сестра поехала вот с ребенком, у нее муж там, у мужа там брат. А те, кого так повезли, на вокзалах ночевали. Нету жилья, дорогое жилье, 15—10 тысяч, работы нету».

Стрельник Ирина Анатольевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Улица Карла Маркса, дом 29, квартира 20. Это был адрес Марии Ивановны Семеновой. А нашли ее на втором этаже. Мы видели ее последний раз 23 октября 2024 года. Она зашла в подъезд, шла с магазина, с сумочкой, и за ней зашло пятеро украинских военных. Больше соседи её не видали.

Мы подошли к ребятам, которые там были и видели. Они сказали, да, тут действительно женщина. Мы говорим: «Вы не видали женщину тут в возрасте?» Они говорят, что там же лежит на втором этаже мёртвая женщина.

Они нам открыли квартиру. Они говорят: «Вы её узнаёте? Это она?» Ну, она лежала головой к дверям. Её, видно, протащили по коридору, след крови был на голове, на волосах и на лице, и укрыто одеялом. И всё, мы ничего, дальше мы не заходили, мы пошли узнавать, как её похоронить и всё остальное. Потом мы нашли всё-таки сына, потому что дочь уехала.

Да, дочь выехала, внучка выехала, все эвакуировались, а сын, думали, тоже в Донецк куда-то поехал. Но оказалось, что он дома, и сыну сообщили, вот он пришел, все-таки опознал маму, и там ее сами упаковали. Что он это увидел, это ужас один. Он говорил, что думает, что, скорее всего, над мамой издевались.

Украинские военные застрелили ее, наверное, в голову, потому что кровь была на лице, на голове, волосы видно было, часть лица видно. Я думаю, что украинские военные убивали мирных жителей от злости, что мы тут остались. Как они нас называли — ждуны. Их это раздражало, я так думаю.

Некоторые ходили, даже в глаза не смотрели по городу. Я специально когда-то шла, думаю, мне интересно в глаза даже посмотреть, что они вот сюда пришли. Они подходят ближе, глаза опустили и пошли дальше. Терпели, но, видно, ненависть внутренняя их там какая-то съедала. И вообще, они считали, что мы — русские.

Донецкая область — это не Украина, они считали. Москали. Я лично сталкивалась с этим. Мне так говорили еще в старые времена даже».

Бурлака Маргарита Викторовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Отступление, ну, когда они начали, засели в 12-м доме украинские военные. Они отходили, и получилось, что им некуда деваться было, они зашли в подвал. И они сидели в подвале. Это улица Щорса или Солнечная. Щорса, 12. И, короче, я услышала... крик, женский крик, очень страшный крик. И увидела, как женщина стоит и кричит. Она туда кричала, именно в этот подвал.

Я не поняла сразу, в чем дело. Послышался выстрел, но женщина продолжала кричать: «Убили, убили, убили». Она упала и дальше кричать начала. Это страшно было. Я не могла понять, в чем дело. А потом я отошла от испуга. Слышно было еще выстрелы. Когда я подошла, получился четвертый выстрел. И женщина упала.

Я все из окошка видела. У меня есть бинокль. Я смотрела в бинокль. Она кричала в сторону подвала, сразу выстрелили, ей попали сразу в руку, но она упала и встала. Я отошла от окна, сразу не понять было, а потом опять подошла, и выстрел четвертый, и она упала.

Именно с 12-го дома, где украинские военные сидели. Другие люди услышали этот крик. Они пошли возмутиться. Пошел Саша. Я не знаю этого мужчину. Мужчина с 10-го дома. Его называли Лепик. Они пошли возмутиться. Их тоже убили. Их тоже там застрелили.

И Саша, сосед с 10-го дома. Вот с 6-го подъезда. Он лежал возле пинг-понгового столика, там железный пинг-понговый столик. И он там лежал под ним.

Это всех украинцы убили. И ребята пошли. Юра и Денис. Денис пошел наискось как раз к этому подвалу, входу к подвалу. А Саша пошел смотреть эту женщину. А женщина через дорогу от подвала лежала. И он пошел, когда Юра наклонился над ней, в него с подвала выстрелили.

А Денис, когда подошел к мужчине, его не увидели, потому что он наискось подошел. Он сам говорил, что подошел наискось. И он увидел автомат, который с подвала высовывается, он говорит: «Я упал, с такой скоростью, что я от себя не ожидал».

Просто ему повезло, что он остался жив. И нам повезло, что мы остались живы, что к нам не зашли, как в 12-й дом, и не расстреляли всех людей там. И женщины многие, очень многие.

Лежали люди возле «Солнечного» магазина, на дороге, на перекрестке от магазина. Возле магазина «Валентина» тоже лежали мужчины, трое мужчин лежали».

Врадий Людмила Михайловна (67 лет), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Наша квартира осталась более-менее целой, и мы жили там с соседкой.

Соседка пошла гулять с собачкой, приходит и говорит, что в районе кладбища кричит мужчина: «Нас окружают», и выпустил автоматную очередь.

Она прибежала домой, а минут через сорок к нам кто-то ломился в дверь. Стукнули два раза, что-то там крикнули,

мы не разобрали, и стали стрелять по подъезду. Гильзы по всему подъезду валялись.

Наутро мы пошли, не подумавши, гулять с собаками. Возле шестого подъезда увидели труп мужчины. Гражданского. Она — медик, она наклонилась, ещё потрогала пульс, говорит: «Мёртвый». Потом возле Щорса, 10 на крыльце, возле второго подъезда, лежал мужчина. Но видно было, что возле него кровь. Гражданский.

Потом мы пошли на нашу аллейку по Щорса. Там лежал мертвый мужчина, а возле него лежал инструмент — пила, топор. Тоже был убит в голову. Она — медик, она говорит: «В голову». Кровь возле него.

Здесь у нас магазин торговал до последнего. Мы пошли туда к магазину очередь занять. А там ещё два трупа. Тоже гражданские. Лежал он на спине. А второй лежал с выстрелом в голову. Потому что всё лицо было в крови. Возле него крови было много. И собаки здесь набежали. Мы взяли, целлофаном его накрыли. Оказывается, хорошо знакомый парень. Просто он в крови был весь, мы его не узнали.

Когда пришли во двор на Щорса, 10, то девчата сказали, что они видели, что это украинские военные. Россию мы тогда еще не видели. Вечер, шла соседка моя с 48-й квартиры до своих друзей, так как разрушился дом, она там жила у них. И ее украинские военные застрелили во дворе 10-го, дома. И она лежала там, и ее собаки сгрызли. 22 вечером.

В 19-м доме (ул. Щорса) многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали. Там одна знакомая шла домой на 4-й этаж, и её на 3-м этаже застрелили, поднялись, и ещё там соседку застрелили, Лену. Я фамилии их не знаю. На 3-м застрелили Галю, а на 5-м Лену.

Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один

этаж. Люди видели это. Её застрелили украинцы. Которые не открыли им, забаррикадировались, и остались живы. Они видели, что это украинские военные убили».

Мишихин Игорь Алексеевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Мы были в подвале. Ночью, мы слышали, стрельба была. Утром мы проснулись, я вышел на улицу и сразу увидел напротив у соседей два трупа. Велосипеды лежали и два трупа возле калитки.

Дальше, потом я в дом зашёл, чуть-чуть посмотрел. Я уже понял, что что-то, наверное, тут нечисто. Потом я зашёл в дом. Я думал, может, они ушли. Но когда глянул, увидел, что лежат налобные фонари. Они бы без фонарей не ушли. Потому что городского света у нас уже давно нету. Дальше я не стал заходить.

А потом еще ниже там девчата живут — мамка и две дочки. Они нам сказали, что в яме лежат сын с отцом, Копыловы. Отцу 55, а сыну 20 с чем-то.

А еще в доме напротив — семья Коровко. Отец — Серега, Сергей Коровко, жена Наташка и сын Александр. Ему тоже двадцать с чем-то, он был умственно отсталый.

По Фурманова еще два тела — Миша и Витаха. Они, по-моему, двоюродные братья. Еще убили двух мне неизвестных на велосипедах. Три человека там, два там, там и там — девять человек.

Нам повезло. Мы остались живы. Я уже тут насмотрелся. На Свердлова ходили, там капец. Там уже собаки доедают тела.

У меня друзья жили на Свердлова, я через огороды шел, и там тоже гражданский лежит. Кто он такой, я не знаю».

Бородинова Наталья Николаевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«25-го числа в доме напротив по улице Победы, Перимога, бывшей Ленина, зашли ВСУ в дом частный. Там жила Оля. Ее с матерью 85-летней посадили в подвал и держали в подвале. Они у них расспрашивали о том, кто рядом там живёт. Потом — приказ, как они, видно, разговаривали с командиром, спросили, что с этими, он сказал: «В яму». Их посадили в яму, они сидели в яме, но потом всё-таки выпустили их.

У соседа из соседнего дома расстреляли семью из пяти человек. А ему удалось убежать, он вышел в это время. А потом через несколько дней пошел, трупы были сожжены. И похоронили моих во дворе. В общем, останки, вот это вот все. Украинские военные убивали мирных жителей чтобы запугать нас, наверное. Цель какая еще? Запугивание».

Смирнов Александр Николаевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«В доме на Кучуринской моя одноклассница с мужем и сыном были убиты при отступлении украинцами. Я жил недалеко. Лежит там моя одноклассница, 49 лет, мужик

около 50 и сын около 30 лет. Убиты выстрелами в голову, в ухо.

Рядом напротив в доме лежат мой знакомый и его брат. Тоже мертвые, тоже убитые. На Солнечном тут тоже. Пошел товарищ звонить. Другой дом уже, как девятиэтажный. Он в пятиэтажном живет. И его тоже там убили. Числа 22 октября. Когда еще украинские войска здесь были. И еще у меня друг тоже убитый. Тоже лежит возле подъезда, возле отца, возле дома. Возле подъезда прямо. Тоже в голову застрелен. Украинские войска. Напротив 89-го по Кучуринской убиты мой друг и его брат. Другу 47 где-то было. Тоже убиты в голову. Это все украинцы в одно время».

Иванова Ольга-Роксолана Романовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«На Украине насильно заставляли выезжать с детьми. К моим знакомым, они проживали в посёлке Вишнёвое, приехала группа эвакуации вместе с полицией. Их уведомили, что статья уголовная. Поэтому, мол, давайте, собирайтесь быстренько, у вас есть 15 минут и поехали на эвакуацию. Они сели в машину и сказали: «Мы сами на своём транспорте эвакуируемся отсюда. Помахали им ручкой и уехали. И приехали сюда», в Селидово. Знакомые оставили ключ от квартиры, они в ней проживали. Они прятались с ребёнком, они не хотели покидать город.

Украинский ТЦК мужчин забирал. Когда еще работал супермаркет АТБ, в центре города, напротив площади Лени-

на, стоял автобус, хватали просто мужчин. Проходят люди мимо, в магазин, не в магазин, говорят: «Пойдёмте», — и всё. «Давайте документики», документики забрали — всё, идите служить. Много кого забрали. В основном остались инвалиды.

Знаю случай в Михайловке. Женщина со своим мужем помогали украинским солдатам, кормили их, приглашали к себе, и в результате, не знаю, надругались над ней или нет, но семью убили. Где-то летом 22-го года. Застрелили.

Украинские власти плохо относились к жителям города. Последний мэр города совершенно скотски относился к людям. Не рассматривал никакие просьбы, посылал людей, стариков.

У кого есть лежачие родственники, там в основном обращались люди за памперсами, за какими-то медикаментами, потому что денег на это нужно очень много. Если человек лежачий, это в день два-три памперса в любом случае уходит у людей. И кому-то нужны медикаменты дорогостоящие, либо помощь какая-то гуманитарная. Во всём этом было отказано.

Много кто говорил, что он не принимает, не хочет или прячется, не знаю, просто не хочет встречаться с людьми. Когда он был на посту мэра, он сложил свои полномочия, а перед этим, буквально или за несколько часов, или за день до этого он отчитался, что в городе Селидово все выехали, все эвакуировались. Нет никого. Поэтому нужно отключить электричество и воду. Хотя в городе оставалось порядка тысяч пяти жителей еще.

Уже после этого некоторые люди стали еще из эвакуации возвращаться. Потому что очень дорого снимать жилье. Жилье в большом городе стоит не меньше 10 тысяч за месяц за квартиру, плюс еще коммунальные услуги. Это все в гривнах, разумеется. Это сумма большая. Если, допустим, зарплата у мужчины 20—25 тысяч. То есть сами понимаете, что это 10 тысяч отдать за квартиру. И плюс еще комму-

нальные услуги, наверное, около 3—4 тысяч. Что остается на месяц? Для большого города — это маленькие деньги.

Но мэр отчитался, что в городе нет никого. А люди возвращались все равно сюда. Возвращались в свою квартиру. Пенсионеры, у которых пенсия 2—3 тысячи, им некуда идти, некуда податься».

Шульгина Оксана Олеговна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Женщина в девятиэтажке, ей больше 70 лет, пошла квартиру проведать. 25 или 26 числа октября. И ее просто расстреляли. Нашли ее на диване расстрелянной, мертвой. Ее украинские военные расстреляли.

ВСУ с 22 года город обстреливали, когда русских войск еще не было. У нас девятиэтажка через площадь, туда самолет в 23-м летом ударил, и двух этажей — как и не было. Украинский самолет. Все видели, что на самолете были украинские флаги, символика украинская. У нас на колонке мы собирались за водой, городские власти подключали нам воду. Мы ходили на колонки. Брали воду, и где-то в середине октября этого года был прилет, и осколками ранило с Волновахи переселенца. Потом он умер. Был именно украинский обстрел.

ВСУ грабежами или мародерством занимались. Почта постоянно переполнена была. Везли все, что могли, все, что отнимали у людей. Я лежала в больнице с женщиной, она была с Авдеевки. Так она говорила, что даже омылки, кусочки бумаги туалетной — все у них отбирали. Даже, извините, нижнее белье женское нестиранное. Она говорит

украинскому солдату: «Это мое белье нестиранное, отдайте». Он говорит: «Ничего, жиночка постирает и в секонд сдаст». Вот это вот она сама рассказывала, бедная девочка.

Мою маму просто убили прикладом в челюсть. Она приходила 25 октября к нам домой, приносила воду, потому что у нас не было колонки, воды не было питьевой, а у мамы был колодец. Она приносила нам воду, чтобы мы не остались без воды. 25-го последний раз я ее видела. Потом начались обстрелы, очень опасно было. Когда она шла, опасно, я еще ей говорю: «Не приходи хотя бы недельку-две». А маму убили прикладом в челюсть.

Да, просто прикладом ударили, и всё. Синяк там был. Я подошла, она как живая лежит, у неё пальцы на руках посиневшие. Я повернула ее, слева на подбородке, на челюсти, были синяки от приклада. Убили ее дома, город Селидово, улица Береговая, 245. Лежала во дворе, подпирая калитку ногами».

Равинская Наталья Александровна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«В 12-м доме по Щорса засел снайпер и расстреливал мирных. Направо и налево. Украинский снайпер или их наемник, мы не знаем. Очень много наших друзей погибло во дворе. Кто-то хотел выйти прикрыть тела. Думали, что он уже ушел. Накрывали тела и... ложились рядом. Кто-то бежал за помощью на обратной стороне. Тоже убили.

Конечно, мы были в шоке. А потом мы узнаем за 19-й дом, что ВСУ заходили, взламывали квартиры, рас-

стреливали в упор. Слышали грузинскую речь, которые бегали по домам, кричали: «Где есть тут мирные люди, выходите», якобы предлагая помощь.

А на самом деле убивали. Потом мы узнаем, что чуть дальше, на Кучуринской улице, убита вся семья. Чудом остался жив один человек. Пять человек убиты.

Он вышел, это частный сектор, свой дом, свои дома. Он вышел вечером в туалет, и тут заходят украинские военные. Выстроили в ряд — жена, сын, дедушка и внук. Всех расстреляли, а он убежал. Три дня он прятался, потом прибежал к нам сюда, на Солнечный, и понимает, что здесь тоже беда. Потом он возвращается туда, а ВСУ еще и сожгли тела. Но потому как он видел, как они стояли, он их собрал в пакеты, поподписывал и похоронил в одну могилу. И много таких вот...».

Панченко Владимир Валерьянович, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Когда наступали солдаты ВСУ и они отходили по улице Михайловской, что всех, кто был возле «Солнечного» магазина, начали расстреливать. Люди начали прятаться по подъездам. И ВСУ забегали в подъезды и там добивали всех. Они поднимались с первого по пятый этаж, стучали в двери, кто открывал, тех и били. Один мой знакомый притаился и, когда уже стихло, вышел. Он рассказывал, что была украинская речь, а еще слышалась французская речь.

ВСУ зашли к 12-му дому и выгнали тех, кто был в подвальном помещении. Парень что-то возмутился, его рас-

стреляли. А рядом стояла его мать. Она начала кричать, и мужчины с дома напротив начали подниматься.

Саша начал тоже возмущаться. Его расстреляли. Люди побежали к дому, те, кто успел, забежали в подъезд. А кто не успел, тех расстреляли прямо возле подъезда. У 10-го дома, Щорса, 10. Я не знаю, что такое фашизм. В то время я еще не родился. Но что такое украинский нацизм, я уже насмотрелся. Это десятки убитых моих знакомых ни за что. Это просто мирные люди».

Прилипко Наталья Викторовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Мы находились на Кучуринской, 64 в своем доме. Украинские военные при отступлении соседей наших расстреляли — мужа, жену, сына. Попривязывали в доме.

На стульях они сидят в доме, привязанные. Им в голову стреляли. На улице еще валяются. Игорь сказал, что Наташа с мужем и с сыном расстреляны. Сыну примерно 30 с чем-то. Но он больной был, я не знаю, какой у него диагноз, но у него мышление 10-летнего ребенка. Он такой безобидный. Через дорогу тоже наших знакомых убили. Мишу с братом тоже застрелили. Они лежат сейчас во дворе до сих пор. Это именно украинские военные застрелили. Это было 22 октября. Сашиного знакомого тоже убили на 11-м квартале, где вторая школа, у нас тоже общежитие. Тоже убили прямо в голову. Мой муж лично видел. Знакомый до сих пор лежит на улице. Это тоже украинские военные сделали».

Андрей Иванович (73 года), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Украинские военные вели себя, как агрессоры. Они просто нас ненавидели. Мы — сепаратисты для них. Мы — не люди. Когда были бои еще только за Авдеевку, ВСУ уже начали молотить по Селидово. По городу, по домам, по всему, все садики и школы расстреляли.

Люди много говорили о мародерстве ВСУ. Я видел, как машины, груженные металлическими воротами, холодильниками, стиральными машинами, увозили их. Мирных они убивали жителей, кто-то пропадал, исчезали люди. Пошел там или жаловаться, или что-то там — и с концами. Разговоры были, что исчезают люди. Была, был — и нет. И молодых парней еще ловили. А потом находили, говорят, закопанными».

Мизев Александр Игнатьевич (65 лет), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Украинские войска убили моих знакомых — Романенко, убили и спалили их. И когда выходила их диверсионно-разведывательная группа, убили моих соседей. Соседи — это Запорожец Александр и Валера Лешенко, мой одноклассник. Это было 27 октября. Застрелили. Мы их похоронили здесь у нас, дома. Вот могила моего соседа Александра. А там мой одноклассник Ляшенко лежит.

Я вспоминаю, с 2022 года ВСУ остановят на блокпостах. Я работал в шахте «Россия». Сейчас они ее переименовали в Котлеровская. Остановят и начинают национальность спрашивать. Я говорю: «Национальность — русский». Они говорят, что нельзя так говорить. Говорю: «А как надо говорить?» — украинец российского происхождения».

Ниделько Владимир Тарасович (70 лет), город Селидово (Донецкая Народная Республика)

«Перед приходом российских войск, примерно за две недели, пришли четверо военных украинских. Я думал, они паспорта проверять. Они спросили: «Кто ты?» Я сказал, что я — военнослужащий на пенсии. Один против четырех — я же не мушкетер, шпаги нет. Меня избили. Два зуба и два дивана в крови».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСУ В ГОРОДЕ КУРАХОВО (Донецкая Народная Республика)

После бегства вооруженных сил Украины из г. Курахово Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов проведен опрос мирных жителей.

Горожане вспоминают, как с 2014 года разворачивался украинский террор против русскоязычного населения.

Денис Довгоброд рассказывает, как жители страдали от украинских неонацистских образований: «Это был 2014—2015 годы. Тогда у нас были украинские Днепр-1, Киев-1, Азов, Айдар. По городу люди с работы шли, их останавливали и мордой в пол. Если кто-то начинал что-то возмущаться, его забирали, вывозили, избивали...

У меня друг с дочкой шел, дочку с садика забирал: машина, вылезли трое, под руки его, он говорит, что с дочкой. А они: «Она уже взрослая, сама дойдет до дома». Ей пять, шесть, наверное, было, она в садик ещё ходила. А его в машину вкинули и увезли. Ну, его избили, часа через три он домой еле живой дополз».

В соответствии с практикой киевского режима преступления со стороны украинских военных по отношению к горожанам были абсолютно безнаказанны.

Владимир Ковтун рассказывает: «В 2022 году я ехал на легковой машине... мою машину сбили украинским танком. Но машина живая не осталась, и меня поуродовали.

Я потерял палец, разбили ключицу, шрам у меня... Но украинская полиция все сделала против меня, что я сделал диверсию и, как бы, что я наехал на танк. И за это хотели еще дать мне два года тюрьмы. 800 килограмм «Жигули» и 60 тонн танк, ну, какая диверсия может быть? Экипажу танка ничего не было».

Так же, как и в других населенных пунктах под контролем Украины, украинские военнослужащие в 2024—2025 гг. убивали мирное русскоязычное население как с помощью стрелкового оружия, так и с помощью ударов дронами.

Вера Лечная рассказывает об убийстве ее детей: «...дверь открыли, а дети на полу были расстреляны... Парень подходил, рассказал, что украинцы ехали и с танков эти падлы всех расстреляли... Дочь так ждала русских, мы с ней даже флаг пошили в 2020 году».

Жительница города Курахово Марина Грицай рассказывает, как ее сын умер у нее на руках, застреленный снайпером ВСУ: «И тут украинский снайпер. Пуля в щеку попала и вышла в шее и с правой стороны в ребра, в легкие и вышла на спине... Сын умирал у меня на руках час. Он долго умирал и истекал кровью. У моей знакомой, она живет на Энгельса, украинский дрон прилетел, и вся семья убита — четыре человека».

Александр Мачула свидетельствует, как в его доме военнослужащие ВСУ убили инвалида третьей группы: «На первом этаже нашего дома жил инвалид третьей группы, Самохвал Николай Иванович, 57 лет. Пришла группа поддержки ВСУ и убили его... Я так понимаю, что это был удар прикладом автомата».

Владимир Ковтун рассказывает, как украинцы застрелили его соседа, а ему прострелили руки: «Пришел к нам Битнер Андрей... Украинский военный расстрелял его документы и прострелил мне два раза руку... Потеря крови была большая. А украинские военные застрелили Андрея».

Военнослужащие ВСУ стреляли по жительнице города Наталье Андреевской: «...мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома стреляли... Подруга побежала под дом, и ногу ей пулей ранило».

Особенно много жителей города было убито и ранено ударами украинских дронов, при этом использовались как сбросы разнообразных взрывчатых устройств, так и удары дронов-камикадзе.

Виктор Мезенцев рассказывает о трагической судьбе семьи Матюхиных: «Сын соседей Сергей мне рассказал, как его отец Леонид поднялся на чердак, и сбросили с украинского дрона бомбу или гранату.

Его ранило, и в скором времени он скончался... Жена Леонида лежала, неходящая она была, инсульт, и он за ней ухаживал. Она от этого пережитого всего скончалась через неделю. А сын тоже в скором времени, тоже сбросили на него с дрона здесь по соседству... Всю семью во дворе похоронили, всех троих — семья Матюхиных».

Анатолий Гаевой рассказывает об украинской атаке на его жену, которая в результате этой атаки была ранена, а ее соседка убита: «От украинских военных одни страдания... Супругу мою ранили. Ну, был сброс с украинского дрона... Говорю: «А Оля-то, соседка, как?» Я пошел, а она уже отходила».

Алекандр Вовк рассказывает, как украинцы убивали жителей города с помощью дронов: «Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим. Света у нас нет. Воды у нас нет. Жарим, варим... Зависает дрон, сбрасывает... Я думаю, мы же пенсионеры, зачем пенсионеров убивать?.. На улице Чапаева там столько раненых и убитых людей».

В нарушение Женевских конвенций вооруженные силы Украины также обстреливали храмы, дома мирных жителей, инфраструктуру обеспечения населения, места скопления

людей. При этом украинские военные не скрывали своей ненависти к православию и стремления к уничтожению православных храмов.

Любовь Фурсова свидетельствует: «С украинским военным разговаривали за храм. Я говорю: «А вы видели, какой у нас храм красивый?» А он говорит: «А он украинский?»

Я говорю: «Нет, он российский». Он говорит: «А тогда его надо взорвать». И нецензурными словами».

Отец Иоанн Карпенко рассказывает, как в соответствии со своими ненавистническими взглядами ВСУ уничтожали православный храм: «Сейчас купола побитые с западной стороны, т.е. украинцы обстреливали церковь. Вы видели, я думаю, отверстие в стене. Говорят, танк бил...

В конце ноября сбросом ранило отца и еще одного парня, которые вместе на велосипеде ехали, причащали уже умирающую женщину. Отцу две ноги и две руки повредило... очень много дронов было. А с украинских дронов сбрасывали, там три могилы есть возле храма».

Людмила Андреева была ранена во время украинского обстрела больницы города, а ТЭЦ постоянно подвергалась этим ударам: «6 января 2023 года была на рабочем месте, я работаю в хирургическом отделении Кураковской городской больницы.

Был минометный обстрел, и я получила ранение осколочное. У меня ранение легкого, желудка, пищевода и селезенки, которые удалили... и по станции, мне кажется, тоже для того били, чтобы мы три года сидели без отопления».

Игорь Иванов рассказывает, что постоянным украинским ударам подвергались источники воды: «Украинские солдаты колонку с водой качественно обстреливали. Прилеты были и возле дома, и вот по дороге. Были ранения у людей. Такую же колонку на нижней улице уничтожил украинский миномет».

Жители города прямо рассказывают о том, что военнослужащие ВСУ точно знали о намечавшихся украинских обстрелах. Наличие прессы в населенном пункте также было общеизвестным знаком потенциального обстрела.

Елена Грицай свидетельствует: «В магазине было: мы работаем, пробегает украинский военный, ну, вот эти ТЦКшники: «Девочки, спрячьтесь, пожалуйста». Ну, где мы прятались? Мы в туалет ходили. Он говорит: «Спрячьтесь, пожалуйста, будет обстрел» и «как пресса в городе, значит ждем обстрел».

Иван Коростылев рассказывает о том, что украинская пресса заранее знала об обстрелах: «В дом прилетело 3 марта 2024 года. Лермонтова, 13. А супруга недалеко работает в «Колбас-маркет». Она через пять минут бежит посмотреть, что там, а репортеры снимают. Люди рассказывают, что они за углом стояли, ждали этого взрыва. Украинские... Если ты через три минуты приехал, откуда бы ты знал, что больше не прилетит? Это мы бежим, что дом нам надо посмотреть. А ты же пришел и снимаешь. Значит, ты знал, что больше не прилетит и что именно сюда прилетит».

Многие из жителей города также открыто говорят о том, что о будущих украинских обстрелах знали и руководители города.

Татьяна Андреева рассказывает: «По слухам, существовал чат для избранных мира сего, и там сообщалось, где, в какой области города будет обстрел... И, естественно, в этих областях города на тот момент не было ни одного украинского солдата и ни одного из верхушки города».

Сергей Андреев подчеркивает, что источник обстрелов был прекрасно известен жителям города: «Знакомые возвращались уже в комендантский час домой и видели, что украинское подразделение стояло возле танка, а ко-

мандир давал им задачу. Три выстрела по городу, два по Кураховской ТЭС».

Житель города Александр Мачула рассказывает, как ВСУ не выпускали жителей из дома и прикрывались ими: «Они пришли 19 декабря 2024-го, где-то примерно в районе 12 часов дня, и нас закрыли снаружи на ключ. Прикрывались нами как щитом. Это я утверждаю. Я им сказал: «Что же вы творите, ребята? Так же нельзя»... А украинцы нас закрыли. Трое суток вообще не выпускали нас абсолютно никуда».

Многие из украинских военных прямо говорили мирным жителям, что в случае отхода «камня на камне не оставят» от города.

Виктор Грицай рассказывает об их методах: «Меня украинские военные схватили... Сказали: «Сейчас отвезем на элеватор, за ноги подвесим, все скажешь». Ну, как бы по ребрам не надавали, вроде как обошлось. Заходят к нам, все синие, в наколках, чубатые.

Заходит один и говорит: «Будем уходить, камень на камне не оставим». Прямо прямым текстом. Никакого смущения. И гранаты людям бросали в отдушник».

Так же как и в других населенных пунктах, киевский режим убивал мирных граждан при попытке эвакуации в сторону освобожденных Россией территорий.

Виталий Колесник свидетельствует: «Люди ночью хотели в безопасное место перебежать — в село Красное. Они рассказывали, что их порасстреливали, дронами поразбивали, то есть людей уничтожили. Они в сторону Донецка, то есть к российским войскам, шли... Получается, эти враги нацистские — украинские военные обстреливали их, не давали им добежать».

Украинские военнослужащие не скрывали своей ненависти к русскоязычным горожанам и прямо говорили, что готовы их убивать.

Любовь Фурсова вспоминает: «Я один раз зашла в магазин, и стоит украинский военный... А украинский военный: «Я с Киева, я приехал вас убивать». Я говорю: «Господи, кого убивать?» А он: «Вас, усих, всех».

Светлана Черныш вспоминает о поведении украинского военного с позывным «Малибу»: «Он видел, слышал, что я по-русски разговаривала и меня ненавидел. Он прямо мне говорил: «Чтоб вы повыздыхали». Ну, и такие нехорошие, нецензурные слова. И плевал в мою сторону».

Жительница города Марина Грицай рассуждает о природе ненависти украинских военнослужащих к русским: «Они спрашивали, почему мы не выезжаем. А раз мы не выезжаем, значит, мы русский мир ждем, значит, мы ждуны, сепары, и нас тут убить пора. Прямым текстом так и говорили».

Житель города Игорь Чумак приводит конкретный случай атаки украинского дрона и прямо говорит о том, что украинцы хотят нанести максимальный урон жителям: «Украинские войска хотят максимальный урон нанести местным жителям, которые здесь остались. Они считают, остались здесь ждуны, значит, ждут русский мир. Вот скорее всего именно поэтому, чтобы максимально навредить местному населению».

Александр Мачула свидетельствует: «Они прямо открыто ненависть свою показывают. Бьют по мирным, чтобы мы меньше рассказывали о том, что они творили. Украинские военные считали, что тех, кто остался здесь, это уже сепаратисты, это уже не Украина. Говорили нам: «Вы что, ждете трехколеровых? Трехцветных ждете? Русскую армию?»

Представленные ниже свидетельские показания пострадавших и очевидцев в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах русскоязычных жителей города Курахово, включая женщин

и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов — как с использованием дронов-камикадзе, так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не имеющими срока давности. Данные преступления совершались в период, когда город находился под полным контролем Украины.

Грицай Марина Семеновна, город Курахово (Донецкая Народная Республика

«23 декабря 2024 года, примерно в 12, может быть, полпервого, днем у нас под окном взорвался украинский дрон, выбило окна.

Сын подскочил, подошел к окну, посмотреть, как можно удобнее забить окна, потому что зима, буржуйка. И тут украинский снайпер.

Пуля в щеку ему попала и вышла в шее и с правой стороны в ребра, в легкие и вышла на спине. Я так понимаю, пуля еще прошла через позвоночник и спинной мозг, потому на воротнике были и остатки кости, и как мозг спинной. Было два выстрела. Но мы сами выстрелы не слышали.

Мы находились в этой же квартире, в коридоре. И вот он, к несчастью, поспешил к окну. Сын умирал у меня на руках час. Он долго умирал и истекал кровью. Белошапка Марк Сергеевич, 31 год, 19 апреля 1993 года рождения.

Три года он прятался от военкомата, не выходил из квартиры, чтобы не призвали, потому что мы категорически против Украины, мы только за Советский Союз и Россию. Категорически против Украины.

У моей знакомой, она живет на Энгельса, украинский дрон прилетел. Частные дома, во двор прилетел, и вся семья убита — четыре человека. Украинский дрон, и погибла вся семья. И перед этим убили сотрудницу нашу. Как раз тоже напротив того же дома. Тоже дрон.

А по адресу Южный, д. 1 в подвале жила семья, муж, жена и мать. ВСУ подперли дверь в подвале, и люди не могли выйти. И там был пожар. Люди чуть не сгорели, уже задыхались. Подперли дверь украинцы, прикрывались ими. Просто они вот такие люди, или, может быть, не люди вовсе, потому что прикрываться людьми в подвале...

Они спрашивали, почему мы не выезжаем. А раз мы не выезжаем, значит, мы русский мир ждем, значит, мы ждуны, сепары, и нас тут убить пора. Прямым текстом так и говорили.

Поэтому мы старались очень аккуратно везде общаться, лишний раз рот не открывать. Я поэтому старалась с ними как можно меньше контактировать и вообще старалась, если можно, просто не общаться, отойти на другую сторону улицы, потому что я боялась, что спросят, где мой сын.

Вы знаете, я не знаю, откуда у украинцев такая ненависть. Я не понимаю. Я родилась и выросла в Советском Союзе. У нас никто не спрашивал, какая национальность и какое вероисповедание. У нас в институте учились и негры из Африки, и арабы, и мусульмане, и евреи, кто хочешь. Это просто было все равно.

Мы все — люди. Почему здесь такая ненависть? Я лично понять не могу. Я не могу предположить, почему к нам такая ненависть.

Честно говоря, когда я мимо украинских солдат проходила по улице, я задерживала дыхание. Мне противно было с ними дышать одним воздухом, я старалась, когда иду мимо, даже не дышать. Пройду и потом уже вдыхаю».

Андреева Татьяна Сергеевна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Украинская власть относилась к нам плохо. Мои знакомые жили в квартире в микрорайоне Южный. Когда были обстрелы в 2023 году, они прятались в подвальных помещениях, в подвалах высотных домов. Обстрелы, естественно, были со стороны украинских войск, потому что россиян здесь не было и поблизости. Но когда ВСУ решили, что там им будет безопаснее, мирных жителей начали выгонять под дулом автоматов. Украинским обстрелом была убита директор Кураховского лицея «Престиж» Инна Владимировна Паренцева. Она погибла 21 сентября, когда был массированный обстрел города. Россияне ещё находились в районе Марьинки, может быть, даже дальше. И взрывной волной вырвало оконное перекрытие, оконную раму, и этим окном убило её. Первыми её нашли почему-то мэр города с «Белыми ангелами», они первые почему-то прибыли на место происшествия. Они знали, что будет обстрел. И было очень интересно, откуда они об этом узнали. И приехали именно по месту.

По слухам, существовал чат для избранных мира сего, и там сообщалось, где, в какой области города будет обстрел, и где будут прилеты. И, естественно, в этих областях города

на тот момент не было ни одного украинского солдата и ни одного из верхушки города. За десять минут до обстрела мои знакомые, которые проживают в домах, возле которых были прилёты, слышали, как украинские военные убегали от этих мест подальше. То есть они экстренно эвакуировались. И в местах прилетов ни одного украинского солдата не пострадало от украинских обстрелов».

Андреев Сергей Константинович (70 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Когда начинались украинские обстрелы, мы, конечно, очень страдали от этого. Были многие ранены, были убиты.

Знакомые возвращались уже в комендантский час домой и видели, что украинское подразделение стояло возле танка, а командир давал им задачу. Три выстрела по городу, два по Кураховской ТЭС.

Наши работники ТЭС старались всячески дать тепло в город, электричество. А украинцы препятствовали.

Наш мэр по фамилии Падун работал на ТЭЦ и знал, куда можно направить обстрел миномета, где будет самое болезненное попадание, чтобы более длительное время было восстанавливаться.

И украинские военные поэтому четко стреляли по трансформаторной подстанции. Как только труба у ТЭЦ задымила, начинается обстрел. Это первый признак того, что люди восстановили работоспособность ТЭЦ и начали запускать агрегаты для того, чтобы дать тепло и электричество.

Мэр Падун знал, куда нужно попасть. И по слухам, даже давал указания директору, у нас как раз в этот период сменилось несколько директоров ТЭС, чтобы прекратили подачу тепла, законсервировал оборудование и эвакуировал всех рабочих.

И много было во время обстрелов завалов, люди там оставались под этими завалами. И ранений много было, и осколочных ранений.

Таким же образом пострадал директор лицея нашего. Был прилет, и как раз она находилась у себя дома. И на кухне взрывной волной вырвало часть окна и этой частью её убило.

Как только происходил обстрел, то никто из украинских военных почему-то не страдал. Они заранее были предупреждены, а страдали только мирные люди.

Много ранений было. На день рождения младшей дочери был прилёт рядом здесь. Убило женщину и тяжело ранило вторую

Просто сидели люди на лавочке. Украинский обстрел.

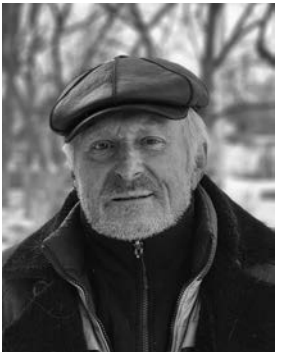
А потом уже здесь начали дроны, дронов было столько, что, казалось, что пчелиный рой. И настолько было все это шумно, и они сами падали, взрывались и сбрасывали. И вот наша квартира пострадала. Это так называемый дрон «Баба-Яга».

У нас пятый этаж, в квартире потолка в общем-то в одной комнате нет. Украинский дрон «Баба-Яга» — это один из крупных. А мы научились уже как-то прятаться все время.

Сюда к нам в подвал украинские войска не дошли, а в соседнем доме были и даже брали людей в заложники. Люди сидели в подвале, они их выгоняли на первый, второй этаж, чтобы ими прикрываться.

Это я слышал из разговоров со своим знакомым, который в том подвале был».

Вовк Александр Иванович (75 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)



«Школа была одним из центральных мест, где выдавали гуманитарку. Там сбивалось столько народа. И, что и самое интересное, давали гуманитарку, давали, потом резко вывезли все и на следующий день прилет. Вот что удивило всех в этом городе. Как это так? Все знали, значит, получается. Все были подготовлены. Это всех поразило. Давали почти полгорода, собирались люди, получали гуманитарку и буквально на следующий день резко вывезли. Ну, так же не бывает по логике вещей. Вот то, что это было в сентябре. А потом еще один прилет был окончательный. Направление стрельбы было направление со стороны украинцев.

Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим. Света у нас нет. Воды у нас нет. Жарим, варим. Короче, надо было выживать. Зависает дрон, сбрасывает. В шоке все. Ну, пенсионеры собрались, и прямо вот сюда вот сбросил, вот три метра отсюда. Висит дрон над нами, и я думаю, мы же пенсионеры, зачем пенсионеров убивать? Они же платили всю жизнь налоги. Проходит буквально три недели, мы как-то успокоились, и прилетает еще один. Сюда еще один прилет был. Посекло тут всех. Просто чудо, что мы еще живы. Поранило осколками украинских дронов людей.

Мы уже научились, какой звук; если он груженый идет, он воет, ему тяжело везти этот груз. Где-то сбросил, потом пролетел. Видно, как работает. Мы уже научились по звуку, по направлению. Как-то научились. Война всему

научит. Но самое страшное у нас был другой прилет. Это вообще шок был. Тут весь дом с ума сходил, весь квартал. Поставили миномет, дрон зависает и начинает шмонать по городу. Вот прилет, пожалуйста. Украинская мина пролетела, вы видите по деревьям, она посекла все здесь, посекла все деревья, посекла сарайчики эти.

А миномет они ставили на погребах вот здесь, за этим вот домом. И вот дрон висит и команды дает, и тут мочат по нам. Зачем пенсионера убивать? Вот до сих пор я не могу понять. Осколки вы видите на стенах. Вот они стены, посеченные все. И вы видите, все окна повылетали из всего этого подъезда.

Сидит с нами пенсионер с инсультом, он не ходит, с одной ногой. Толя пришел покурить тут, сидит, рассказывает новости. Я за мангалом тут готовлю.

Я говорю: «Толя, иди ко мне сюда, попробуй, подсолил или не подсолил этот самый борщ». На улице Чапаева там столько раненых и убитых людей».

Андреева Людмила Сергеевна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«6 января 2023 года была на рабочем месте, я работаю в хирургическом отделении Кураковской городской больницы. Был минометный обстрел, и я получила ранение осколочное. У меня ранение легкого, желудка, пищевода и селезенки, которые удалили.

Здесь российских войск не было. И минометы точно не добивали российские. У нас даже дети знали, что это украинские миномёты стреляют, и слышали свист мин.

Как мне сказали врачи, мне повезло, что я была в больнице, потому что если бы я была на улице, меня просто бы не довезли.

Украинцы стреляли, чтобы люди выезжали отсюда. Выгоняли просто людей отсюда. И по станции, мне кажется, тоже для этого били, чтобы мы три года сидели без отопления.

Говорили, что у верхушки власти был такой чат, в котором предупреждали, когда будут обстрелы.

Мэр города постоянно был за то, чтобы люди выезжали. Когда был обстрел и горело у нас общежитие, то люди повыскакивали, смотрели на то, как горят их квартиры. Мэр приехал и начал на них кричать матом, чтобы они убирались отсюда. Люди были вообще в шоке от того, как власть может так относиться к ним. Такими словами людей называть».

Глуханич Николай Васильевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«19 декабря 2024 года я выходил, высыпал мусор и по дороге хотел несколько еще дров в обломках дерева подобрать. И украинцы сбросили на меня дрон возле второго подъезда, где мусор в стороне, вот у нас за этим домом.

Во мне пять осколков. На виске, вот на руке сильно еще след остался, на бедре. Где висок, у меня тоже вот это хорошо видно. Если хотите, я вам вот сниму, покажу, как разорвало плечо.

Я в этом ватнике был, в этой телогрейке. Вот это оно разорвало. Оно так снизу вверх и шло. И вот в этот висок,

представляете, два сантиметра от глаза или сколько там. Порвало капюшон, порвало это, и все оно болезненно было. Еще вот это здесь в голени, в ноге. В общем, пять осколков. Такие они небольшие. Так стрельнули один раз. Я уже заскочил в подъезд, и потом второй раз, тот сброс был сильнее. То есть добивали.

А в другой раз перед этим ровнял двери, в этом подъезде я живу. И на звук я среагировал. Как дало, ну хорошо тоже сел в подъезд. По руке это самое, сильнейший, ну дробинкой какой-то. Сильнейший такой, как после удара. Очень-очень болезненное, такое оно все. Да.

Они знали, что гражданские живут, знали, что гражданские, видели, что мы старались здесь возле дома убирать, то есть наблюдали за нами очень хорошо. И били именно. Знали, что гражданские.

Передо мной пострадала семья Тереховых. Ну, они пошли за водой или за дровами, и сын сначала пошел, часов в девять утра. Мне кажется, он за водой ходил, тогда был морозец, это 15 декабря было, он не смог набрать. Мы в водосливе набирали воду, ближе было и безопаснее. А он, наверное, пошел на базу, там были запасы бутилированной воды. И потом мать ходит, его нету и нету, нету и нету, пошла искать.

Я на четвертом этаже живу, слышу, кричит: «Люди, помогите». И она ползет там, вот эта аллейка за банком, она ползет, перекатывается. Боже мой! Ушел, начал искать людей, там с того дома мужчина помог, и здесь один. Нашли покрывало, вытащили ее, потом смотрим, и Сергей, это сын ее, ползет. У нее было ранение в поясницу и, по-моему, в правое, ну как сказать, выше колена, как это сейчас называется? А у сына это самое, правая голень, открытый перелом. Открытый перелом страшный. Да, страшный, кость выскочила.

Она пошла искать его часа через два, через три. И они сами вот это ползли, перекатывались, то есть где-то пол-

километра они вот так добирались. Мы их протянули там 100—150 метров, то есть совсем немного. Ну, с переломом мы только наложили шины. Это декабрь месяц.

Дрон знал, что здесь живут только гражданские. Нехорошо, нехорошо. Украинцы добивали своих. Потом начали по дому стрелять же по нашему. Вот окна разбиты, только подлатал окна. Летело со стороны Дачного, там, где Украина стояла.

Достреляются они до того, что пролетел какой-то снаряд, такой, ну, не знаю, как он называется, у меня от него гильза осталась. Он влетел в комнату, разбил это самое, семь дырок сквозных в кухне, потом пробивал ванну, кладовку, потом в зал заскочил. И дырок 30 таких, где сквозные, а где не сквозные.

Возле храма один парень молодой пострадал. Он месяц лежал в подвале. Тоже под украинский дрон попал, ходил там или за водой, или там кормили людей в подвале храма. И он лежал месяц в подвале. Он в подвале жил и возле храма погиб, где-то он там и похоронен. Виктор его звали.

Другие на Энгельса жили, и какой-то у них конфликт с украинскими военными произошел. «Чего вы тут из города не уходите?». И их просто застрелили так. По-моему, пенсионеры, мужчина и женщина. Ну, может быть, предпенсионный такой небольшой. Именно украинские застрелили.

Жил один человек, тоже конфликт какой-то с украинскими военными произошел, ему кинули под ногу гранату. Фамилия Осипович, на Южном, так мне рассказывали. Ну, 45, может, такого года.

Я хотел на Рождество в храм попасть. Украинцы с дронов как зарядами, как минами по нам, с дронов высматривают, и как минами. Просто я не мог даже на Рождество в церковь сходить».

Грицай Елена Тимофеевна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Это было 3 марта 2024 года. Мы сидим с дочкой на работе, на магазине, делаем заказ. И тут все на нас падает, сыплется все. Мы ничего не поймем, что, взрыв непонятно где. Это было, где сейчас у нас магазин «Мандарин».

Вот дырка у меня, на лице вот тут шрам. И ногу пробило. Получается, где-то в районе 15-го дома, Лермонтова, где-то там произошел обстрел. Меня ранило, мне плохо, меня выводит дочка на улицу. Вы понимаете, блин, еще люди в себя не пришли, и тут уже корреспонденты. Пресса, написано по-ихнему — «пресса». Я бегом тикаю, говорю, не надо мне ваша пресса, мне без вас тошно. Ну, в общем, вот откуда они за две минуты появились? И я бегом, меня мужчина тоже увидел, знакомый, говорит: «Ой, Лен, ты раненая, давай тебя в скорую помощь. Отвели меня в скорую, в больнице обработали.

По магазину было, мы работаем, пробегает украинский военный, ну вот эти ТЦКшники: «Девочки, спрячьтесь, пожалуйста». Ну, где мы прятались? Мы в туалет ходили. Он говорит: «Спрячьтесь, пожалуйста, будет обстрел». Мы с девчатами заходим в этот туалет.

Знал уже естественно. Предупредил, чтобы мы спрятались. Только увидели наши — мэр вышел, сел в машину. Все, девочки, пресса, можно выходить. Уже все, уже обстрела нет.

Как только ГРЭС давала тепло, только увидели трубы дымят, и обязательно обстрел. Обязательно. И наш мэр матом уже на людей: «Выезжайте. Что вы сидите?» Людей куча сейчас стоит, он матом говорит: «Какого вы сидите

здесь? Быстро эвакуируйтесь, уезжайте». Ну вот. Ну, что я могу еще сказать?

Как пресса в городе, значит, ждем обстрел. Возле нас, мы работали в магазине, а внизу горсовет сидел. Как только пресса ждет, ждите обстрела. Не сейчас, так завтра с утра. Всё ясно всем жителям было, всё это понятно.

Мы говорили сразу, что никуда не поедетм. Никуда. Мы детей, внуков прятали. Дочка заранее написала, что мы выехали в Днепр. Дети учились хорошо, хотя бы по онлайн-обучению. И учителя задалбывали: «Вы почему не выходите на связь?» Мы знали, что Интернет скоро закончится. И дочка написала: «Мы в Днепре».

Тут у нас приехали, забрали детей целенаправленно. И полиция была, и военные. В городе много детей было. У одноклассницы дочки тоже. Вот у нас мальчик, девочка и там мальчик, девочка. И вот возраст там детей практически одинаковый. И они жили возле клуба, возле ДК. В квартире все время были и прятались. Им некуда в подвал было идти. Малосемейки. Бывало, сдавали люди, кто с детьми был.

Украинские военные всегда что-то с собой тянут. Из квартир везли все. А когда мы были с соседом, нам гранату они кинули. Это и по чатам, и везде по сайтам пошло, что мы уже погибли».

Грицай Виктор Николаевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Украинцы с дронов лупили. С 22-го года в город ложили. Похоже, с миномета. Выхода такие, и свистит, и сразу бьет. Дураку понятно.

Так вот, сидим на магазине, да? Начался обстрел. По городу лупят. Мы зашли, запрятались между стен. Звонят: «Все, пресса приехала, можно выходить». В таком плане. Для картинки, видно, лупили, потом снимали все это дело, повреждения.

А еще украинский снайпер парня вот этого, Марка, убил — пуля навылет. По женщине в ногу попало и с дрона украинского скинули. Возле нашего дома приехали, только выгружали или буржуйку привезла себе женщина. И тут сразу украинский дрон «гух», есть, попал. Сбросом. По мирным они стреляли потому, что сволота конченая.

Меня украинские военные схватили. Искали, выпить хотели, наверное. Искали, где взять. Сказали: «Сейчас отвезем на элеватор, за ноги подвесим, все скажешь». Ну, как бы по ребрам не надавали, вроде как обошлось.

Заходят к нам, все синие, в наколках, чубатые, короче, в таком плане. Заходит один и говорит: «Будем уходить, камень на камне не оставим». Прямо прямым текстом. Никакого смущения. И гранаты людям бросали в отдушник. Женщине прямо в квартиру туда кинули. Понимали же, что мирные живут. Это по микрорайону Южный, седьмой дом.

А когда русские войска заходили, открываю утром с подвала, стоит украинский военный. Ну, с оружием, полная экипировка, все, как положено. Гранаты, автомат, рожки. И говорит: «Спрячьте меня, спасите меня это, я пять дней ничего не ел». Ногой под задницу украинцы сами ему дали. Их там группами выкидывали по пять человек. Говорит: «Ты выйди, наших поискай. Ну, поищи наших. Украинцев. И скажи, что я тут, там туда-сюда». Я ему говорю: «Здрасьте, ты сидишь тут полностью в бронике, туда-сюда, а я тебе пойду искать ваших». Дали ему банку тушенки, кусок хлеба, говорю: «Иди, там ваши». Как раз влупили напротив дома. А он мне говорит: «Какие ваши?» Короче, еле, вытурили, он хотел переодеться.

Через сутки ночью шкребётся. Снова он. Говорит: «Я русских люблю, Ивановых, Петровых, я там в Одессе, я сам с Одессы» в таком плане. А я ему говорю: «Не-не-не, не надо, иди отсюда». Еле-еле вытворили».

Андреевская Наталья Николаевна (69 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«В конце декабря 2024 года мы с соседкой решили посмотреть, жива ли наша подруга, у неё сгорела квартира. И мы пошли посмотреть по светлому дню, и ничего не предвещало беды как бы. И на Южном, мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома стреляли. Мы дошли до конца пятого дома, и там как раз открывался с седьмого дома вид на нас. Мы приостановились, и тут началась стрельба с автомата. Мы без никого, мы шли вдвоем. Подруга моя из первого же дома, как и я, по Южному микрорайону.

Им можно просто было поверху пострелять, и мы бы уже испугались. Ну, две тетки, что ж. А они начали по ногам. Подруга побежала под дом, и там эти осколки начали летать по ней, и ногу ей пулей ранило. Вниз там, ну как-то мясо ей разрезали, а пуля вылетела. Холодно ж было, и она вот уже плюнула и сначала тоже идти начала. И мы вот тут быстренько, кровь бежит, быстро. Тут у нас медсестра в этом жила, в подвале, мы к ней.

А украинский снайпер у нас убил мальчика Марка. 30 лет было мальчику. Ждал Россию. Мы говорили: «Марк, поберегись, поберегись, рано выбегать». Жалко мальчика. А другого мужчину ранили, там ногу ему разбило. Тоже,

наверное, где-то в тот день, как и нас в конце декабря 24-го. По нему украинцы стреляли почти где и по на возле пятого дома, российских войск там не было ещё нигде».

Гаевой Анатолий Васильевич (75 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«От украинских военных одни страдания, честное слово. Ну, как вам объяснить? Ну, обращались с нами, как со зверем, как с животными. Супругу мою ранили. Ну, был сброс с украинского дрона. Там у него снаряды, я не знаю какие. И, короче, она вся в крови. Я ее повел в хату, положил, был ранен живот. Дырочка такая. А нога вправо вся посечена была от паха и сюда, до коленки. Ну, как вам объяснить? Ну, я потом выскочил. Говорю: «Оля, то соседка как-то? Может, она жива еще?» Жена говорит: «Сходи к ней, сходи». Я пошел, а она уже отходила. Холодно ей было. Ну, смерти искала, наверное».

Коростылев Иван Владимирович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«2 декабря 2024 года мы еще бегали заряжаться в ЖКО, телефоны заряжать, там еще связь какую-то ловили с родственниками. Уже украинские дроны летали, особо мы не ходили, а бегали, скажем, так. Выгля-

дываю из подъезда и вижу, а я живу во втором подъезде, и вижу седьмой подъезд, и там идет сосед. Оставалось в доме десять человек, а он как-то неуверенно падает на ногу, на бордюр присаживается. Обычно он энергичный, ну а тут такой, вижу, что-то слабый.

Мы с супругой были. Я ей говорю: «Побежали, что-то Вове плохо». Подбегаем к нему, на лавочку его садим, кровь. Он что-то стонет. Я сразу понимаю, что раз кровь, то ранение... А на следующем доме в подвале медсестра живет. Мы знаем, она раньше тоже ходила там, женщин перевязывала. Я побежал за медсестрой. Бегу, кричу, говорю: «Ранен, давайте перевязку».

Ему попали в грудь близко от сердца, и выход под левой рукой чуть-чуть к спине. У него легкое задето было. Мы расспрашиваем его, что случилось, как. Он рассказывает, что шел с ЖКО, то есть это по Лермонтова вверх. 2 декабря в 10 утра, улица Лермонтова, дом 11. Нагнулся за щепкой. Ну, по дороге собирают щепки. Ну, буржуйку топим. Нагнулся, и тут все. Только украинцы, естественно, могли стрелять. Русские войска мы увидели только через три дня.

Мы его выходили, медсестра прибежала, сделали перевязки, дали антибиотики. Мы его перенесли в его квартиру, положили возле буржуйки.

Мы как-то бежим до медсестры Лены. На другой раз мы ее зовем перевязку сделать. А ее муж не пускает. Говорит, потому что дочь Алину ранили. Ей 25—28 лет. И ее муж не пускает. Говорит: «Ты что, там стреляют».

Получилось, они шли с мужем. По Чапаева. Муж чуть-чуть в сторонке за домом зашел. И, видать, я так понимаю, стреляли одиночными. И они бегом-бегом.

А в соседнем доме молодой парень. Его отца убили. Мы в 13-м, а он в 15-м доме. Они перешли в подвал по улице Лермонтова, 15, и там убили отца. Перешли в подвал. Но люди же как бы все равно дрова должны пилить, выйти.

И он вышел, а его украинцы дроном ударили. И его там же похоронили.

В основном погибшие из-за дронов. Я их избегал. Если с подъезда с козырька слушаешь, рычит, — все, не идешь никуда. Единственное, надо было пробежать, чтобы уколы сделать, печку растопить.

Опять же, в 15-м доме, но это еще раньше, женщины не успели в подъезд зайти, замешкалась с ключами, и дрон кинул гранату. Им в спину ранения.

И эти же медсестры, там, Зина и Елена, перевязки делали. Но это еще был конец октября 24-го года. Опять же это Лермонтова, 15. Квартиры там.

Российских войск еще не было. В дом прилетало 3 марта 2024 года. Лермонтова, 13.

А супруга недалеко работает в «Колбас-маркет». Она через пять минут бежит посмотреть, что там репортеры снимают.

Люди рассказывают, что они за углом стояли, ждали этого взрыва. Украинские, по-моему. Ну, трудно сказать, может, кто-то и западный.

Наверное, в основном, так и было. Если ты через три минуты приехал, откуда бы ты знал, что больше не прилетит? Это мы бежим, что дом нам надо посмотреть. А ты же пришел и снимаешь. Значит, ты знал, что больше не прилетит. Что именно сюда не прилетит».

Лечная Вера Гурьевна (70 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Мои дети жили в селе Дальнем. 4 января пришел мужчина и сообщил, что мне ждать помощи не от кого. Я говорю: «Что случилось?»

А он говорит: «Детей ваших убили». Они приехали, дверь открыли, а дети на полу были расстреляны.

Во дворе собаки бегали, никого не подпускали. И так мне сказали, что в селе никого не осталось. Там страшно, что творилось. Парень подходил, рассказал, что украинцы ехали, и с танков эти падлы всех расстреляли.

Дочь так ждала русских, мы с ней даже флаг пошили в 2020 году. «Скажи, мамка, я выйду первая встречать». Я теперь даже не знаю, как на могилку попасть».

Иванов Игорь Валентинович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

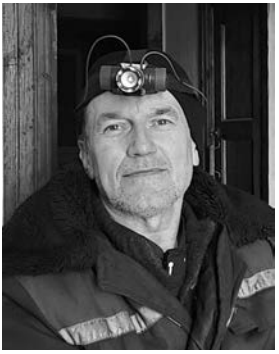
«В принципе, люди готовились уже для того, чтобы выжить осень, зиму и весну. И сделали эту колонку с водой. Но украинские солдаты колонку качественно обстреливали. Прилеты были и возле дома, и вот по дороге. Ну, были ранения у людей.

Здесь работали украинские беспилотники, контролировали полностью вот эту улицу, эту колонку, подход к ней. Такую же колонку на нижней улице уничтожил украинский миномет.

По нашей колонке не менее пяти прилетов было четких. Пострадали местные жители. Ни один солдат ВСУ не пострадал. Только коренные жители страдали. Ну, осколочные ранения, как правило, от миномета и дроновые сбросы были.

Украинцы били, чтобы искоренить русский народ. Потому что прекрасно понимают, что в этих городах, таких как Курахово, Красноармейск, Димитрово, Доброполе,

здесь живут только русские люди. Украинским военным это прекрасно понятно, кто здесь живет. Поэтому ненависть шла с самого начала».



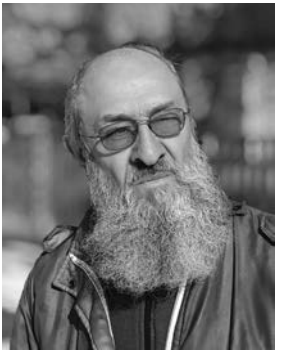
Колесник Виталий Викторович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Люди ночью хотели в безопасное место перебежать, в село Красное. Они рассказывали, что их порасстреливали, дронами поразбивали, то есть людей уничтожили. Они в сторону Донецка, то есть к российским войскам шли. Искали безопасность, бежали туда, бежали к русским войскам. Получается, эти враги нацистские — украинские военные обстреливали их, не давали им добежать.

Как-то люди искали воду. Тут у нас Ворсовская база, там раньше был склад с водой. То есть, ну как их, паки, паки литров по 19, наверное, по 10. И осталась там вода, и люди искали воду и шли туда. И их украинские дроны атаковали. Много гражданских трупов лежало прямо на дороге. Даже фамилию знаю одного паренька — Терехов, который пострадал. Дрон его атаковал, и повредило ему ноги. Он начал ползти. Никого вокруг не было. Потом катился рядом с трассой, по обочине с ранеными ногами, перекатался. Потом где-то дополз до дома. И кричал о помощи. Люди, видать, его услышали и вытащили. А мать его ждала. Ее Валентина звали, царство ей небесное. Пошла его искать, и тоже дрон ее атаковал. Люди как-то их поперетаскивали в подвал. Ну, мать не спасли. Мать умерла. Терехова Валентина.

Почему по мирным бьют? На мой взгляд, в 2014 году был референдум, люди изъявили свою волю, свои желания, то есть своего рода антимайдан был. То есть не согласны были с госпереворотом, поэтому люди выявили свою точку воли, проголосовав на референдуме. Нам даже свободного помещения не дали. Люди сами нашли место, это в училище 129 СПТУ. И там около шести тысяч человек гражданских принимало участие в голосовании против госпереворота. Получается, что те, кто здесь остались, кто в своих домах поостались, они тоже против».

Мзенцев Виктор Викторович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)



«Мы сейчас в Курахово, на улице Энгельса по-старому. По-украинскому переименовали ее в Державную. Сын соседей Сергей мне рассказал, как его отец Леонид поднялся на чердак, и сбросили с украинского дрона бомбу или гранату. Его ранило, и в скором времени он скончался.

Отец ему говорит: «Сережа, помоги мне спуститься, меня зацепило». Сын поднялся наверх, это он так рассказывает, поднялся наверх, взял его, и пошли-пошли вниз, и он прямо на ступеньках и обмяк, и все, и скончался.

Жена Леонида лежала, неходящая она была, инсульт, и он за ней ухаживал. Она от этого пережитого всего скончалась через неделю. А сын тоже в скором времени, тоже сбросили на него с дрона здесь по соседству.

Леонида родственники свата перенесли отсюда. Всю семью во дворе похоронили, всех троих — семья Матюхиных.

Русских войск еще не было. Хозяйничала украинская армия. Вон по домам все, ни одного живого дома нет. По нам украинцы бросали, и ни одного стекла нет в окнах. Все повыбивало, и крышу уже не раз делали. Шифер полопался, и все. И пока уже украинцы не ушли, это все продолжалось. Ну, слава Богу, мы живые остались».

Священник храма иконы Державной Богоматери Иоанн Карпенко, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Мой отец — отец Петр, настоятель храма иконы Державной Богоматери. Его на допросы вызывали в СБУ. Приезжали, не один раз приезжали. А украинские военные ролики снимали, вот Московская церковь, свои по своим не бьют. Что русские не бьют по русской церкви.

Сейчас купола побитые с западной стороны, т.е. украинцы обстреливали церковь. В один, в другой, там вроде или дрон, или миномет попал. Вы видели, я думаю, отверстие в стене. Говорят, танк бил.

Автомобиль сгорел полностью — один из тех, на который в храмы ездят люди. Сбросы с дронов были. По-моему, шесть сбросов было, хотели спалить эту машину. Там один в крыше, один там, один там, один там.

В конце ноября сбросом ранило отца и еще одного парня, которые вместе на велосипеде ехали, причащали уже умирающую женщину. Отцу две ноги повредило и две руки повредило. Прямо возле храма, на улице, на дороге их ранило. И в этот день ранило еще, по-моему,

двоих или троих людей. Из-за того, что дроны кружились, мы вообще боялись выходить. То есть, если мы переходили из здания, где люди были в храме, мы перебежками бегали. Потому что настолько очень много дронов было. А с украинских дронов сбрасывали, там три могилы есть возле храма. Видно же, что мирные люди. Российских войск еще не было. К нам российские войска зашли где-то в начале декабря.

Еще убили. Мы как раз были на службе. Ребята видели, что люди шли по улице просто с велосипедом. Два сброса, и все.

Сбросы там были, там были, там ранило, там убило, убило, убило, убило. Я даже не знаю, сколько людей уже...

Украинские военные нас всех ждунами обзывали. То есть мы Россию ждем, а мы-то всего-навсего живем у себя дома, жили у себя дома и хотим жить у себя дома, а не куда-то выезжать.

По нам очень часто, очень много прилетало. С 22-го года начинаются украинские обстрелы. Там еще нигде России не было, даже еще Марьинка была украинская».

Панеотова Светлана Анатольевна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«У нас регулярно в течение двух лет, я на станции работала с мужем, раз в неделю были украинские обстрелы, потом чаще.

А уже последний год на станцию вообще очень часто нам выдавали бронежилеты и каски, когда мы работали на работе, очень

часто стреляли. Потому что мы слышали выход, и свист, и сразу прилетело.

Такие мины были небольшие. Мы слышали просто, мы считали, да, по-моему, четыре, по-моему.

Ну, мы слышали выход, «пух», а потом свистит вот так вот резко. И сразу — «ба-бах».

Когда обстреляли улицу Чапаева, приехал мэр. И начал ругаться: «Что вы тут делаете вообще? Вам сказали эвакуироваться, это, вам еще цветочки». Пугал, что еще будет хуже, говорит: «Что вы не выезжаете».

Пугач Любовь Григорьевна (71 год), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«С соседями произошел такой случай. Сын пошел на рынок дровишек посмотреть. Наверное, долго не было. Мать переживает, что за обстановка. Пошла за ним, он сидит раненый. И в это время прилетел дрон и ее тоже ранил. Мужчина прибежал, сказал, мол, заберите хоть в квартиру ее. Ребята перетянули её в квартиру. Они лежали, тут ребята приходили, и перевязки приносили, и мы обезболивающее давали. У него нога висела вообще перебитая. Они померли у себя в квартире. Валентина Васильевна и Сергей Сергеевич.

В селе Георгиевка были ужасные обстрелы. Я сидела до последнего. Сидела до последнего, вдруг слышу, вышла, думаю, посижу немножко на диванчике.

В это время один прилёт ужасный, как небо оборвалось. Думаю, не буду выходить. А второй раз уже что-то жутко стало страшно. Думаю, пойду в подвал.

Выхожу, а у меня уже всё горит, всё, мигом всё. Дом и кухня, и гаражи — все, что было построено.

Прибежал один мальчик, говорит: «Давай тушить». А воду начали лить, а оно ещё сильнее горит. Это, говорит, бесполезно, это фосфор. И я уже боялась, потому что уже всё горит: что было в мешках похватала и вызвала такси и уехала в Курахово. Это было 21 августа 2022 года.

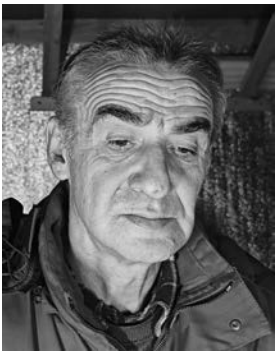
Украинцам, у меня такое впечатление, люди не нужны, если живых бьют людей».

Сланчинская Ольга Ивановна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Мы сидели в подвалах и ждали Россию. Вечером комендантский час, но мы выходили, сидели возле подъезда, если едет машина, заскакивали в подъезд.

Около нас украинские дронщики в подвалах жили, два подъезда. Вот мы на улице сидим и слышно: «Пух, пух». Ну, то есть они подрывают двери. Стояли у них по два, по три холодильника, машинки стиральные. На площадке стоят уже наготовленные, то есть они не успели украсть. Мы их боялись, мы с ними старались не общаться. Однажды они подъехали, забирали дронщика, а у нас был человек раненый, голова в крови. Прилёт, угол дома сложился, а он был в квартире. У него возгорание. Украинский вояка вышел с машины. Прежде чем он что-то сделал, он затвор в автомате передернул. А что он будет делать? Говорю, может, стрелять по нам. Но он ни здрасте, ничего, дронщиков забрал.

С ними ругались, чтобы они не лезли в квартиры. Женщина говорила — дрон в окно ей прилетал. Все сыпалось. Просто вот било ей стекла и, видать, когда-то взорвался, потому что она, говорит, угол окна вынесло. Наверное, какой-то заряд. Но, говорит, меня тогда дома не было. Я пришла, дырка, говорит. Женщина тоже к ним пришла, говорит: «Хлопцы, у меня там ваш дрон завис на четвертом этаже». Она говорит, ну и что вы делаете? Пришли, говорит, снизу с автоматом. «Хи-хи», развернулись и ушли. Ну вот это то, что было на наших глазах. Мы их отговаривали, чтобы они не лезли на этажи, потому что мы знали, чем это всё закончится — воровством. Если честно, мы их обходили десятой стороной. Мы в контакт с ними не вступали. Ни здрасте. А когда вот наши штурмовики пришли, мы им и кушать варим, и хлеб печем, ну ребята же наши. А украинским мы даже сухарик не предложили. Ни мы им, ни они нам».



Сланчинский Владимир Иванович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«В декабре, а может, и в ноябре даже, украинский дрон скинул на человека. Там лица практически не осталось уже. Он сам не местный был, у него тут ни родичей, никого. Сан Саныч звали. Жильцы, которые здесь жили, воронку чуть больше раскопали, туда его и похоронили. Дроны летают, но, тем не менее, как-то надо было человека похоронить.

Украинцы еще просто вывозили из квартир все. Я сам видел: холодильники и стиральные машины. На машины прямо грузили сзади всё это и вывозили из домов.

А еще в 2014-м моего свата Евгения пытали украинцы за что-то. Ему тоже около шестидесяти. Это после референдума. Многих после этого хватали, после референдума».

Филипских Александр Владимирович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Числа 10 или 11 декабря 24-го был прилет. Ну непонятно, или снаряд, или мина минометная. Ну, у нас там в этом помещении разнеслось, хорошо мы были по сторонам, только она немножко тряхнула взрывной волной, а потом мы два дня разбирали, все вот так было переколочено.

С юга, там на юге были украинцы еще, и вот оттуда прилетело. И вот эти вот железные гаражи тоже разнесло все, после того прилеты были.

Два наших товарища с нашего дома пошли зарядить телефоны по улице Нагорной. Назад они возвращались, а в нашем доме сидел украинский вояка. И он их расстрелял с автомата. Хотя ему кричали: «Да мы ж мирные, мы ж свои, гражданские». А ему по барабану.

По этой дороге где-то метрах в 20 они лежали. Один вроде как немножко на обочине, а второй прям посреди дороги.

Где-то недели две или три они лежали. Ну, страшно было подходить к ним, потому что кто его знает.

Потом, когда уже наши пришли, потом смогли хотя бы временно похоронить. Они вот возле дома у нас недалеко и были похоронены.

Однажды украинский военный открыл огонь, ему начали кричать, что мы мирные, что мы гражданские здесь. И все равно ему.

Одна женщина говорит, что с подругой шла, под 70 лет или, может, даже за 70 женщины. И украинский военный — хлоп, моей соседке в руку попал. Мы же ему говорим: «Что ж ты делаешь? Они женщины старые, мирные».

А он смеется. Или, может, он обкуренный, или обколотый, кто его знает? А может, как говорится, маньяк, ему нравится убивать. И таких случаев много было.

Дронов тут летало, ой-ой-ой. Из нашего дома, где украинцы стояли, дронщики и запускали. И сбрасывали заряды, соответственно. И мины сбрасывали такие, их сапёры назвали «лягушка». А мин было, валялось вот тут тоже много. И вот даже вон близко от нас сейчас она лежит, вон даже видно отсюда. Они были установлены вот тут, на вот этой территории, даже возле нашего дома.

Наверное, их штук 8 или 10 было раскидано, видать, чтобы мы не могли выходить, и к нам в случае чего никто не мог подъехать. И противотанковые мины есть».

Ковтун Владимир Николаевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«В 2022 году я ехал на легковой машине, работал в такси, вез девочку в Улаглы. Только я выехал с блокпоста, мою машину сбили украинским танком. Но машина живая не осталась, и меня поуродовали.

Я потерял палец, разбили ключицу, шрам у меня. Когда меня увезли в больницу, никто не помог. Полиция

приехала, я потерял сознание, приехала «скорая», меня забрали. Танк сбил мою машину уже аж на обочине, на правой.

Там были следы, я показывал им. Но украинская полиция все сделала против меня. Но украинская полиция все сделала против меня, что я сделал диверсию и как бы что я наехал на танк.

И за это хотели еще дать мне два года тюрьмы. 800 килограмм «Жигули» и 60 тонн танк какая диверсия может быть? Экипажу танка ничего не было».

В 24-м году, 30 октября, был случай такой. Я был в гараже, был у меня товарищ, сосед Игорь Каменецкий. Мы с ним разговаривали. Гараж закрытый был. Пришел к нам Битнер Андрей. Постучал в ворота, сказал: «Дядь Вова, открой». Я открыл. За ним были два украинских военных. Сразу сказали: «Лягай». Всех положили. Спросили, кто хозяин. Сказал, что я. Заставили открыть ворота напрочь. Открыли у меня ворота.

Андрей перед гаражом лежал. Заставили зайти в гараж. Когда меня допрашивали, я показывал документы. Украинский военный расстрелял документы, во-первых, трудовые. У меня два загранпаспорта было. Расстреляли. И прострелили мне два раза руку. Здесь и здесь. Вот одно ранение. А вот оно второе ранение. Первое это, потом второе это.

Зашли и спросили: «Что вы не выезжаете». Мне прострелили за это два раза в руку. И все. Потом я начал истекать кровью. Потеря крови была большая. А украинские военные застрелили Андрея Битнера.

А потом, в СБУ мне показали фотографии, они там между собой, ну, дверь открыта, я пока стоял, то слышал разговоры, они сказали, что застрелили не того. Они поехали опять туда, вынесли на моей машине, поехали, вынесли это тело.

Игорь Каменецкий говорит, когда Андрей там с ними разговаривал, украинские военные сказали: «Я бачу тебя двухсотым, вставай и иди». И он говорит, только встал, слышал, он стрельнул — «бах», слышал, Андрей упал. А Игорю сказали: «Бежи хоть до Днепра». Сняли с него обувь, заставили разуться и босиком отправили. По их словам, они должны были застрелить Игоря.

В СБУ меня предупредили, сказали: «Тикай хоть до Днепра, но предупредили, если ты обратишься, что у тебя огнестрел, скажешь, что ты по краю города искал собаку и что тебя русские подстрелили. Битнеру должно было быть 31 числа 49 лет. День рождения должно было быть. Но не случилось этого. Они его застрелили».

Чотий Александр Дмитриевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«20 декабря 24-го года мы жили с соседом в подвальном помещении. Вот там по хозяйственным нуждам нужно было сходить в погреб, спуститься, взять картошечки, может, там какой-то закупорочки. Вот зашли за дом и слышим, летит дрон с запада. Залетел за дом. Вроде как полетел дальше.

Ну, а погреб находится прям недалеко — пять метров от дома. Сосед у меня опускается в погреб, а я стою рядом. Буквально секунда. И дрон вернулся обратно и сделал сброс.

Я упал. Двигаться не могу, потому что я понимаю, что перебит нерв в бедре, в правую ногу и в левую, там в палец, в стопу попало.

У нас был такой Куцувалов Александр Николаевич, 80-го года рождения.

За ним и еще двумя людьми конкретно украинский дрон охотился, скинул, и он тоже получил ранения. Он жил на проспекте Комсомольский, 10, квартира 20.

Украинские войска хотят максимальный урон нанести местным жителям, которые здесь остались.

Они считают, остались здесь ждуны, значит, ждут русский мир. Вот, скорее всего, именно поэтому, чтобы максимально навредить местному населению».

Каменецкий Игорь Александрович, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«30 октября 2024 года у отца был день рождения, поздравил, пошел передать соседу привет, были с ним, находились в гараже. Мичурина, 85.

Зашли двое украинских военных, с ними был Андрей Битнер, 1976 года рождения. Нас положили на пол, мне удар по голове сверху ногой. Когда зашли в гараж, сказали: «Почему не эвакуировались вы, ждуны». В общем, в основном ждуны, ждуны, ждуны.

Сказали лечь лицом вниз. Я лицом вниз, и меня сверху бутсы в затылок. Вове в руку выстрелили. Один из них спросил за машину, рабочая или нерабочая, в каком состоянии, есть бензин или нет бензина. Сели и уехали. Второй остался с нами. Украинские военнослужащие нас посадили в яму, спиной к спине, заставили снять верхнюю одежду, разули.

Один военный дальше начал: что вы тут делаете, а переведите с украинского на русский, с русского на украинский, вы украинский знаете?

Гимн заставляли петь. Один сказал мне отойти к воротам, прижать голову, руки наверху, и прозвучал выстрел. Я видел, как Андрей склонился на бок. Зашел еще один военный ВСУ. Говорит: «Я за тобой». Меня опять положили лицом на землю. Опять вопросы, что тут делаешь, что ждешь.

И был еще вопрос второго первому украинскому военному, что пришел, говорит, а того за что убил? А он говорит, не хотел двоих охранять.

А потом другой мне сказал: «Вставай и беги». Я говорю, куда? Да в Днепропетровск. В общем, я до поворота добежал, завернул за поворот к соседу. Попросил обуться, одеться, накинуть что-нибудь».

Довгоброд Денис Анатольевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«ВСУ говорили, что приехали нас убивать. Они прямо говорили, что мы приехали вас убивать. Мы у них даже спрашивали, а за что?

Просто, потому что мы по-русски разговариваем. Отлавливали молодежь, на улице избивали, пятки отбивали, почки. Боялись, что мы пойдем против них воевать.

Это был 2014—2015 годы. Тогда у нас были украинские «Днепр-1», «Киев-1», «Азов», «Айдар». По городу люди с работы шли, просто с ГРЭСа, тоже их останавливали и мордой в пол.

Если кто-то начинал возмущаться, его забирали, вывозили. В основном всех вывозили за кладбище.

Там избивали, бросали и все. А назад уже дойдешь или доползешь, как у кого получится.

Даже вот у меня друг с дочкой шел, дочку с садика забирал, зашли в магазин. Машина, вылезли трое, под руки его, он говорит, я с дочкой. А они: «Она уже взрослая, сама дойдет до дома». Ей пять, шесть, наверное, было, она в садик ещё ходила. У него пакет выпал, ну, с едой.

А его в машину вкинули и увезли. Ну его избили, часа через три он домой еле живой дополз. То есть просто избивали ни за что».

Фурсова Любовь Степановна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Рядом с нами больничный городок, а в нашем доме магазин. Я один раз зашла в магазин, и стоит украинский военный. В это время началась бомбежка.

А я еще говорю: «Господи Боже, дай нам мира и спокойствия». А он по-украински говорит: «Вы просите миру?» Я говорю: «Да, конечно».

А украинский военный: «Я с Киева, я приехал вас убивать». Я говорю: «Господи, кого убивать?» А он: «Вас, усих». Всех. Я говорю: «За что?»

А потом еще один был такой случай. Тоже в магазине. С украинским военным разговаривали за храм. Я говорю: «А вы видели, какой у нас храм красивый?» А он говорит, что украинский? Я говорю: «Нет, он русский». Он говорит: «А тогда его надо взорвать». И нецензурными словами.

Я говорю: «За что храм взрывать?» — «Так нужно». Ну и все.

Я развернулась и ушла, чтобы не обострять ситуацию.

В нашем доме очень много жило солдат украинских. Проходят и так сквозь зубы: «Ждуны, ждуны, сидят и ждут. Вы дождетесь, вы дождетесь».

Богданова Любовь Александровна (74 года), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Вот колонка для воды у нас здесь по Мечникова. Воду мы там набираем. Техническую. Для нужд: посуду помыть, постирать. И вот как раз возле этих колонок украинские дроны сбрасывали. Были раненые».

Лазько Татьяна Ивановна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Пять домов подряд загорелось. Был украинский обстрел этих домов. Мы немножко уже знаем, что куда летит и откуда.

Одного человека откопали из-под завалов. Родственники забрали, где-то тоже в городе. Я когда на следующий день пошла, там квартира сестры, пошла туда, а эти ВСУшники кричат: «Через 10 дней все

дома такие будут, все дома будут гореть». Это было в ноябре 2024-го.

Сожгли, я думаю, это была показуха тем, кто остался здесь. Типа наглядный пример, урок для тех, кто в городе остался. Со стороны Украины».

Панченко Ольга Ивановна, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Украинские военные возили холодильники, печки, там... такое из бытовой техники. На своих машинах, которые маленькие такие, не знаю, как они называются, — фургончики. Обходили по подъездам, собирали всё, что можно».

Черныш Светлана Ивановна город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«У нас украинские военные жили в доме и в подъезде в нашем. У одного был позывной «Малибу». Он видел, слышал, что я по-русски разговаривала, и меня ненавидел. Он прямо мне говорил: «Чтоб вы повыздыхали». Ну, и такие нехорошие, нецензурные слова. И плевал в мою сторону.

ВСУ выносили телевизоры и даже столы у людей в нашем доме».

Шаповалова Елена Викторовна (70 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«У нас в подъезде по Маяковского, 10 украинские военные две квартиры вывезли полностью — украли все. На микроавтобусах вывозили. Все выносили, квартиру полную. Полностью, вплоть до ковриков и веников. Заходили в туалет, вынесли вплоть до унитазов. И такое было. В ванной тоже все, вплоть до душевых кабинок».

Мачула Александр Анатольевич (68 лет) и Мачула Елена Владимировна (68 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«На первом этаже нашего дома жил инвалид третьей группы, Самохвал Николай Иванович, 57 лет. Пришла группа поддержки ВСУ и убили его 23 декабря где-то

с 11 до 12 ночи. Которые видели тело, говорят, что там была гематома в задней части черепа. Я так понимаю, что это был удар прикладом автомата.

Убил кто-то из четырех украинских военных. Четыре украинских военных пришли поддерживать тех, которые были в кооперативном доме и в Доме культуры. Из них самый жестокий, самый упертый был с позывным «Дэн», Дима. Я их не пускал в подъезд, только зашли, он сразу на меня наставил автомат и сказал: «Если ты ещё, старый, мне раз сделаешь так, что я не пройду, я тебя застрелю». Пугали нас, что, как придут русские, они вас всех вырежут. Они, говорит, собак жрут и котов жрут, а вы им — не люди.

Они воровали имущество. Шкаф при нас открывает в квартире напротив, двухкомнатной. Украинский военный, 20 лет. Он мне сказал, значит, я не мог дождаться, пока мне будет 18 лет, чтобы подписать контракт с украинской армией. Воевать хотел.

Он вырвал, там замок мощнейший стоял, он вырвал этот замок, начал лазить, ящики вскрывает. Вот попалось что-то там, он в карман себе, еще что-то ценное в карман. Вещи еще как перетрушивали.

Мы в своем подъезде все это наблюдали. Видели, как вскрывали двери, без всяких этих самых зазрений, фомками. На втором этаже, значит, они с автомата 5,45-мм влупили сколько раз. Дверь взламывали.

Они пришли 19 декабря 2024, где-то примерно в районе 12 часов дня и нас закрыли снаружи на ключ. Прикрывались нами как щитом. Это я утверждаю. Я им сказал: «Что же вы творите, ребята? Так же нельзя».

Они под нами выломали дверь у нашего соседа Шанина. Там был снайпер на первом этаже под нами, и гранатометчик был, вот этот «Дэн». Нас никуда не выпускали. Мы даже за водой не могли сходить, у нас же воды не было даже смывать в туалете.

Мы раньше ходили на скважину под домом 2В. А украинцы нас закрыли. Мы готовили пищу на улице, и когда я кипяток занёс, украинец снаружи взял и закрыл нас нашими же ключами. Трое суток вообще не выпускали нас абсолютно никуда.

Они выходили 23 декабря, я услышал, что ключ щелкнул, ну, замок. Только тогда мы смогли выйти в подъезд. Дроны украинцы очень много применяли. Только по нам лично два раза били.

Значит, мы шли с нашего разбитого дома. Ну, там у нас немножко осталось картошки. Несли картошку на улице Мечникова, и украинский дрон по нам, атаковал нас. Но хорошо он зацепился за ветки возле ДК, там дерево, елка.

Украинские военные видели, что идут гражданские. Я шел в этой фуфайке. И жена в такой же фуфайке. Мы с сумками шли, а они запустили дрон по нам.

Бьют по мирным, чтобы мы меньше рассказывали о том, что они творили. Украинские военные считали, что те, кто остался здесь, это уже сепаратисты, это уже не Украина. Говорили нам: «Вы что, ждете трехколеровых? Трехцветных ждете?» Русскую армию.

Они прямо открыто ненависть свою показывали. Говорили нам: «Дождетесь. Вы думаете, что тут будет хорошо?»

Я их не пускал же, украинских дронщиков, в подвал. Тут нас было восемь человек. Ну, что, старые женщины. И я один более-менее такой. И Коля этот, калека. Все. А украинский военный мне над головой очередь впорол. Говорит: «Что, не боишься?» Я говорю, что я уже свое отбоялся, когда служил еще срочную.

А один сосед так и пропал. У нас сосед пропал со второго этажа, Витя Шуминский. Русских войск ещё и рядом не было, и близко не было, а нас еженощно обстреливали украинцы. Два месяца кряду минометами.

Они выезжали со стадиона на пикапе. В кузове миномет стоит, а за ним едет ещё одна машина, видать, с боекомплектом. Украинцы стреляли по городу, по детсадикам.

Причем вот этот в 11 часов выехал вечером, и до утра стреляли куда попадет. А однажды в 6 часов вечера уже было темно, и четыре миномета начали стрелять. Русских еще даже в Максимильяновке не было.

У украинцев был девиз: «То, что не Украина, — это руины». И они всю инфраструктуру разрушили, сами украинцы.

Мы даже знаем, вот мэр города, и это многие люди могут сказать, заказывал военным украинским, что разбомбить. Заказы делал.

По школам били, по детсадикам били и по жилым домам. И торговый центр, почта. В городе оставались пенсионеры, которые получают пенсию на почте. Должны были привезти, увидели, что тут скопление, и бабахнули, ну разбили.

Людей они не жаловали своих. Те укрытия, которые были предназначены для людей, были отданы все военным украм. Гуманитарную помощь в большинстве случаев перепловинивали, разворовывали, а людям давали простые макароны и муку.

За русскоязычных, это вообще. Они нас ненавидели страшно, я не знаю даже как. Хотел у украинского военного зарядить фонарик. Он взял зарядное устройство и сломал. А он сам с Тернополя, ему было 20 лет, звали Богдан. Поломал мне зарядное устройство на фонарик. Они с Тернополя, с Ивано-Франковской области, с Ровенской.

Хохлы убили Геннадия еще. Мы его знали по работе. Ему, он на год старше, чем мы, полных 68. Он видел, что в соседнем подъезде появились украинские военные, а он курильщик был. У нас проблемы с сигаретами.

И он говорит: «Да я сейчас сбегаю, я у них попрошу. Хоть сигаретку, я хоть куплю у украинцев». Он постучал

в дверь в подвал. Страшное дело. Так затащили и убили. Шапка какая-то осталась от него. Жена на пятом этаже жила, но она так труп и не нашла.

Я хранил в седьмом подъезде, напилял дров и хранил для печки. Смотрю, возле моих дров появились упаковки из-под таблеток, потом варили что-то на кастрюле, какое-то вонючее такое рыжее. Скорее всего, наркотики.

И вот эти таблетки наркотические были. Однозначно. Потом я пошел за дровами, а на первом этаже дверь открыта.

Ну, открыты были двери все до пятого этажа. И на первый этаж, направо, квартира, я не помню какая она, там Щека такой, хозяин.

И там украинский военный мертвый сидел в кресле. Я посмотрел и вышел. Туда больше я не заходил. Потом, когда пришли русские военные, наши ребята, минеры или саперы, точнее, посмотрели.

Говорят: «Вы смотрите, на правую сторону не заходите, там, где украинский военный в кресле сидит, он заминирован. И он заминирован не только сам, а взрывное устройство подведено под флягу с водой. Там полфляги с водой с питьевой рядом стоит, смотрите, не дай Бог, не возьмите. Украинцы своего заминировали, тело в кресле»».

Тимченко Ольга Дмитриевна (73 года), город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«Однажды, когда тут были украинские войска, зашла в подъезд и начала плакать женщина. Она там кошку кормила. И, короче, она пришла и говорит, так и так, убили украинцы мужа Гену. Ему 60 с чем-то лет было.

Она сказала, что он хотел купить сигареты или попросить что-то такое у них. И зашел в третий подъезд, и автоматная очередь. Я видела его шапочку. Валялась возле третьего подъезда, ну, возле лавочки».

Чумак Игорь Григорьевич, город Курахово (Донецкая Народная Республика)

«В ноябре месяце сосед, зовут его Гена, пошел за сигаретой, у военнослужащих украинской армии стрельнуть. Ну, его расстреляли там. Восемь выстрелов было. Да, это жена сказала, что в восемь выстрелов его расстреляли. Прибежала к нам и сообщила, что Гену убили. И получается, они его где-то спрятали, труп-то до сих пор не нашли, и шапкой закрыли дверь».

ТЕРРОР КИЕВСКОГО РЕЖИМА В ГОРОДЕ УГЛЕДАР (Донецкая Народная Республика): 2014—2024 гг.

После кровавого антиконституционного переворота в 2014 году пришедший к власти режим создал систему террора по отношению к русскоязычному населению Донбасса. Одним из элементов этого террора было фактическое разрешение киевским режимом вооруженных силам и спецслужбам Украины, а также созданным ими разнообразным «батальонам смерти» осуществлять убийства, изнасилования, пытки и избиения местных жителей. Даже в случаях доказанных следствием и вынесенных судами решений по виновным в убийствах никто из военнослужащих не понес наказания.

Например, жительница города Угледара Светлана Синицина свидетельствует об убийстве ее сына украинским военнослужащим из неонацистского подразделения «Айдар»: «У нас столько случаев было здесь. Девчонок и насиловали украинские военные, и издевались. 27 августа 2016 года в районе где-то 10 часов вечера моего сына зверски убил украинский военный из «Айдара». Украинские военнослужащие пьяные с девушками очень грубо начали разговаривать. Максим, мой сын, остановился и сделал им замечание. Сорока Дмитрия Владимирович вытащил нож и ударил Максима в паховую артерию. Мой сын в течение трех-четырех минут истек кровью. Следователи все правильно наши написали, угледаров-

ские. А айдаровцам его отдали на поруки. Так никто и не наказал его».

Сергей Голобородько рассказывает: «Парень-шахтер отдыхал как-то в кафе, зашел туда военный и начал кричать: «Слава Украине!» А он сказал: «Слава шахтерам!» И за это получил ножом. Этому военному ничего не было».

Жители Угледара свидетельствуют, как украинские войска терроризировали город с помощью обстрелов. Они специально подчеркивают, что обстрелы шли со стороны украинских позиций и начались еще тогда, когда российские войска, а ранее подразделения ДНР были далеко.

Степан Колтаков рассказывает о том, что особенно часто украинские военные намеренно стреляли по скоплениям мирных граждан: «В самом начале войны украинцы посмотрели, что люди не эвакуируются. Ну, не хотят уезжать, и все. И начали минометы их. Тогда даже Волноваху еще не взяли. А украинцы нас уже бомбили минометами... мужики вышли, что-то курили, разговаривали. Шесть или пять мужиков. По толпе минометом. Чух! Бух! Все. Руки-ноги поотрывало мужикам. Кума убило моей мамы. ВСУ всегда делают так. Где гуманитарка, там и лупят». Об этом же говорит и жительница Угледара Светлана Геннадьевна Панова: «ВСУ видит, что скопление людей, и начинают бомбить. Туда стреляют. Допустим, привез капеллан хлеб. Поэтому, когда приезжают, мы им говорим: «Быстренько давайте нам хлеб, воду, мы заберем». А они, подожди, давайте вы на камеру расскажете, что это Россия все постреляла. Я говорю: «Нет». Мы ж не можем им и правду сказать, потому что нас бы сразу тут и расстреляли».

Например, Евгений Тарасенко, как и многие другие жители Угледара, лично видел, как украинские военные расстреливали город: «Я лично свидетель — у меня дом смотрит в сторону Курахово, в сторону третьей шахты.

Я на балкон выходил, и мне все видно было. По полям ВСУ машина рычит, пикап, фары включены были, видно было, что по полю едет. Остановился, «бах» — стрельнул, слышу, что в городе прилет появляется. Потом переехал он в другое поле с той стороны, «бах» — там пострелял».

Иван Пономаренко, как и многие другие, говорит о том, что определить, что именно ВСУ обстреливает город, было легко: «Мои друзья рассказывали, что ВСУ приезжали на запад города у нас, на Молодежную улицу и стреляли в сторону Павловки, а потом разворачивали дула и стреляли по городу. По третьей школе попали пару раз. Там крыша загорелась тогда. Российских войск тут не было близко. И после первых двух-трех месяцев Специальной военной операции первые прилеты в дома были со стороны Курахово. Это с севера. С украинской стороны, получается, прилеты».

Жители города свидетельствуют, что особенно большое количество разрушений в городе было связано с намерением ВСУ нанести наибольший ущерб при оставлении города: «Мама мне рассказала, как украинские военные ходили по улицам. И один солдат маме сказал: «У нас приказ, мы будем отходить отсюда, будем делать «черный парк» здесь». То есть стереть с лица земли».

Собранные в Угледаре Международным общественным трибуналом свидетельские показания доказывают, что, так же как и в других населенных пунктах, вооруженные силы Украины намеренно убивали собственных граждан для того, чтобы западные и украинские журналисты могли снять кровавые срежиссированные съемки с целью обвинения России. Среди местных жителей не было сомнений в том, что обстрелы шли с украинских позиций.

Ирина Лыдина рассказывает: «В 2022 году от обстрела ВСУ пять человек погибли. Я шла за водой через дворы. Я смотрю, там какие-то шматки. А там мозги, голова — там

останки людей без рук, без ног. Ребёнок, пять лет, спрашивает: «Папа, где папа?» Отца ребёнка, Костю убили. И быстро, пяти минут не прошло — журналисты. Такие вот зверства просто ради пропаганды. Репортеры, которые приехали, они рассказывали, что это Россия сделала. Хотя своими глазами все видели, сволочи».

Сергей Задорожный говорит о том, что такого рода срежиссированные обстрелы начались с самого начала боевых действий: «Наш город начали обстреливать, когда тут никаких российских войск не было... когда я прибежал до больницы, я увидел две машины сгоревших и четыре трупа. Что самое интересное, солдаты, ВСУшники, стояли в санатории. В это здание ничего не прилетело. А все взорвалось перед больницей... Прихожу домой, уже Украина передает, что Россия нанесла удар по Угледару. Ну, кто тут поверит? Мы — нет... А когда первый раз голубой дом обстреляли, мы пожар тушили. Самое интересное, ВСУшники приехали, при нас вызывают своих: «Не обстреливайте четвертый сектор, мы помогаем тушить квартиру».

Евгений Тарасенко рассказывает о том, как прямо на его глазах украинские военные стреляли по городу для западных журналистов: «В 2022 году к школе подхожу, а передо мной журналистка была такая маленькая, в очочках, а сзади нее военнослужащий украинский был в форме. И я сзади них подхожу к школе, и она с камерой поворачивается, снимает. А на улице тихо-тихо, вообще тишина, ни выстрела, ничего не было. И украинский военнослужащий, по рации: «Что-то тут тихо, ну пошумите, пошумите тут». И началось, там стрельнули, сям где-то стрельнуло, прилетело, там стрельнуло. И журналистка такая: «О майн гот, о майн гот...» — и побежала».

Еще одним методом террора местного населения была их опережающая насильственная мобилизация в ВСУ.

Местные жители вынуждены были прятать мужчин и подростков. Наталья Новак рассказывает, как в течение двух с половиной лет прятала своих детей-подростков: «У меня два сына. Сейчас старшему 22, младшему 19. Чтобы ребят не забрали в ВСУ мы их прятали в вентиляции. Уже было отработано, когда украинские военные идут. Дети сразу, в чём есть, даже босиком прятались в вентиляции. И было такое, что лежали там несколько часов, пока у нас была облава».

Собранные Международным общественным трибуналом данные однозначно доказывают, что русскоязычные жители Угледара, так же как и в других населенных пунктах под временным контролем Украины, начиная с 2014 года подвергались тотальным грабежам и воровству со стороны ВСУ. В большинстве случаев это никак не скрывалось и делалось открыто на глазах у обворовываемых жителей.

Свидетели говорят о том, что их имущество открыто вывозилось грузовыми автомобилями, пересылалось с помощью украинской почты, нередко продавалось на близлежащих территориях под украинским контролем. Обычной практикой было и то, что при сбыте украденного продавцы открыто говорили и даже писали, что это «товары с Донбасса». Воровство украинских военных носило тотальный характер: аудио- и видеоаппаратура, включая телевизоры, бытовая техника, включая холодильники, микроволновые печи и пылесосы, сантехника, одежда, детские игрушки и мебель, женское нижнее белье и т.д. Аналогично частным квартирам и домам они грабили государственные организации, школы, детские сады.

Виталий Бондарь свидетельствует: «Украинские военные воровали регулярно и с удовольствием. Вывозили все, что можно. Конечно, в приоритете была бытовая техника, телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. Дохо-

дило вплоть до того, что снимали розетки, выключатели, смесители. Розетки вытаскивали, вот отбивали кафельную плитку, у кого хорошая. Плитку со стен сбивали. Умудрялись. И это отправляли через Новую почту. Они открывали магазины в ближайших населенных пунктах. Назывались это «Товары из Донбасса». И там шла распродажа ворованного. Автомобиль мой своровали. Этой весной звонит мне человек с Курахово. Говорит: «Я купил вашу машину, но утерял документы. Вы не могли бы мне техпаспорт привезти?».

Синицина Светлана Евгеньевна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я все время живу в Угледаре с 1965 года. Здесь родила своих детей двух. У меня старший сын и младший. Младший сын 1989 года рождения. Мой сынок Гладких Максим Алексеевич. Я вышла замуж второй раз, поэтому фамилия моя другая.

27 августа 2016 года в районе где-то 10 часов вечера моего сына зверски убил украинский военный из «Айдара». В районе кафе «Марсель» шли украинские военнослужащие, пьяные, два человека. Они с девушками очень грубо начали разговаривать. Максим, мой сын, остановился и сделал им замечание.

У нас столько случаев было здесь. Девчонок и насиловали украинские военные, и издевались. Девчонки наши, бывало, пропадали, куда они их увозили — непонятно.

И сын остановился и начал им говорить, что сколько вы будете к нашим девочкам приставать. Заступился за

девчат. Народ собрался, люди выскочили, которые в кафе отдыхали в «Марселе», выскочили оттуда.

Один стал орать: «Я сейчас гранату взорву, никто не подходите». Люди расступились.

Сын у меня был безоружный, он был высокий, работал в шахте. Здесь вот у меня документы все, которые у меня есть, все-все описано. Второй айдаровец вытащил из-под сапога большой нож и ударил Максима в паховую артерию. Он знал, куда бить. Он его ударил, и мой сын в течение трех-четырех минут истек кровью.

Я с 2016 года собрала свидетелей, подала все это в суд. Назначили ему меру наказания. Следователи все правильно наши написали, угледаровские. У меня здесь тоже документы все эти есть. Как это было, все описали. Мы думали, что его сразу закроют, а айдаровцам его отдали на поруки в часть. И после этого я с ними 6 лет вела тяжбу. Шесть лет все здоровье мое на это ушло. Так никто и не наказал его.

Последняя повестка у меня — вот здесь вот. Волновахский районный суд Донецкой области выкликает Синицу Светлану Евгеньевну как потерпевшую и обвиняемый Сорока Дмитрия Владимирович. Тут написано, в общем, чтобы надо было явиться в суд. Вот эта последняя повестка за 13 января 2022 года. Этот суд опять так и не состоялся. Я приезжала на суды каждый раз. То какую-то бумажку не напечатали, то он, значит, где-то там на сборах, то у него заболел этот самый... И так его и не осудили.

Фамилия украинского военного, убийцы моего сына — Сорока Дмитрий Владимирович, 95-го года рождения. Уроженец Херсона, Херсонской области. Гражданин Украины. Раньше не осужденный. Работает заместителем командира гаубичной батареи с особливым складом. В военной части 2950. Живет он за адресом Хмельницкая область, Волочисский район, село Купель, улица Набережная, 4.

За то время, которое суд шел, он даже успел жениться, приезжал со своей женой, понимаете. Я единственное, что хочу, вот единственное хочу, чтобы его мать почувствовала то, что чувствую я все эти годы. Мой внук, когда он погиб, внучку было пять лет, сейчас вот уже ему 12 лет.

У нас с самого начала войны прилетели украинские ракеты на больницу. Дело в том, что я сама лично видела, как летели эти ракеты. Вот здесь голубой дом, и с голубого дома, это со стороны Курахова, летели ракеты, а там России вообще и близко даже не было. Я сама, грешным делом, сначала подумала, что это стреляют россияне. А это все стреляла Украина.

Все наши дома, это все расстреляно, все это стреляли украинцы в начале. Даже у нас горел этот же голубой дом, где у меня там, в этом голубом доме, жила сестра. И я одно время, в общем, получилось, что я жила там. И, в общем, у нас случился пожар. Тут все видно, вот он, голубой дом, он здесь вот, значит, и, в общем, люди, которые мы здесь были в школе, мы все кинулись, стали спасать. Это первые пожары, мы еще старались спасти дома.

Пришли военные, которые здесь были, украинцы. И что ж вы думаете? Военные вроде бы стали нам помогать, чтобы тушить это все. И слышим по рации: «Обстрелы идут, а мы здесь людей столько собрались. Хлопцы, такой-то квадрат не стреляйте, мы здесь. Мы здесь». Это что получается?

Значит, они до этого стреляли. Они стреляли. И прекратились обстрелы. В этот квадрат тогда никто не стрелял.

Мы сидим здесь в подвале в школе. Я пришла сюда 11 марта 2022 года. Я здесь уже нахожусь два года и семь месяцев. У нас даже по обстрелам можно посмотреть, где, откуда кто стрелял. Все обстрелы у нас в основном идут со стороны Украины. Они нас настреляли. Я не знаю, нас просто Бог сберег, почему не попало к нам в подвал. У нас вся школа разгромлена. В подвал, где мы сидели,

слава Богу, что, в общем, ракеты не попали. Мы каждую секунду сидели и думали, и прощались, и думали, что все, это последняя секунда нашей жизни. Вот так вот мы здесь провели два года и семь месяцев.Украинские войска все воровали. У нас ничего нет. Вывозили они все, начиная от детских маленьких велосипедов и кончая мебелью. Вывезли все. У меня, допустим, вот у мамы здесь квартира, моя квартира. Я туда ходила еще в 2022 году. Мы ходили, сумели какие-то вещи забрать. Моя квартира находится прямо там, где были их окопы.

Но мы сумели с мужем два раза сбегать и забрать свои носильные вещи. А здесь вот квартира мамы, тут вот рядышком. Вот мы ходили, у мамы были. Мама была моя в свое время. Ездили работать за границу, они неплохо жили. Была в квартире. Уже женщине 86 лет. По старинке, все в коврах, все там мебель хорошая, посуда. Забрали все, понимаете?

Это не только у нее. Мы вот здесь в школе были и только видели машины ВСУ груженные. Это холодильники, телевизоры, там эти самые уголки, кресла. Ну все, все что можно. В любую квартиру зайдите, ведь ничего нету. Люди поуезжали, которые с Угледара. В основном выезжали налегке, потому что на легковых машинах, ну, что люди могли взять? Ну какие-то вещи. Остальные все квартиры были запакованы. У нас шахтерский городок, у нас люди жили неплохо, были вещи. Сейчас ничего нету, абсолютно все забрали. В любую квартиру зайдите, ничего абсолютно нету. Машины забирали.

У нас случай был, у нас вот здесь живет мужчина, звонят ему с Курахово, мужчина какой-то звонит, говорит: «Нам дали номер телефона, мы купили машину вашу, вы не могли бы техпаспорт как-то мне передать?» У них машина хорошая, новая какая-то, импортная машина. Муж говорит: «Я не понял, какой вам техпаспорт передать?» — «Ну вот

ваш техпаспорт, потому что мы взяли машину». — «Ты что, вообще? Мою машину угнали украинские солдаты, а ты купил ворованную машину?»

Мало того, что они не только воровали с этих домов, даже с дач воровали. А на дачи что люди обычно вывозят? У нас дачи небольшие. То, что не нужно в квартире, так они с дач даже вывозили все. Понимаете?

А еще у нас случай был такой. Я-то нахожусь здесь в школе, а мой дом, это самый первый дом в начале города. А около домов, около первых, там ставили свои пушки, там танки украинцы. И прямо возле домов, там, где люди жили, они стреляли.

У нас соседи там были все в ужасе. Они сидели в подвале, соседи. И вот был такой случай. Значит, соседи прятались в подвале, и украинские танки стреляли. Подошел мужчина, это наш угледарский, и стал разговаривать с вояками, чтобы они не стреляли возле домов, чтобы они немножечко подальше, потому что, говорит, прилетит ответка, и все дома наши разнесут. Это украинцы, военные сказали: «Будешь разговаривать, мы тебя застрелим».

Он опять начал, начал опять с ними что-то говорить. И тут соседи слышат в подвале — «пух, пух». Два выстрела. Таких выстрелов, как с пистолета. И все. И все замолчали. А утром жена его прибежала. Она всех людей спрашивала, не видели ли они ее мужа.

Мужчины пособирались, которые там были, пошли искать. И прямо напротив мой дом, напротив остановки находится. И там такой, ну как бы ров или какая-то канава была. И он валяется убитый в этой канаве и за ветками. Ну, в общем, все поняли, что украинские военные застрелили его. Это было в начале войны.

Эти украинские солдаты, которые здесь были, они нам говорили, что, мол, нам здесь дадут землю и по пять человек рабив. Я говорю: «А каких рабив?» — «Ну, вы будете на

нас работать». Вы будете работать. Они нам говорили, да. Нам, мол, обещали на Украине, землю здесь выдадут и по пять рабов нам дадут, по пять рабов дадут. Понимаете?»

Бондарь Виталий Витальевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Нас украинские военные закошмаривали, запугивали, создавали панику у людей, чтобы выезжали. Руководство наше все выехало с первых дней, бросило на произвол. Мэр отчитался, что в 2022 году здесь никого нет, полностью нет людей. Хотя здесь еще оставалось около трех тысяч.

Для того, чтобы люди уехали, ездили вокруг Угледара на пикапах и обстреливали Угледар с минометов, чтобы создать панику, чтобы люди быстрее выезжали, как можно больше. Для того, чтобы показать, что все бегут от русских.

Украинские военные воровали очень вплотную, регулярно и с удовольствием. Вывозили все, что можно. Конечно, в приоритете была бытовая техника, телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. Доходило вплоть до того, что снимали розетки, выключатели, смесители. Розетки вытаскивали, вот отбивали кафельную плитку, у кого хорошая. Плитку со стен сбивали. Умудрялись. И это отправляли через Новую почту.

Они открывали магазины в ближайших населенных пунктах. Назывались это «Товары из Донбасса». И там шла распродажа ворованного.

Автомобиль мой своровали. Этой весной звонит мне человек с Курахово. Говорит: «Я купил вашу машину, но утерял документы. Вы не могли бы мне техпаспорт при-

везти?» Я говорю: «Мало того, что и машину украли, так еще и документы отдай».

Кто звонил, говорит, приехал в ГАИ покупать. А стояло там несколько машин, моя самая лучшая была. Выглядела хорошо. Украинская милиция занималась этими делами.

А как заявление на угон подать, если тут ничего нет? Если мэр вывез все службы, милицию, больницы. Все службы, какие были. Пожарную охрану под приказ вывезли. Ребята сами еще оставались. Сами по своей инициативе до последнего, но потом все равно всех в приказном порядке вывезли. Так что у нас город остался полностью без служб и всего. Без воды с 2022 года, без газа, без света. Сидим. Что сами смогли, организовали. Так вот и выживали, что люди, как воробьи, сбивались вместе».

Каблуков Александр Владимирович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я в Угледаре с самого рождения и до сегодняшнего дня, отработал 25 лет на шахте. Где-то в январе 2023 года в соседние подъезды позаселялись украинские военные. А к концу января пришли в наш подъезд, старший ихний, и сказал: «Выселяйтесь».

Нехотя так, скрипя зубами, пришлось уходить. И перешли мы во вторую школу. Периодически наведывались в свои квартиры, по разу в неделю ходили домой. Соседние были уже вскрыты. А когда пришли еще раз за какими-то вещами, и уже наши квартиры были тоже вскрыты, все перевернуто вверх дном.

У меня телевизор пропал, роликовые коньки. У мамы, мы с мамой в соседних квартирах жили, тоже все было перевернуто. Даже на стенах в маминой квартире понаписывали нецензурные слова, обращенные к русским».

Задорожная Наталья Петровна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я в Угледаре с 1989 года. Сейчас украинские военные относились к нам по-скотски. Ничего хорошего мы от них не видели. Вечное запугивание. Когда приходят, мы сидим, как мышки-норушки. Потому что они с автоматами. От них можно, что хотите, ожидать.

Они вывозили все. Взламывали двери в квартирах. Все, что им нравилось, все с квартир вывозили. Холодильники, машины, даже детские кроватки. И детские игрушки вывозили, вещи. В общем, мародерство. Как они потом сказали, это у них не мародерство, это у них называется «добыча». Трофеи. Они их зарабатывают. Но потом эти трофеи почему-то всплывают на той стороне, на Украине. Товары из Донбасса.

Им не стыдно ничего. Стреляют лично по нас. Вот иностранные журналисты приезжают тут с капелланами. Мол, это Россия стреляла. Да мы ее еще не видели тогда. Вы посмотрите, с какой стороны стреляют. Стреляют с той стороны. Да? А там же Украина стоит. Ну, делайте вывод. Делайте вывод. Нет. Им это неинтересно.

Правда, они начинают: «Ну, скажите, вот расскажите это». Но мы рассказываем. Вы же правду все равно не пишите. Вы не рассказываете правду. Вы говорите то, что интересно вам, а не нам. А вы расскажите, чтобы люди

знали об этом. А как этим враньем заниматься? Они такие чистые, пушистые? Нет. Ничего чистого, пушистого нет.

В 2023 году, или июль, или август, приехали в нам в подвал, они здесь хотели устроить свой центр. Душевые кабинки, машинки стиральные сюда поставить, чтобы украинские солдаты ходили, купались. Журналистов были много.

Я сама не знаю, какая меня сила вынесла просто. Я вышла там, встала на дверях, на входе, сказала: «Не пущу сюда. Ты — начальник милиции, ты с автоматом? А вон мой синий дом, меня оттуда выгнали, вот я в чем стою. Хочешь ты еще из подвала нас выгнать? — А он на меня так, а я на него так. Он говорит: «Ты в Россию хочешь?» Я говорю, что Угледар — это моя родина, я, говорю, здесь жила, родилась и жила. Говорю, хочешь убить меня? Расстреляй, говорю, выводи туда и расстреливай. Я в шоке таком была: «Я вас сюда не звала».

Об украинской власти ничего хорошего не думаю. Пусть оставят нас в покое. Пусть уйдут. Пусть идут подальше. Сказать бы этой твари Зеленскому, извините за выражение: «Уйди подальше».

Потому что ВСУ убивают детей, стариков, насилуют женщин. За что? За что вы пришли, мы вас не трогали. За наш русский язык, потому что мы хотим им говорить? Мы же не хотели в Украине остаться, была своя Республика Донбасс».

Тарасенко Евгений Анатольевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«В наше убежище — подвал школы я попал в первых числах апреля 2022 года. Вот это до сих пор я здесь

два года и семь месяцев уже. Я лично свидетель — у меня дом смотрит в сторону Курахово, в сторону третьей шахты. Я на балкон выходил, и мне все видно было. По полям ВСУ машина рычит, пикап, фары включены были, видно было, что по полю едет. Остановился, «бах» — стрельнул, слышу, что в городе прилет появляется. Потом переехал он в другое поле с той стороны, «бах» — там пострелял, мне с балкона отлично было видно. Ну, кто это сделал? Позже они уже свет боялись включать, когда российские войска ближе подходили, они уже фары заклеивали. А тогда в открытую, с включенными фарами, с включенным светом ездили.

Тогда, по-моему, в Волновахе бои только начинались. В принципе, здесь и близко еще российских войск не было. А город уже был разбит хорошо.

Еще один личный мой пример. Это где-то лето, наверное, было в 2022 году. Я еще домой ходил, хотя в школе жил уже здесь, в подвале. Дома проверял квартиру еще. И иду назад, и к школе подхожу, а передо мной журналистка была такая маленькая, в очочках, а сзади нее военнослужащий украинский был в форме. И я сзади них подхожу к школе, и она с камерой поворачивается, снимает. А на улице тихо-тихо, вообще тишина, ни выстрела, ничего не было.

И украинский военнослужащий по рации: «Что-то тут тихо, ну пошумите, пошумите тут». И началось, там стрельнули, сям где-то стрельнуло, прилетело, там стрельнуло. И журналистка такая: «О майн гот, о майн гот...» — и побежала, как дунула куда-то. Военнослужащие, ты куда, ВСУшник, куда ты побежала? И она в сторону школы, о май гот, и дунула.

В 2023 году, в начале привозили нам гуманитарку, но я так понял, с какой целью. Привозили потому, чтобы ее надо было забрать и нужно было данные дать. При-

чем данные полные. И паспорт, и идентификационный номер, и номер телефона твой. И тогда они записывали по списку и давали. Примеры были такие, что хлопцы приходили забирать гуманитарку, а белый микроавтобус стоял, высматривал. И потом они выходили и цепляли, смотрели паспорта, где вы проживаете в городе, телефоны там есть у кого с собой, проверяли есть что. Я знаю, что в телефоне находили, кто смотрел российское телевидение в Интернете, где-то ВКонтакте или еще где-то какие-то видео в Телеграме, видео какие-то ДНРовские. Человек пять подписали контракт с ВСУ под угрозой — или десять лет тебе.

У нас был и «Правый сектор», а «Азов» был. Вот они самые такие мародеристые были. Как-то я слышу, в городе-то тишина полная, темно, и слышно, что двери гупают. Они ходили и громко разговаривали. Человек пять где-то приблизительно было. Громко разговаривали, квартиру взломали и выносили. Потом подошли к машине, начали колупать дверь в этой машине. Одну колупали, что-то пытались завести, не получилось, и подошли к другой.

Потом уже начали в открытую ВСУ мародерничать, где-то уже в марте 2022 года. Начали уже в открытую, днём, на пикапах. Вот так проходишь, я ещё домой тогда ходил, в квадрат заходишь, и пикап. Смотрю, ковры какие-то, матрасы, телевизоры — всё, что можно. И тянут, тянут, тянут, и не стесняются. Ну, понятно, что ты ему скажешь, человек при оружии. Выносит, выносит.

История была с моей соседкой. Я присматривал за квартирами, у меня ключи были от некоторых квартир. И связь еще была. Я с ней созванивался. Она говорила, мол, посмотри, что там, что у меня там творится. Ничего уже не было у нее. Я созвонился, говорю, что нету ничего. «Я уже поняла, — говорит, — потому что в Интернете я уже в продаже нашла свою курточку». Я говорю: «А как

ты определила, что она именно твоя?» — «Ну, у меня на рукаве царапина сильная была. А там в продаже указана курточка, еще уточнение, есть царапина на рукаве. Я по фотографиям посмотрела, точно моя курточка. Уже в Интернете мои вещи в продаже уже есть».

Задорожний Сергей Владимирович (65 лет), город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Наш город начали обстреливать, когда тут никаких российских войск не было никого, кроме ВСУ.

Когда началось, мы как раз с женой шли в центр. Когда развернулся в сторону больницы, увидел, как они пролетели — и взрыв. Мы сразу забежали в квартиру, я на балкон. Там возле больницы один был взрыв, потом второй, третий, четвертый. Я увидел, как люди оттуда начали бежать. Я жене говорю: «Побегу, может, кому-то надо помочь». Потому что оттуда бегут, а туда никто не бежит. И когда я прибежал до больницы, я увидел две машины сгоревших и четыре трупа.

Что самое интересное, солдаты, ВСУшники, они стояли в санатории. В это здание ничего не прилетело. А все взорвалось перед больницей, перед входом, и там попало где-то в трансформаторную. Я пробежал вокруг этой больницы, а там у нас заправка. Как машины стояли, под заправку заезжали, и машины так и стоят.

Прихожу домой, уже передают по новостям. Украина передает, что Россия нанесла удар по Угледару. Ну, кто тут поверит? Мы — нет. Тем более, я когда шел, ребята

тоже бежали. Они говорят, потом разговор так между... Говорят: «Какая это Россия?» Они на гаражах были. Они видели, как эти ракеты со стороны Курахово оттуда запускали, оттуда летели. Но самое интересное, за полчаса до этого, до прилета, их всех вывели оттуда. Украинских солдат. Потом приезжали корреспонденты с Украины. Они мне начали говорить, что это Россия «Смерчем» или чем обстреляла. Я им говорю: «А почему же тогда солдат вывели? За полчаса до обстрела вывели солдат. Мы видели, люди видели, откуда оно летело. Вы знаете, если бы я туда не побежал и лично не видел это все, что там ни одного солдата не было. А потом они заехали назад. Это февраль 2022 года».

Вот так начиналось. Еще не было вообще русских. Ну и пошли обстрелы. Первая школа, ходили там гуманитарку получать. Там стоит БМП, там общежитие за углом. Я как прошел, смотрю, БМПшка стоит. Что она делала? Выезжает с той стороны, стреляет на эту сторону, понимаете?

Чтобы люди из города выезжали, команда такая. БМП проезжает, то по центру станет, обстреляет туда-сюда, то с этой стороны. Это все мы видели. Люди, я думаю, вам рассказывали за эти обстрелы, как ездили по городу и обстреливали нас.

Нас фосфором обстреливали. Наутро, на следующий день или к обеду проезжают наши начальники бывшие. То Новиков проезжал, то и другие проезжают. Опять говорят, чтобы мы выезжали. И всегда корреспонденты приезжали. Ну, мы — люди такие, что им правду говорили. Они все нас подталкивают, чтобы я сказал там или кто-то, что это русские обстреляли.

Однажды приехал поляк. «Это что, русские стреляли?» Я говорю, вон оттуда стреляют. Со стороны Курахово. А теперь пойдем, я еще покажу одно такое. Пошел, показал:

«Вот смотри, дырки, откуда они летели. Так вот, с коттеджа, а на коттедже, кто там стоял? Русских тут нету, там стоял «Азов», вот эти вот баты, или как их там называли, националисты». Говорю: «Вот смотри, откуда обстреляли, оттуда обстреляли и мой дом». И мы все возмущались, неужели, говорю, обстреливают своих?

Приезжали украинские корреспонденты. Униан или что там. Бежит ко мне: «Можно у вас взять интервью?» Говорю, что нельзя. А почему, мол? Я говорю: «Потому что вы все врете. Ваши новости невозможно слушать». Говорю правду — уже потом в школу к нам не заходили.

А когда первый раз голубой дом обстреляли, мы пожар тушили. Самое интересное, ВСУшники приехали, при нас вызывают своих: «Не обстреливайте четвертый сектор, мы помогаем тушить квартиру». Понимаете?

Раз пошел в город, увидел, какие разрушения. Господи, Боже. Так это еще до активных действий русской армии. От ВСУшников город этот очень сильно пострадал. И главное, кому ни говоришь, кто приезжает, они сразу говорят: «О, так это Россия». Я им доказываю, что это не Россия. Говорю, что нету тут России, ещё нас они не обстреливали.

Как вот тут с Волновахи украинцев погнали, это орда заскочила. Орда. Я журналисту одному говорю: «Ты же все равно не напишешь. Не напишешь это. Приезжали и американцы. Я тебе говорю, а ты головой машешь. Ты же все равно это не напишешь». Что мы ни говорили, нигде не было. Ни по новостям, ни в Интернете, не было, чтобы сказали, кто нас обстреливает, кто грабит нас, кто все.

А ВСУ грабили прямо на глазах, возле подъезда машина, подъехали двое: «Машину давай». Выскакивают хозяева: «Ребята, что вы делаете? Это же наша машина». Там не было аккумулятора, уехали, приехали, аккумулятор подсадили, угнали. Очень хорошо грабили».

Голобородько Марина Владимировна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«В Угледаре я работала директором колледжа. Украинские обстрелы города начались тогда, когда о российских войсках поблизости речи ещё не могло идти. Ни о ДНР, ни о российских войсках.

24 февраля 2022 года к нам прилетела первая ракета. То есть это ещё только-только было начало Волновахи, бои в Волновахе. Здесь уже были первые обстрелы. И тогда у нас были первые погибшие. Двое погибли, были ранены еще.

С этого дня начались планомерно в одной части города, потом в другой части города обстрелы. Люди сами видели, как ехал по центру города украинский танк, остановился, повернул дуло и выстрелил в подъезд. Они просто ездили по городу, стреляли.

Они обстреливали город, ездили на пикапе, там стоял миномет, и вот он вкруговую объезжает и обстреливает. Они пугали людей, чтобы люди быстрее уезжали, освобождали им место. Ну и, собственно, меньше людей, меньше свидетелей, меньше кто скажет о том, что они видели.

Украинская администрация уехала, и здесь вообще не было никакой власти. Они выехали в первые дни буквально. Полиция, пожарные, МЧС — все уехали отсюда. Сюда заехали только украинские военные. Они и руководили.

В 2023 году у моего папы ВСУ просто угнали машину. Просто открыли и угнали. Когда перед вами стоит человек с оружием, возражать очень сложно. Мою квартиру обокрали. Даже вырезали кусочек лацкана на пиджаке, где была булавка. Я видела своими глазами состояние

алкогольного, наркотического опьянения у украинских военных. Это зрачки, это нельзя не увидеть, не заметить, дерганные были. Стреляли по окнам, они так развлекались. Мы все время старались закрываться, уходить, чтобы не попадаться на глаза.

ВСУ нас выселяли из квартир. Они не спрашивали, они говорили, мол, у вас есть там десять минут, полчаса, вы должны освободить нам квартиру, и всё. Там никто никого не спрашивал.

В нашем подвале в школе, когда начиналось всё, было 680 человек. В этом подвале. Потом постепенно люди стали выезжать, начались массовые эвакуации. Вот так по чуть-чуть, по чуть-чуть, кто-то погиб, кто-то умер собственной смертью. Те, кто были с детками, вынуждены были выезжать, потому что их тоже там заставляли эвакуироваться. Приезжали машины, там было написано «Белый ангел».

Они рассказывали о том, что если вы не выедете, то мы вывезем детей насильно, детей отберем, родителей посадим.

Ну, а наша задача здесь была — сохранить наших мужчин, и мы их прятали в подвале. У нас есть определенное место, в котором мы прятали наших мужчин. Это было все два с половиной года. Была мобилизация, пришло время, когда мы просто наших мужчин не показывали на улице вообще. В Угледаре СБУ сюда заскакивали, проверяли у нас документы, телефоны. В один из таких их заходов у нас забрали двоих мужчин, которых мы, к сожалению, не успели спрятать, они где-то служат в ВСУ.

Меня всё время терроризировали. «Ты молодая, у тебя есть образование, ты можешь работать, почему ты не выезжаешь на Украину? Если ты не сепаратистка, если ты не предатель, то почему ты тут сидишь и не выезжаешь?»

Пока здесь были мои родители и бабушка, я говорила о том, что здесь мои родители, бабушка, я их не брошу. Потом не стало бабушки, папа сильно заболел, он был вы-

нужден выехать, его прооперировали. И потом уже были моменты, когда я и сама там чаще пыталась быть невидимой, заскакивать куда-то просто, чтобы перестали доставать».

Голобородько Сергей Анатольевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я — шахтер, пенсионер, но я продолжал работать на шахте до 24 февраля 2022 года. 12 марта нас выгнали из дома. Приехали ВСУ, они бежали с Волновахи. Приехали, начали стучать в квартиры. Нам сказали: «У вас есть полчаса, собирайтесь и уходите отсюда». У соседа взломали машину.

Мы собрали вещи и пришли сюда, в школу, в подвал. ВСУ заселились в наши квартиры, занимались мародерством, забрали всю технику, фотоаппарат зеркальный, колонки, аудио- и видеоаппаратуру. То есть они все это забрали, вплоть до белья жены. Женское белье было развешано, половину они забрали.

И когда мы пришли домой, такая вот картина была. Мы заходим в комнату, а там по колено вещи. Они со шкафов всё выбрасывали на пол, что им интересно — забирали.

У нас вскрыли гараж. Украли дорогие велосипеды. В общем, всю технику, которая там стояла. Сняли с машины колеса. Разбили боковое стекло в машине. Все бардачки были открыты. В общем, багажник открыт. Зимнюю резину с подвала они вытянули из-под машины.

Еще был такой случай. Тут у нас дом рядом со школой, с подвалом. Мы его закрыли на ключ, на замок. И в какой-то момент мы услышали, что там разговор. Мы со Славиком

зашли туда, увидели двух военных. Они без оружия были. Мы спросили: «Что вы в этом доме делаете?» Они сказали: «Мы смотрим тут позиции». И быстренько убежали через окно, через первый этаж они убежали.

Буквально через день пришли человек пять, и вот они сразу подошли к закрытой двери этого подъезда, а там постоянно замок висел, и направили на него вот этот муха, или как он, гранатомет, называется? Труба вот эта, хотели взорвать ее. Мы сказали: «Что вы делаете, вот ключ, зачем?» И вот тут они начали нас тыкать автоматами, кричать: «Мы вас расстреляем» и все такое прочее. Славику порвали тогда паспорт украинский. Хотя, по сути-то, они не имели права проверять у нас паспорта. Но тут же закон не писан. Они забрали паспорта, проверили. Думали, они нас расстреляют. Мы открыли подъезд. Они пошли, лазили по квартирам там. Потом еще неоднократно приходили. Говорили: «Давайте ключи». Заходили, мы слышали, как они ломают двери, и выходили оттуда с сумкой. Вот так. Особо с нами никто не церемонился.

А еще давно парень-шахтер отдыхал как-то в кафе, зашел туда военный и начал кричать: «Слава Украине!» А он сказал: «Слава шахтерам!» И за это получил ножом, ударили в район бедра, в артерию, он истек кровью сразу просто. Этому военному ничего не было.

Когда это все началось, народу было очень много, практически пол-Угледара точно людей было еще. И тогда голове военно-гражданской администрации начали задавать вопросы. «Где военная комендатура, которая будет наводить с военными порядок и будет реагировать на их мародёрство, на их пьянство?» Но при этом он ничего не ответил и уехал.

Мирные жители говорили, что, когда с украинскими военными разговаривали, спрашивали: «Что вы делаете?» А они сказали, что ваш мэр отдал нам город и сказал, что хотите, то и делайте.

Ездил украинский джип с минометом и обстреливал город. Я так думаю, что это было специально для того, чтобы выезжало мирное население».

Лыдина Ирина Витальевна (67 лет), город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«В 2022 году от обстрела ВСУ пять человек погибли. Где-то конец марта, начало апреля.

Я шла за водой через дворы. Грохот был сумасшедший. Я смотрю, там какие-то шматки. Я думаю, собак что ли подкармливают. А там мозги, голова — там останки людей без рук, без ног. Страшно!

И быстро, пяти минут не прошло — журналисты. Белая, большая машина. Я еще удивилась, что они выходят и снимают, а у самих рот до ушей. Я еще думаю: «Господи, что ж вы улыбаетесь, если люди погибли». Такое творится в фильмах ужасов. Это очень жутко. Очень страшно.

Специально для съемок — обстрел. Все так, в общем-то, считали. Такое впечатление, как будто ВСУ чуть ли не с крыши девятиэтажки стреляли. Мгновенно разнесло эту пластмассовую бочка для воды, краник, да. Всё разнесло. Людей. Ничего не осталось.

Был наш сосед там. Я на третьем живу, они на четвёртом. Ребёнок, пять лет, спрашивает: «Папа, где папа?» Отца ребёнка, Костю убили.

Почему ВСУ так делает? Знаете, это ж, наверное, не год, не два прошло... с распада Союза все началось, что русские плохие и так далее. Американцы поджучивали.

Такие вот зверства просто ради пропаганды. Репортеры, которые приехали, они рассказывали, что это, мол, Россия сделала. Хотя своими глазами видели, сволочи.

Помню около первой школы мы получали гуманитарку. И украинский танк как влупасил. По школе стрелял. Еще в 2022 году».

Панова Светлана Геннадьевна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я в Угледаре уже 52 года. Мне было четыре годика, мама меня маленькую привезла. Шахтерам давали квартиры за полтора месяца. И вот я с Угледаром росла.

6 февраля 2023 года ВСУ запрещали в моем доме в мою квартиру мне заходить. А как же нам воду брать? У нас ничего не было. Мы жили в подвале между вторым и третьим подъездом.

А другие подъезды ВСУ заминировали. Туда нельзя ходить. Ходить только во второй и третий подъезд. Они нам: «Чего вы тут сидите? Выезжайте, это беспечно». А где беспечно? Так они и не сказали. А чтобы выехать, деньги нужны. У нас их нет. У меня документы, я работала в больнице, у меня сгорели в больнице там. У меня только паспорт.

В этот день я высыпала кушать собакам. Это было в феврале, было холодно. И слышим, как начинают камешки трещать от людей. Мы сразу в подвал зашли. От ВСУ много бед. Все проукраинцы выехали на Украину. Мы только остались тут до конца ждать своих из России. Сашка — пенсионер. Валик — пенсионер. Тот раненый. И мы три бабушки.

Наши говорят: «Кто-то лазит в подъезде». Под лестницей стояли. Там, когда стоят, слышно, что под ногами что-то трещит.

Наши курили всегда возле поддувала у печки. Я смотрю, Сашка лежит, и такой цвет. Он говорит: «Я, по-моему, умираю». Я говорю: «Как?» Я шаг-два сделала, и все, и сама вот так упала на кровать. А Сашка возле печки. Тетя Люба там с кровати упала.

Лежим, как крысы. Ты слышишь, еле губами шевелишь, но ты не можешь ничего сделать. Тетя Валя — я дотрагиваюсь до нее, она холодная. Я кричу: «Тетя Валя умерла». Мы были парализованы.

Юрка надел противогаз, догадался надеть. И он открыл дверь, воздух начал поступать, и он начал, мол, подрывайтесь, давайте на улицу. И мы уже встали, а все описаны, обкаканы. То есть, ну, мы даже не чувствовали, у нас органы вообще ничего не чувствовали. То есть мы были в шоке.

ВСУ на нас, как на подопытных кроликах, проверяли что-то. Мало того, подвал у нас хороший, тёплый. Может, выгнать еще нас хотели. Потом у нас побочка пошла, начала мышцы лица. И у собак оскал.

Потом через день зашли ВСУшники. «Сколько вас там осталось?» Говорю: «Вы же считали нас ночью». Ходили только ночью считали, где седьмой. После всего вот этого Валик ушел. Ни залетают: где седьмой, где седьмой, куда это делся? Говорим: «Да вы же знаете, инвалид, пенсионер». А давно, когда мы пошли, где был ДНД, восьмой дом — там у нас был магазинчик, там можно купить хлеб. ВСУ на танке проезжали, увидели скопление людей, развернули танк, и четыре выстрела было в дом. Содрогнулись все. Мы быстро в подвал спустились к Светке. Конечно, много осколков было. Кому в спину, кому еще...

Украинские власти говорили, мол, идите на «Вектор», для воды. Все, кому надо вода, поехали туда. И тут бабу-

лечки, все пенсионеры и молодежь. Собралось большое количество. И туда ВСУ ударили. Жесть. Людям руки-ноги поотрывало. И голову. Много пострадавших. И сразу репортеры.

ВСУ видят, что скопление людей и начинают бомбить. Туда стреляют. Допустим, привез капеллан хлеб. Это редко бывало, но привозил. Вот сюда на квадрат, впереди школы привозил. Мы идем, летит дрон ВСУ. Много сразу попадали, быстренько. Поэтому, когда приезжают, мы им говорим: «Быстренько давайте нам хлеб, воду, мы заберем». А они: «Подожди, давайте вы на камеру расскажете». — «Что вам рассказать?» — «Что это Россия все постреляла». Я говорю: «Нет». Ну, мы ж не можем им и правду сказать, потому что нас бы сразу тут и расстреляли. Нам и так вот угрожали. Так что жутковато было.

Почему по нам стреляли? Я думаю, это все нацизм. Это недобитый нацизм, который вот остался. Я вообще на русском разговариваю, на украинском я плохо разговариваю. Мне как-то было все равно: украинец ты — не украинец, там негр — не негр. А сейчас вот я украинский терпеть не могу. И я не хочу жить в Украине. Я не думала, что так буду их ненавидеть».

В каждом доме по два-три человека жили, люди не хотели выезжать, хотели остаться. А нам ВСУ постоянно говорили: «Выезжайте, выезжайте, выезжайте, вы нам мешаете.

«А что это мы вам мешаем? Мы на своей земле, минуточку. Это вы к нам пришли, разрушили все, обокрали, разбомбили, спалили хату, сделали нас бомжами».

Когда зашла Россия — это, наверное, самый счастливый в жизни моей день. Вот зашли российские хлопцы, молодые. Аж такая эйфория, земля из-под ног выходит. Вот такая вот тут радость. Я очень благодарна. Спасибо, низкий поклон всем ребятам».

Бышенко-Епифанова Ольга Ивановна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«ВСУ мародерством занимались. Я это лично видела глазами своими. У нас был дом под замком, чтобы хоть какие-то вещи у людей сохранились. Причем многие люди пооставляли вещи в надежде, что они вернутся.

ВСУ хотели сперва оружием пробить, гранатометом. Мы спросили: «Что хотите?» И они сказали: «Открывайте». Ребята открыли, они зашли с сумками, вышли с огромными сумками. Это все было настолько прямо, нагло, это было среди дня, стояли люди на улице, стирали, там, мусор выносили, заметали, в общем, неважно. Без всякого там скрывания. Они вынесли сумки, сказали: «Закрывайте теперь, все». Это было начало 23-го года.

Мы звоним родителям, и родственники же звонят, и соседи звонят, и все, все спрашивают. И я вам больше скажу: «С той стороны соседи, люди, они не верят в то, что такое происходило. Они считают, что это мы забирали вещи, это мы сидим в их вещах и все остальное. То есть это мы мародерим. Не великая... украинская армия, а это именно вот мы».

Когда люди выезжали, они свои вещи находили на рынках. Просто там аппаратуру свою и все остальное. В начале в 2022 года началась война, и потом ВСУ вообще просто КамАЗами вывозили. Не стеснялись абсолютно, холодильники и все такое. Они в гаражах создавали место, куда это сперва все свозили, а потом, видимо, когда была ротация, они это все вывозили. Это было очень нагло,

очевидно. Нам просто повезло, что мы остались все живы, потому что свидетели, как известно, долго не живут. Мы же это все видели глазами.

Но мы боялись. Мы страшно их боялись. Потому что они очень редко бывали трезвые. Было запугивание: «Мы вас всех насильно вывезем. Если только мы отсюда выйдем, мы вас всех здесь похороним». Мы с этим жили. Мы понимали, что они нас ненавидят.

Они говорили, что они будут стрелять в нас. Все два с половиной года мы жили в жутком страхе. Многие-то могут в это не поверить, потому что нам приходилось улыбаться, когда приезжали украинские волонтеры. Потому что иначе ты не получишь воды, останешься без воды, без еды или еще чего-нибудь.

Ты чувствуешь, что я не хочу жить в вашем государстве с вами, потому что вы занимаетесь насилием. Вы же понимаете, что в Украине нет варианта другого, ты делаешь либо так, как хотят они, по-другому не может быть. Если вы так не делаете, будете страдать вы, будут страдать ваши близкие.

Жители Угледара жаловались очень много на то, что приходили военные украинские, в частности, с Западной Украины, и говорили, что вы здесь жить не будете (имеется в виду Донбасс) и что мы тут будем жить. И вот это не ваша дача будет, а это уже здесь моя дача, это моя земля тут будет. И прям люди боялись этого, потому что вроде как уже их посписывали.

Они уже считали это своим. То есть по факту прямо говорили: «Это наши квартиры, наша земля там». «А люди, которые живут, те же самые дачи?» — «Нет, это будет моя дача, вот тут я буду жить. Вот в этой квартире». Не от одного и не один раз. Люди прямо переживали за то, что останутся без земли, потому что вроде как она якобы уже обещана ВСУ».

Новак Наталья Евгеньевна и ее сын Новак Сергей (19 лет), город Курахово (Донецкая Народная Республика

«У меня два сына. Сейчас старшему 22, младшему 19. Чтобы ребят не забрали в ВСУ, мы их прятали в вентиляции.

У них уже это было настолько отработано, когда украинские военные идут. И дети сразу, в чём есть, даже босиком прятались в вентиляции. И было такое, что лежали там несколько часов, пока у нас была облава и требовали документы. Людей ВСУ согнали, здесь в подвале согнали людей. И был такой момент, было так страшно. Получается, старший сын успел спрыгнуть с кровати и спрятаться, там же у нас тренажёры, и просто темно, и он спрятался. А меньший ещё нет. И украинские солдаты начали ходить с автоматами, везде проверять. А он заскочил на кровать и спрятался за одеждой. А я вижу, что он стоит. И вояка к нему идёт, и пришлось просто внимание на себя обратить, чтобы он отвернулся, чтобы он не увидел, что там стоит ребёнок. Он освещал, и он бы увидел его ноги. И потом, пока я там кричала, всякую ерунду молола, он отошёл ко мне. Я даже не знаю, как он там проскочил, меньший, как он успел, потому что потом, когда я уже смогла подойти, его не было. Я была просто в ужасе, не могла понять, куда он делся.

Он там, согнувшись, успел в темноте спрятаться в вентиляцию. Было страшно, конечно, страшно, жутко. Они лежали раздетые там три часа, дети вышли оттуда, их трясло. В футболках и с босыми ногами зимой, это же подвал. Уже холодно, поэтому это было страшно.

Я, Ольга и Марина дежурили наверху на лестнице, ну, то было и в 5, вставали и в 6, вот до 12 часов. В любую погоду мы были на дверях, как часовые. Чтобы если где-то увидеть там украинских военных, мало ли, тех же самых украинских волонтеров, то чтобы успеть предупредить. Все сразу в рассыпную. По залам побежали. Мужчин предупредить. Все в курсе, все знают. Если мужчины идут — все прячутся. Даже если волонтеры.

Приезжали к нам журналисты. Это напоминает, как на обезьянки в клетке. Ходят, снимают. Что вы снимаете? Зачем? Что вы хотите увидеть? Люди вымученные, пожилые. Было нагло вели себя. Были украинские и зарубежные.

У нас были украинские волонтёры, приезжали. Мол, мы вам будем оказывать помощь. Здесь люди живые, а не клоуны. Не надо ездить, чтобы вы себе где-то отметили галочку. Это не помощь. Были которые помогали, привозили хлеб и воду. Им большое «спасибо». А были, которые работали, я не знаю, для пиара, пиарили себя».

Голодняк Алина Петровна (74 года), город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«24 февраля 2022 года у нас начался обстрел. Украинская диверсия была. Одни считают, что украинская диверсия, а были и по-другому считали. Украина развязала всё это.

Однажды в 2022-м был комендантский час, и двое мужчин не зашли в подъезд. Я говорю: «А чего вы не зашли и двери не закрыли?» Они сказали: «Тушенку нам пообещали». А потом обстрел. Вместо тушенки полу-

чили взрыв. Мужчину насмерть убило. Он зашел только в подъезд. Меня контузило. Это на Пасху было.

Квартиру полностью разнесло. Меня, конечно, оглушило сильно всё это. Начали плакать женщины, её муж ещё там, от квартиры ничего не осталось, а мужчину убило сразу. Собачку там убило.

Обстреливают, потому что нас не любят, в сущности, в Украине. Сепарами называют. Мы в подвале уже здесь были, зашли два парня: «Шо вы тут сыдытэ? Чего мы тут за вас воевать должны сепары, ждуны?»

Мы им сказали: «Не пугайте. Что вы автоматы наставили? Здесь люди и больные». Бывало, забегали прям с автоматами, проверки устраивали. Боялись мы, конечно, всего этого».

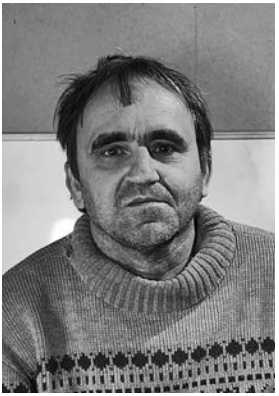
Кузичева Елена Алексеевна (73 года), город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я живу в Угледаре с 1978 года, а мне 73 года. ВСУ просто взламывали квартиры, выносилось все буквально. В общем, что они хотели, то они брали. Машины, которые стояли во дворах, все забраны.

У нас сзади дома машина, ещё советского выпуска, ВСУ не могли никак ее завести. А так ВСУ выносят, ставят вот на крыльцо стиралки, холодильники. И когда вот подъехали уже с БМП к нашему дому, я подходила. Ребята, конечно, они из Западной Украины там. Я же подошла и говорю: «Так, ребята, ну пора уже договариваться о мире». А он мне сказал, на украинском, что о мире поехал

уже Макрон договариваться с Зеленским. Я еще говорю: «При чем тут Макрон? У нас кто президент? Зеленский. Он должен...» Вы понимаете, у меня такое впечатление, что для них тут земля, а нас не существует.

Мы смотрели с окон, как ВСУ вывозили все с садика. Вот всё там, я тогда думаю: «Господи, Боже мой». Они выносили всё, и матрасики, и посуду. И много-много. И вот это вот у нас продолжалось до последнего. Я уже не знаю, что там можно с разбитых квартир выносить».



Булава Сергей Викторович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Все жители подъезда уехали. Я остался сам. В общем, я смотрел на Павловку, когда её обстреливали. Я смотрел с крыши своего дома, и меня заметили. В общем, утром в дверь постучали, я открыл двери, там военные. Сказали: «Собирайся, документы и телефон бери с собой». Они одели мне чёрный мешок на голову, чтобы я их не видел. Чтобы не видел, куда они ведут меня. Это было в начале лета 2022 года.

Они начали меня расспрашивать, почему я смотрю на Павловку. Я сказал, что там живут мама, брат, сестра. Ударили меня по ребрам очень сильно, у меня были потом синяки, долго болело одно ребро. По двум сторонам ударили. Допрашивали где-то с полдевятого утра и до часу дня. Четыре с половиной часа.

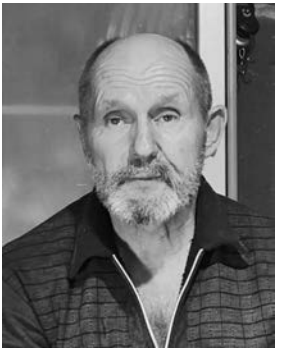
Я сказал, что я ни в чем не виноват. Я просто смотрел. Просил их, чтобы они меня отпустили. Но они сначала в одном месте допрос, потом посадили в машину, повезли

в другое место. С черным мешком. Я их не видел. Между собой они тоже не разговаривали. Недалеко от Угледара отпустили, высадили с машины. Мешок сняли и показали, рукой показали, где в сторону Угледара. Квартира была закрыта. Ключи куда-то они забрали. Я пришёл в подвал школы.

Потом пришёл, там был солдат в квартире. Я спросил: «Можно взять вещи?» Он сказал, что можно. Проверил паспорт. Я сказал, что я тут прописан, жил тут. В общем, я минут пять вещи некоторые взял и ушёл.

В октябре еще я пришел, на кухню зашел, оттуда вышел солдат и увидел, что я в квартире. Я сказал, что я тут живу, что это моя квартира. Он сказал: «У тебя пять минут взять вещи и гуманитарку». Уже в квартире не было стиральной машинки. Велосипед разобрали, колеса взяли. А потом моя квартира сгорела в декабре 2022 года».

Риман Вячеслав Эдуардович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

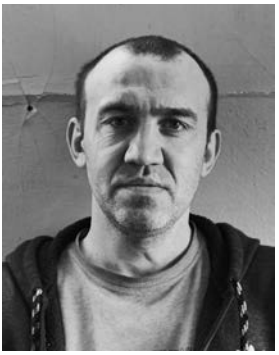


«Я шел в магазин, переходил центральную дорогу, и было три выхода миномета, и приземления были в районе нашей школы. Каждый день ВСУ по три мины выпускали, по разным точкам. У нас в школе очень много людей находилось. Крепенько раз обстреляли, 180 человек сразу уехали. Потом опять, через два дня опять сильно обстреляли. Опять еще уехали, 160 человек.

Они один день сюда, потом день по Молодежке, день по Старому поселку, день еще возле «Вектора». И все время били, когда начинали люди собираться. На «Векторе»

приходили за водой. Большое скопление людей было. 120-й миномет прилетел, очень много жертв было. Там прям кусками собирали и хоронили.

Начальник полиции сказал нам: «Выезжайте. А кто не выйдет, последний солдат будет выходить, он вас расстреляет». Были украинские военные, которые говорили: «Пошли отсюда, чтобы нас не видели». Ко мне один подходил, говорит: «Выезжать думаешь?» Я говорю, что вообще-то нет, что у меня ни пенсии, ничего. Он говорит: «Поедешь ко мне в деревню, на тарелку супа поработаешь, тарелку супа тебе всегда надо». То есть им нужны там были рабы».



Геза Виталий Сергеевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Началось это все в марте месяце 2022 года, но очень сильно активно стало в апреле 2022-го. Очень сильно активно. Ездил украинский танк в открытую и передвижной миномет. Они били по домам, не стесняясь. Мне спалили квартиру. Палили дронами. Сжигали все дома. Разбивали танками, разбивали минометом.

Еще люди даже не повыезжали, а их ВСУ уже обворовывали, вывозили КамАЗами, очень много вывозили. И по несколько раз даже приезжали к одному подъезду. Мы прекрасно видели. На наших глазах они не стеснялись. Это днем было.

А от обстрела танкового отец моего знакомого погиб. Они шли за водой, ходили на вторую школу. Там, где есть колодец, где воду набирают. И шли они, зашли уже до

подъезда, и слышно было выстрел танка. Потом свист, они были на ступеньках, на первом этаже. Три человека. Кум мой, его отец и знакомые. Это было в 2022 году.

В последнее время около поселились украинские дронщики. Мы сидели давно уже в подвале. Они перед освобождение пожгли дома. Ведь они уже все понимали и очень активно начали жечь дома. Невозможно даже потушить. Пытались, а все невозможно. Это целенаправленно просто выжигали здесь. Все целенаправленно били по домам, ездил танк. Если только услышал движение, все, можно сразу опускаться вниз. И все, поехали, не стесняясь, днем и ночью лупили по домам».

Щебельский Сергей Викторович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«У меня была история в Ольгинке в 2016 году. Я ещё машиной с бахчи арбузы привез. А потом нас обстреляли. Моя мама была, я приехал с работы к ней. У ВСУ там блокпост стоял. То ли «Айдар», то ли «Правый сектор» на трассе они стояли. И ночью что-то вышел на улицу, где-то около часа ночи, и слышу, пошли пролеты снарядов. И они что-то не поделили ВСУшники с айдаровцами или ещё с кем-то. Те брали дань с фур меньше, а «Айдар» или «Правый сектор» больше. И что-то там разногласия у них такие получились. И они давай ВСУшников обстреливать. Из Благодатного и с Новотроицкой. Вот этот блокпост, короче, обстреляли. А мы на пересечении огня были. Головы никто не поднял. Дома побили. И мы в подвале две ночи подряд.

ВСУ — мародерщики. Намародерят, а потом машина приезжает. И вечером, и ночью грузятся. Это было у нас в Угледаре сейчас. У нас по подъезду, где квартиры не открытые были, взорвали. Посмотрите, там видно всё налицо, всё взорвано. Двери. Они там взорвали, всё вывернуто, все двери.

19 апреля в 2022-м я ранение получил. ВСУшники стреляли. Мы готовили у школы. Начался прилет. Я в подъезд, я девчат успел на лестницу засунуть, а сам не успел. И осколок в руку. Миномет.

Они специально, мне так кажется, чтобы людей побольше выехало. Они тупо обстреливали город для того, чтобы выжить людей. Чем больше, тем лучше. И постоянно: «Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете?» А куда мне ехать? Ну, куда мне ехать?

Мама мне рассказала, как украинские военные ходили по улицам. И один солдат маме сказал: «У нас приказ, мы будем отходить отсюда, будем делать «черный парк» здесь». То есть стереть с лица земли»

Колтаков Степан Анатольевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я — шахтер, всю жизнь здесь живу, работаю. Украинцы всем, чем можно, было обстреливали. В 2023-м, в марте, здесь русских в помине не было. Украинские войска обстреливали минометами. Украинские войска...

В самом начале войны украинцы посмотрели, что люди не эвакуируются. Ну, не хотят уезжать, и все. И начали

минометы их. Тогда даже Волноваху еще не взяли. А украинцы нас уже бомбили минометами. Людей выгоняли таким способом. Вроде бы как зачистка, мы даже не понимали, что за зачистка. Они говорили: зачистка, зачистка, вот зачистка. Ну, а по народу передавалось все. Мы же там ходили, уже воды не было, ходили на почту, а там скважины, генераторы поставили, и весь поселок питался оттуда. И потом уже, как туда в толпу прилетело, тоже поразрывало людей. И все, перестали мы туда ходить.

Это сколько было случаев тоже? Говорят, мужики вышли, что-то курили, разговаривали. Шесть или пять мужиков. По толпе минометом. Чух! Бух! Все. Руки-ноги поотрывало мужикам. Кума убило моей мамы.

ВСУ всегда делают так. Где гуманитарка, там и лупят».

Савич Антон Владимирович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Украинцы все это время, ну, то есть была огневая, ну, то есть стреляли отовсюду. Стреляли со стороны Запада.

Обстрелы шли постоянно. Иногда даже спать было сложно, три года постоянно обстрелы. Визуально мы видели, что это были украинские националисты.

Вот здесь к крылечку школы приехала машина. Покушать там, гуманитарка, вода, крупы, каши там в коробках. Это капелланы, то есть христианских церквей. «Давайте помолимся, давайте». Машина отъехала, и тут же прилеты. Дверь железная, она вся как решето. Даже можно снять, она вся пострелена. А мы там с мужчиной часто в шахматы играли.

От снарядов, от прилетов поубивало, поразрывало местных. Вот могилы. Мы хоронили, где могли, на мусорной, где могли. Я вот лично хоронил в самом начале Руслана. Здесь Денис похоронен, потом Андрей. У Игоря тренер по борьбе, вот буквально, может, полгода назад вышел из подвала у себя там, и прилетел снаряд, и его разорвало. Руслан погиб два года назад, в самом начале, на выезде внизу, возле остановки первой шахты, там и могила.

Там бочка была, на углу «Вектора». Мы ходили за водой. Четырёх человек разорвало на куски. Мясо так валялось всё. И таких случаев, просто от снарядов, много».

Махова Вера Семеновна, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Я — жительница города Угледар с 1979 года. Работала в больнице, работала на шахте, я — медработник.

ВСУ не просто стреляли, они расстреливали город. Начали с того, что начали расстреливать город.

Как только вечер наступал, первые этажи все спали под окном, потому что спать на кровати было нельзя. ВСУ ходили по улицам и стреляли по окнам, стреляли по балконам. Все это летело в квартиры.

А потом их минометы стояли. Выезжали вечером, вывозили минометы. Вот это в одном месте станет пострелять, в другом... Ну, короче, обстреливали хорошо город. Порасстреляли все магазины по очереди. Расстреливали и все оттуда вытаскивали. Расстреливали и все вытаскивали. А потом многие жгли после.

Наши квартиры, все какие только можно, открывали топорами, открывали ломиками. У кого плохо открывались, допустим, металлические двери, ломиками ломали это все. И квартиры, и дома, и гаражи открывали и забирали все, что можно было. Все машины, какие только можно было, все подобрали. С улицы так это точно все забрали. А гаражи тоже вытаскивали так методично все это.

ВСУ забирали вещи, пересылали все. У меня знакомая на Новой почте работала. Говорила, чего только не высылали. И мебель, и машинки стиральные, и холодильники, и телевизоры, и вещи. Все, что хочешь. Такие вот разговоры.

Говорили, что на Западной Украине, матери вояк ВСУ, говорят: «Ой, такие щедрые люди на Украине, присылают нам такие подарки». Конечно, прислали. Все самое новое, все самое хорошее позабирали. Со всех домов, где только мы жили.

Мы поехали к себе на дачу. Я детям отдала квартиру, жила 20 лет на даче. Все у нас позабрали, все что только можно было. Остальные вещи пораскидали, потоптали посуду, поперебили шкафы, как топором побили.

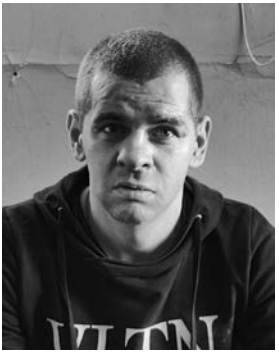
Я потом говорила кому-то из них: «Ну зачем это было делать? Ну, ладно, вы забрали что-то, но зачем было?» Ну вы же разумеете, там же рядом было окно. Так окно целое, а рядом шкафы побиты.

Привозила нам церковь то вареники, то голубцы. Раздавали в ведерках. А в последнее время к нам не стали пускать волонтеров. Сказали, что тут людей нету, нечего сюда ездить. Люди доехали, и их вернули назад. Говорят, хорошую гуманитарку везли. Наш украинский начальник милиции, полиции запретил сюда везти.

Приехали журналисты с Эстонии. Вот скажите, как это можете пробачить про жестокость, что россияне роблят. Что я буду им говорить? Как я могу сказать? Что вам

нельзя этого простить? Тут глянуть нельзя было на них как-то косо, не то, что там что-то сказать.

Задают вопросы разные каверзные. Как только начинаешь отвечать что-то такое, что им не нравится, они сразу же отключают запись. Видно, что отключают. Не снимают это. Иногда вот было такое, что мы смотрели, тогда еще Интернет был. Вот я с ними разговариваю, они меня снимают. Вопрос такой же, ответ совсем другой. Я же вижу, что я не так говорила. Как это скомбинировали, или как? Совсем другой ответ получается».



Житник Дмитрий Александрович, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Украинские военные ходили нагло с ломиками, с монтировками, ломали квартиры. У них, я не помню, кто-то из соседей спрашивал, зачем они воруют. Они говорят, что на нужды армии. Холодильники, телевизоры, стиральные машинки, пылесосы, даже вентиляторы. Зачем вентиляторы? Ходили в наглую с болгарками, они никого не стеснялись.

Один раз меня чуть не застрелили. Я живу во втором подъезде, они заезжали в первый подъезд, попросили лестницу. Лестница у нас на улице была. Они взяли лестницу, я пошел за лестницу спрашивать. Я не знаю, на каком они этаже были, но на первом этаже был. Бежит какой-то хлопчик молодой, автомат перещелкнул. И говорит, какого, ну, матом не буду ругаться: «Что ты тут делаешь? Чтоб я тебя не видел». А я зашел в подъезд, чтобы забрать свою лестницу.

Я в подъезде стоял, он со второго этажа перещелкнул автомат, выбежал и говорит: «Какого ты тут делаешь? Чтобы я тебя тут больше не видел, а то пристрелю».

Пономаренко Иван Андреевич, город Угледар (Донецкая Народная Республика)

«Мои друзья рассказывали, что ВСУ приезжали на запад города у нас, на Молодежную улицу, и стреляли в сторону Павловки, а потом разворачивали дула и стреляли по городу. По третьей школе попали пару раз. Там крыша загорелась тогда.

Российских войск тут не было близко. И после первых двух-трех месяцев Специальной военной операции первые прилеты в дома были со стороны Курахово. Это с севера. С украинской стороны, получается, прилеты. Потому что дома были побиты и все с севера. Со стороны Украины. Если по карте смотреть.

Какая-то украинская бригада военных сюда зашла. Тянули мешки с больницы с медикаментами, полные мешки. В квартирах все двери вскрывали. Они с телевизорами выходили, с холодильниками, с микроволновками. Я лично видел из четвертого этажа. Я наблюдал с балкона лично. Люди на Молодежке жили, тоже видели, как ночью приезжали пикапы ВСУ. И ночью по этажам грузили все, что можно. Это, считайте, через пару дней, когда они только выгнали людей. Через пару дней сразу пошли чистить квартиры».

ПЫТКИ И УБИЙСТВА ЗАХВАЧЕННЫХ В ПЛЕН РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Приведенные ниже факты пыток и убийств российских военнослужащих киевским режимом основаны на свидетельских показаниях освобожденных в результате официальных обменов пленными с Украиной.

Вернувшиеся из украинского плена российские военнослужащие рассказывают о зверских пытках, которым их подвергали украинские военнослужащие, сотрудники Службы безопасности Украины, а также их пособники: отрубание и просверливание конечностей и стрельба в органы тела, ущемления половых органов, пытки электротоком, прижигания раскаленными металлическими предметами, травля собаками, разнообразные удушения и использование американской пытки с помощью утопления, многодневные избиения с помощью металлических труб и тросов, палок, молотков, бит и других предметов, а также изощренные издевательства, которым они подвергались. Многие российские военнослужащие также были убиты украинскими военными уже в статусе военнопленных или умирали в результате пыток.

Показания пострадавших доказывают, что убийства пленных российских военнопленных являются постоянной практикой киевского режима. Дмитрий Рыжин свидетельствует: «Нас с Алексеем Сопрыкиным взяли в плен возле населенного пункта Песчаное. У меня было пулевое ранение, а у Алексея были множественные осколочные

ранения. Алексея безоружного расстрелял украинский боец». Российских военнослужащих расстреляли на глазах

Сергей Тарков: «Двум пацанам ещё можно было бы помочь. Я ещё успел одному ногу помочь перемотать. Украинцы прошли, расстреляли, контрольные сделали. Раненых на моих глазах добивали». Дмитрий Агашин рассказывает: «Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Пытки начались на следующий день». Сергей Левин рассказывает, что до того, как их начали пытать, один из военнопленных был убит: «Я говорю, там раненый боец. И только услышал, как его хохлы застрелили. Обнулили его. Нас вдвоем когда передали «Правому сектору», привезли на какую-то базу. Раздевайтесь, кричат, раздевайтесь. Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны». Сергей Плермутский рассказывает, что, аналогично немецко-фашистским войскам во время Великой Отечественной войны, украинские военнослужащие расстреливали раненых: «Когда меня брали в плен, хохлы расстреляли тяжелого раненого. Обнулили. Моего сослуживца. И по пути они еще одного обнулили. Он лег и говорит: «Не могу идти». А его взяли и застрелили». Сергей Беляев рассказывает: «Одного пленного хохлы добили. Обнулили. Меня цепью били. Прямо вот до сих пор слышу этот звон цепи. Глаза перемотаны. Били по голове, топтались по ноге по раненой». Андрей Малиновский говорит о том, что ВСУ не только не скрывали практику убийства российских военнопленных, но и использовали ее как одно из средств террора: «Говорили сразу конкретно, что, пока ты у нас, у украинской разведки в руках, ты еще не военнопленный, мы можем тебя обнулить прямо сейчас. То есть ты — никто, тебя не существует».

Целый ряд свидетелей, например, Александр Шурахов, доказывают, что постоянные пытки также часто

приводили к смерти российских военнослужащих: «Нам сразу всем прибывшим сказали раздеться догола и нас били плетками, палками, дубиной. Одного из нас били по голове, потом он целый день ходил, хрипел, ребра были поломаны. Утром просыпаемся, а он скончался. Его еще плеткой били, такие толстые нити, между собой связанные. Нас пытали током, присоединяли электроды к половому органу и к груди. И вот еще завязывали мешком голову и душили».

Одним из постоянных методов пыток киевского режима были пытки электротоком.

Сергей Козлов свидетельствует: «Меня украинцы на электрический стул сажали. Аккумулятор, как из машины, и электроды присоединяли к половому члену и губам. И пытали весь день. Еще меня металлическими тросами били, били мастерком по голове. Собаками травили, шрамы остались на спине».

Владимир Палицин рассказывает: «Еще на первом допросе я лишился зубов. Выбили хохлы зубы. Посадили на электрический стул. Электроды были на половом органе и на груди. Электроток пускали в трех режимах. Они «танцы» устраивали — переключали с медленного на большой ток. Я думал, у меня глаза выскочат».

О пытках электротоком, которых ему пришлось перенести, рассказывает и Александр Горий: «На электростул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне сломали». Евгений Скорлупкин говорит о том, что украинские военнослужащие не скрывали своей практики пыток и убийства пленных: «Один ВСУшник рассказывал, что электротоком — тапиком они многих пытали. Расстреливали наших пленных. Говорил, что как-то работал на лодках. Отправили его забирать наших пленных в количестве четырех

человек. Он прибыл, а отдают одного. Он спрашивает: «А где остальные?» Они говорят: «Ну, все, обнулили». Вачит Гергенов рассказывает о том, что не менее часто ВСУ использовали пытки электрошоком: «Я впервые в жизни узнал, что такое электрошокер. Жарили долго. Час с головы до ног. Тыльную сторону тела обжарили. Потом в итоге, когда в СИЗО приехали, чувствуется, что горелое мясо пахнет». Об этом говорит и Евгений Некрасов: «В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали. Стреляли в них с пистолета пьяные хохлы, колено, ноги простреливали. Напьются и давай издеваться».

Украинские военнослужащие практиковали отрезания, просверливания, прострелы конечностей и ломали пальцы российским военнослужащим. Максим Лихачев рассказывает, каким лично пыткам он подвергался: «Палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят. Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали. Собаками травили». Алексей Охотников свидетельствует: «Он мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра. Посадили на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы проволочкой тонкой и стягивали». Виталий Миленков рассказывает о том, что видел в украинском концлагере «Запад-1»: «В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили все пальцы молотками». Павел Медокс рассказывает, что такая практика киевского режима носила «обычный» характер: «В лагере люди рассказывали, кому-то гвоздь в руку вбили, кому-то пилой отрезали, кому-то руку сломали».

Евгений Бритов свидетельствует, что украинские военнослужащие практиковали пытки раскаленными предметами: «Каленым железом пытали парня. Большой гвоздь

горелкой нагревают, и на живот. Сам видел эти шрамы у Максима Циолковского. Он оставался на «Запад-1». И у него прямо видно в области живота следы от этого раскаленного гвоздя. Несколько хороших шрамов по десять сантиметров».

Еще одним распространенным средством пыток у киевского режима были разнообразные удушения, включая американскую пытку утоплением. Михаил Родионов свидетельствует: «Один допрашивал, один находился рядом и шлангом душил. Говорили, что на органы разберут меня, и тому подобное. Душили палками и палками избивали. То же самое в Харькове в тюрьме. Какой-то там был Вася — «Вася-бей». Пострадавший от киевского режима Дмитрий Рыжин упоминает об утоплении среди перечня других украинских пыток и дает свою оценку: «В СИЗО люди рассказывали многое. Кому-то отрезали пальцы. Электрические стулья применяли, топили водой. Я раньше думал, что такое может быть только в кино. Но нет, оказывается, украинская фантазия очень обширная». Андрей Бровкин рассказывает о том, чему он сам подвергался: «Наливали воду на лицо — топили. Били трубами железными, битами, которые набиты песком, резиновые дубинки. Собаки обязательно, это первым делом. Хохлы — садисты».

Целый ряд пострадавших говорят о широко практиковавшейся украинцами практике травли людей собаками. Российский военнослужащий Иван Мякишев рассказывает: «Собаки — это их излюбленная тема, по-моему. Бойцовские породы, они держат и не кормят, обозленные собаки. Еще не поменяли человека, который находится в плену. У него все ноги до сих пор гниют. Все от укусов собак. Я в лагере с человеком беседовал, которому на руку натянули жгут и затянули, пока рука не онемела, полностью не атрофировалась. Прошло уже полгода, он не может ей шевелить».

Практически все российские военнослужащие подвергались постоянным зверским избиениям как в боевых подразделениях, так и в СБУ, в СИЗО и в украинских концлагерях, а также во время перемещения по «дорогам смерти» — переездах из одного населенного пункта в другой, где машины с российскими пленными останавливались по 6—8 раз на каждом блокпосту для жестоких избиений и издевательств.

Владимир Амертинов свидетельствует: «В концлагере «Запад-4», город Львов, было порядка 800 человек. 90 % хохлы подвергали до этого пыткам. Наша группа, которая в плен попала, кого-то дубинками били, ребят некоторых на электрическом стуле пытали, собак травили на них. Они покусаны были, товарищ здесь находится, обменяли его со мной. У него после пыток собаками мизинец на правой руке не работает. Влажную тряпку на лицо, и водой поливают. Человек дышать не может просто-напросто. Их пытали в районе Суджи, в каких-то домах». Пытки продолжались и в тюрьмах, и СИЗО. Петр Бесчастный рассказывает: «В СИЗО в Виннице нас каждое утро застраивали в коридоре на стенку и давай дубинками по почкам, то дубинками, то кулаками. Потом выведут якобы погулять, загонят обратно, постояли подышали десять минут и заводят, и точно такая же процедура — опять по почкам бьют». Валерий Полат рассказывает, как их избивали на каждом блокпосту по дороге в Харьков: «Насилие сплошное, когда нас из подвала в подвал транспортировали и на блокпостах в сторону Харькова. На блокпостах с машины выкидывали и тоже киянкой и битой били. Ребра сломали».

Николай Кукушин рассказывает: «Потом в украинский концлагерь попал. В лагере хохлы что хотят, то и сделают. Заводили в комнату, отбивали. Мог и дежурный зайти тебя побить. Ногами кто-то, некоторые, инспектора их, дубинками».

Юрйи Евстигнеев рассказывает о практике обмана Красного Креста, о котором широко распространено мнение, что он поддерживает украинскую сторону: «Понятное дело, ты там не станешь говорить обо всем, что произошло, Красному Кресту. Им правду не говорят, им пленные не доверяют, потому что на Красный Крест смотрят как на протекцию украинскую. Если скажешь правду, потом могут просто убить и забить».

Вячеслав Еремин рассказывает об украинских «дорогах смерти»: «Останавливаются на блокпосту, открываются двери, эти выходят и говорят: «Это, русские». И нас начинают бить, прямо в машине, кто до кого достанет. На каждом блокпосту, пока ехали, пять-шесть блокпостов, и на каждом сильно избивали все, которые на блокпостах стояли. Безоружных людей били, которые связаны были, глаза завязаны. Кто прикладом от автомата, кто палкой. Они нас подбадривали музыкой украинской на всю громкость. Постоянный от айдаровцев поток мата, мол, вам всем все равно конец, вы все равно не жильцы, вы сдохнете».

Андрей Смирской рассказывает, как его пытали в Харьковском СИЗО — прострелили ногу и подвергали постоянным избиениям в течение месяца, некоторых людей убивали на его глазах: «Когда в яме был, очень сильно били. Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке. Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были. Ногу мне прострелили два раза при пытках с пистолета.

Заходили, у них не было ни шевронов, здоровые дядьки накачанные, просто избивали всех. Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти. Это происходило на протяжении месяца и недели — пытали, избивали».

Михаил Родионов приводит перечень пыток и издевательств, о которых рассказывали российские военнопленные в украинском концлагере: «В концлагере люди рассказывали, как гениталии угрожали отрезать, одному стопу просверлили, ногу просверлили. Били палками, железными прутьями, железными трубами, дубинками по рукам, руки отбивали, ломали кисти. По два человека избивали и заставляли, чтобы они друг друга описали».

Роман Четников свидетельствует: «В настоящее время в украинском концлагере «Запад-1» во Львове находится военнопленный Артем Евгеньевич Самойлов. У него хохлы вырезали свастику».

Особо жестоким пыткам с украинской стороны подвергались буряты, якуты, жители Крыма, ДНР, ЛНР, а также бывшие бойцы «Вагнера» и действующие «Ахмата».

Василий Свечников свидетельствует: «Хохлы нам сказали, что мы — якуты, «а якутов мы ненавидим». Поэтому нас били. Били по спине, по голове, по ногам. Потому, что мы — якуты. Потом в Харькове тоже били. Потом в больнице тоже издевались».

Российские военнослужащие рассказывают о случаях разнообразных проявлений садизма и издевательств, широко распространенных у киевского режима. Владимир Палицин свидетельствует: «Одного хохла с прутом, с бородой не забуду. Он меня бьет прутом по груди и по шее. Он меня просто лупит и улыбается. Он счастлив». Вачит Гергенов рассказывает: «Хохлы фотографировали друг друга со мной, били и потом через Интернет, через WhatsApp пересылали: «Прикиньте, мы бурята поймали». Говорили мне: «Давай нож под ребро посадим, половые органы отрежем, анальное отверстие запеним».

Алексей Охотников свидетельствует: «Заставляли делать какие-то поздравления. Я, мол, такой-то, поздравляю вас с днём рождения, желаю там и так далее... Посадили

на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы проволочкой и стягивали. Там по пояс только снимали, потому что дальше-то голый сидел уже». Евгений Скорлупкин рассказывает: «Привезли на подвал, к нам специально обученный хохол ездил. Позывной его «Фунтик». Руками, ногами, четыре шлангами, полипропиленовыми трубами, электрошокером нас пытал.

Первые месяцев пять через день ездил. Он от пыток получал несказанное удовольствие. Он пытался нас воспитывать. «Учите гимн украинский, учите стишки украинские». На бумажечке на украинском языке раздавал. Если не помнили — пытал».

Вячеслав Еремин также рассказывает, как российских военнопленных пытками заставляли учить гимн Украины и гимн «Азова»: «Включали гимн «Азова», ставили на колени и избивали. Глаза закрыты были, руки были завязаны. Избивали долго, до утра почти, всю ночь. Включали гимн Украины, если не повторил, тебя бьют, пока ты не выучишь. Слово перепутал — начинают убивать опять».

Постоянной практикой киевского режима также были пытки российских военнослужащих со стороны украинских врачей. Опрошенные массово свидетельствуют о такого рода проявлениях садизма со стороны украинских врачей, как операции и манипуляции без наркоза и обезболивания на российских военнопленных, аналогично экспериментам нацистского доктора Менгеле в лагере Освенцим.

Матвей Анеоргин рассказывает, как его резали по живому: «Привезли в больницу в Краматорск, и врач на живую начал вырезать просто куски мяса. Без обезболивания, без лекарственных препаратов. Украинский врач говорил: «С чего мы вообще вас будем лечить?» В глаз мне ударил. И он и резал по живому, по мясу».

Николай Хмелев говорит о том, что во время пыток украинская медсестра смотрела ему в глаза: «Когда меня

привезли в больницу, там украинская медсестра надела перчатки и просто засовывала свой палец указательный в шею, в дырку и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала. У меня дырка была в шее где-то с палец. Она просто палец засовывала и ковырялась без обезболивания. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза. Это в Запорожье было. Потом просто полили водой и забинтовали».

Федор Чугуров рассказывает: «Мне и двум другим пленным битой ноги сломали. Без обезболивания, на живую осколки вытащили с ноги. От врачей слышал матные ругательства в свой адрес, и по ноге пинали по больной. Издевались и на телефон снимали». Юрий Евстигнеев говорит о том, что врачи намеренно делали больнее во время медицинских манипуляций: «В Харькове в тюрьме врачи делали свою работу, но специально, чтобы это было больно. У меня колено распухло, и они ножницами прямо по живому. Они говорили при этом: «Что, больно там?»

Евгений Бритов на собственном опыте свидетельствует: «Людям при перевязке украинские врачи просто ланцеты в рану засовывали и проворачивали несколько раз. Когда мне бинты снимали, врач в раздробленный палец упирался ножницами на излом и с удовольствием все это делал. Причинял физическую боль. Ему это нравилось».

Пыткам со стороны украинских врачей подвергся и Максим Легких: «В Киеве я на себе испытал: украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали. Меня держали пять парней и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги, это все повторялось раз в раз без обезболивающего. Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются. Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

В Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными указывается: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции» (статья 13 раздела II), а также: «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным» (статья 17 раздела III). Зверства киевского режима по отношению к российским военнопленным являются грубыми нарушениями Женевских конвенций и военными преступлениями, которые не знают срока давности.

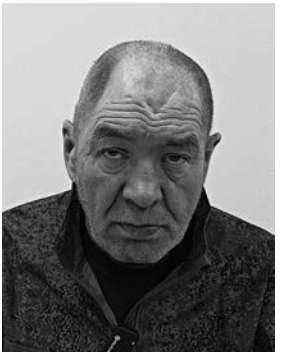
Лихачев Максим Владимирович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Меня подняли, я чувствую, что у меня идет кровь. Меня начали обыскивать. Я вспомнил, что у меня телефон, что я его не выкинул. Говорит: «Что в телефоне?» Я в это время понимаю, что там есть карта моей стартовой позиции, где у нас находится еще 25 человек, откуда мы стартуем, ну, по пять-шесть человек. И конечная точка. Между ними еще несколько точек. Я понимаю, что, если сейчас на нее выводит телефон, это все. Я выхватываю телефон и разбиваю его в брусчатку.

Ну и результат. Палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят.

Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали. Собаками травили. Это «Азов» и «Кракен». Собаки рвали нас. Два ротвейлера. Федя и Рокси их клички. То есть собаки тебя рвут. Час они тебя рвут. Делать ничего не можешь. Единственное, чтобы в горло не вцепились. Потом был электрический стул, шрамы, то есть от электрического стула ожоги. Сюда подцепляется клемма, вторая подцепляется к шее. Генератор, станция, которая дает 220. Ребра у меня три сломанных. Спустя три дня они поняли, что я уже умираю, что все, я не вздохну, ничего не могу. Завязали глаза и увезли меня, получается, на Харьков. И там мне сразу же сказали, что проткнули мне иглу, выкачали кровь, дали бутылку с трубкой и сказали, мол, хочешь жить, не вздумай убирать, задохнешься. Теперь с этой бутылкой, то есть в багажнике со сломанными ребрами, я ехал до самого Днепропетровска, до больницы».

Гурий Александр Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам



«Меня ВСУ увезли где-то в лес. Завели в блиндаж. Там подошел мужик, и говорит: «Кто это?» Ему говорят, мол русский «Горий». А он: «Фамилия наша, украинская. Что, он против нас?» На электростул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне сломали.

Я слышал, пока другого пытали, он кричал сильно. Потом узнал, что это мужик, который заходит, его зовут

Сан Саныч. Он как хозяин этого места, где пытали нас, специалист по пыткам. Потом увезли в Харьков. В камере рассказывали, как на спине гвоздем флаг русский сделали человеку. Потом посидел в Киеве. Там в Киеве бабка была, не бабка, а изверг, что тот гестаповец. Ну, она медиком была. Она когда ранами занималась, наоборот, больнее делала».

Ерохин Геннадий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

На фото председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов М.С. Григорьев опрашивает пострадавшего от украинских пыток Г.В. Ерохина

«Меня взяли в плен ночью. Этой же ночью отвезли в село какое-то, глаза были завязаны. Приехала украинская контрразведка, начался допрос. Привязали провода, правая рука, левая нога, и на протяжении трех часов били током. Когда валялся на полу, избивали дубинкой.

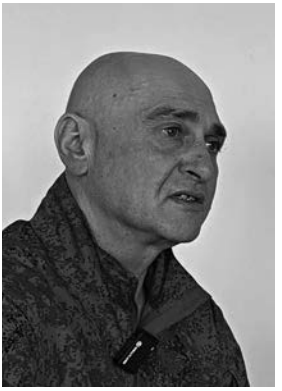
Пару дней просидел в ямах. Потом, когда повезли в тюрьму, с утра до вечера нас свозили. 24 человека свозили на протяжении дня.

И вот на протяжении этого дня всё время избивали. Палка, труба. Металлические трубы. В основном по голове, руки, ноги. Сидели связанные, завязанные глаза. Пакеты на голову надевали, душили.

Пока везли, нас три раза пересаживали с машины в машину, во время пересадки избивали, тоже глаза были завязаны, слышал свист, я понял, ремень или веревка, на конце железка. Вот остался у меня след, перелом кости, били по коленям и по рукам в основном.

В СИЗО парни рассказывали, им хохлы прокалывали спицей, шилом около коленей. Такие еще были пытки».

Еремин Вячеслав Вячеславович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам



«Я был в подвале у бригады «Азова» на заводе. Откуда знаю, что «Азов»? Глаза завязанные были, но они часто включали гимн «Азова» в вечернее время суток. Охранники были пьяные. Включали гимн «Азова», ставили на колени и избивали. Глаза закрыты были, руки были завязаны. Избивали долго, до утра почти, всю ночь. Там же выпивали. По нам они отрабатывали удары, а потом опять шли и выпивали. В это время я или валялся, или ставили нас на колени. Пленных восемь человек было. Всех поочередно били.

Хотели мне отрезать половые органы. Завели «болгарку» и порезали ногу мне, прямо возле. Прямо хорошо зацепили. Шрам остался.

Пытали током. Привязывали провода на пальцы, обливали водой. Тапиком. У меня сердце остановилось. Потерял сознание, я открыл глаза в мешке, в черный меня упаковали. Не должен был открыть, но открыл. Я уже в мешке лежал, а потом, видать, сердце заработало. Я помню кадры, кадры включаются, выключаются. Сутки я рыгал, не поднимался. Потом вывели, поставили на колени. Достали пистолет и резко выстрелили. И это все фиксировалось на камеру. Эту фотографию они отправили моей матери.

Очень сильно пытали ДНРовцев. Очень сильно. Их током забивали до бессознания и потом куда-то увозили. Ну, обнулять. Потом я встретил несколько человек там. А кого-то, думаю, убили.

Один упал и больше не вставал, упал прямо лицом об пол, они думали, что он шутит, подняли его еще, крутанули током, он упал и больше не вставал.

«Русским, — нам сказали, — вам повезло, потому что нам нужен обменный фонд. Если вы тут не сдохнете от того, что мы с вами делаем». Я там пробыл 16 дней. Глаза завязаны, не кормили. 16 дней вообще не давали никому. Потом дали нам какие-то два печенья. И я понял, что нас увезут на обмен.

Они включают гимн Украины, если не повторил, тебя бьют, пока ты не выучишь. На телефоне его. Он проиграл, допустим, куплет. Он выключает, должны повторить. Если не повторяешь, они начинают убивать. Опять включает. Слово перепутал — начинают убивать опять.

Мне очень часто включали гимн «Азова». Один поставил меня на колени и просто отрабатывал на мне удар. Становился, руку к груди свою, постоял молча, я стоял на коленях, и потом он начинал меня бить ногами, руками.

Когда мы приехали в концлагерь, один вышел и громко сказал: «Вы приехали к бандеровцам, теперь вы узнаете, что такое Бандера». Я запомнил это на всю жизнь. И все 19 месяцев я был именно там, где себя считают детьми Бандеры. В лагере там все стены, фотографии обвешаны Бандерой и Шухевичем. Даже в этом лагере «Запад-1» все стены в них. Идешь, там 100-метровка перед столовой, там все стены, все там Бандера и Шухевич. И фашистские знаки — все висит на стенах. Это — гордость их».

Курцев Александр Викторович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Нас построили, раздели до трусов. Приехали молодые люди в непонятной форме, и там просто они нас избивали. Меня вот лично искусал ротвейлер. На всю жизнь запомню, собаку звали Федя. Еще была Рокси, ротвейлер поменьше. Вот они меня рвали на части.

А мы были в трусах одних. Вот у меня от клыков следы. Он меня насквозь до кости прокусывал. Потом нас избивали битой алюминиевой, она была набита песком. То есть такой массивный инструмент.

Вспоминаю, один из пленных был молодой человек с Одессы. Ну, видно, когда конфликт еще начинался, в каком-то году они, наверное, с семьей переехали. И украинцы узнали, что он с Одессы. Начали очень сильно его бить. У него кровь просто шла фонтаном. Потом я его уже не видел.

Потом одного нашего я лично видел, он снял футболку, у него была иссечена вся спина. Кнутом его сильно били до костей. То есть там просто выскакивало у него мясо. Леша его звали, ну, 25 лет от силы. Человек был в подвале 20 дней до СИЗО, его бросят в подвал, вытащат, сильно избивают, потом бросают, и так каждые четыре часа. Вот он 20 дней в такой жизни просуществовал, не знаю, как выжил».

Кошелев Дмитрий Николаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В плену завязали глаза, связали руки, привезли в подвал. Начали избивать, били по голове. Чем, то ли арматурой, то ли прикладами, — непонятно. Шрамы до сих пор остались, даже еще не зажили толком на голове.

Наручники пристегивали и на цепь подвешивали под своим весом, ты вот так висел на руках. Висел, пока до костей не прорезало наручниками мясо.

Потом раздели догола, поставили на колени в вольер собачий на улице. Это был ноябрь месяц, уже было холодно. Мы голые на коленях стояли в вольере, головой вниз до утра.

Потом увезли, посадили нас в подвал и первые четверо суток просто убивали. То есть кто-то зашел — бам, вопрос задают, тут же бьют. Кувалдой в грудь били, по плечам. Кувалда такая с ручкой, деревянная ручка, большая такая железная кувалда. На коленях стоишь, а тебе с размаха кувалдой в грудь, по спине. А мы на коленях стоим. Потом отвезли на другую яму, били. Когда там заходили, надо было кричать «Слава Украине!», заставляли, если

не будешь кричать, тебя били по голове опять железяками какими-то. То есть там нас сидело 21 человек, подвал 4х4, земляной подвал. На пятые сутки первый раз покормили.

Потом поехали на Харьков, на тюрьму, на СИЗО. Опера местной тюрьмы нас полностью всю камеру выдергивали и пьяные нас били кулаками и ведрами, залитыми цементом. Потом сказали: «Мой пол от крови». Это было за день до приезда Красного Креста туда.

Они прямо утром перед Красным Крестом открывают камеру и говорят: «Ну что, ты будешь языком лишнее говорить или нет?» Ну, сами понимаете, если ты скажешь лишнее, тебя убьют просто, и все».

Малиновский Андрей Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда взяли нас в плен, перевязали руки не как обычно там, ну, веревкой или скотчем, а перемотали руки жгутом то есть, и на протяжении где-то около часов шести не ослабляли, руки немели, я их упрашивал, они просто смеялись. Мог руки потерять, но их это не останавливало.

Потом они засунули тротила в бронежилет мне. «Все, короче, ты идешь с нами на точку. Будут ваши стрелять, если тебя не зацепят, тогда я нажму кнопочку и тебя разнесет».

Он говорит: «Ты не думай, что так быстро умрешь». Укололи каким-то уколом и сказали: «Ты будешь чувствовать, прочувствуешь эту боль на себе всю. Ты умирать будешь долго очень». Не знаю, что они мне вкололи.

Говорят, как их пропаганда: «Вы — кацапы и пришли убивать наших детей». Я говорю: «Никаких детей мы не убиваем, потому что у нас написано в контракте, что противоправные действия, то есть которые попадают под юрисдикцию закона нашего государства, то есть, если мы нарушаем закон, мы несем ответственность уголовную.

Мирных граждан мы не приходим убивать ни в коем случае. Мы воюем против банд-формирований ваших», — я им это сказал. Был избит, удары были как ломом либо кувалдой какой-то, били с такой силой.

С глазом это у меня ранение, кассета взорвалась рядом. Украинский хирург мне там пошутил. Я ему говорю: «Вот у меня глаз, посмотрите», а он сказал: «Я сейчас ударю тебя по другой стороне, у тебя такой же будет».

Операцию мне без наркоза делал абсолютно. Удаление осколков, отщепление мертвых тканей, это все вырывалось, все без наркоза. Это ужасная боль. Украинский врач говорил: «Ненавижу».

И когда он мне последнюю делал перевязку, он снял повязки и намазал мне зеленкой открытую рану. У меня зашито здесь тоже, полностью все перешито. То есть приподнял мне губу и зеленкой там еще намазал. Ну то есть издеваются, как могут. Пугали, что половые органы отрежут».

Анеоргин Матвей Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Сразу начали избивать. ВСУ думали, что я — бурят. Говорили: «Сейчас мы тебе там голову отрежем». Сказали, что тебя сейчас вот

обнулим, ты как бы не нужен. Начали они связываться с командованием, как я понял, ну, что со мной делать? Или убивать, или нет. Потом отвезли в деревушку небольшую на Соледарском направлении. Там тоже избивать начали. Я сказал, что я был в подразделении ЧВК «Ветеранов», а они ЧВКшников живыми не брали, потому что они не давали им прохода. Наши не отступали, а стояли на месте и отражали атаки ВСУшников. Ну, из-за этого они убивали сразу ЧВКшников. Даже раненых, они их тоже расстреливают, добивали.

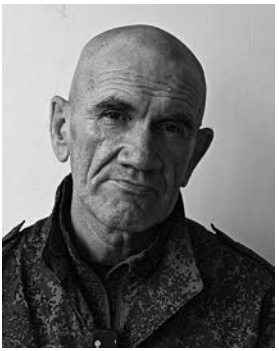
Командование, я как понял, не сказало убивать, и они начали с волонтерами какими-то связываться, здесь военнопленные, все такое, за деньги, что-то они начали говорить. Потом сказали, ты, типа, нужен на обменный фонд.

Меня вывезли в сторону Краматорска в гараж, где были СБУшники. Сначала они меня избили. У меня ранения на ногах были, они пинали мне по ранам. Потом СБУ перевезло меня в другой гараж, где следаки их приезжали, командование из других подразделений приезжало. Там, в этом гараже, киянкой мне тоже по ногам били, ну, по местам ранений. Сказали: «Все, короче, если ты несговорчивый, тебя сегодня просто обнулят». Как я только с машины, меня с ног сбили и начали запинывать прямо на дороге. Проезжали другие машины, ну и снимали, как меня избивают. В основном били по голове, по сердцу.

Когда меня избитого уже закинули в пикап, в багажник, двое сели впереди. Они начали избивать в эту всю дорогу. Ножом по голове били. Когда у меня кровь шла, они наматывали скотч. Потом, когда опять начинали избивать, у меня опять новые раны появлялись. Ну, сверху того скотча и опять скотч. Ну и каждый там блокпосты проезжали. На каждом блокпосту тоже били. Заставляли кричать «Слава Украине!». Открывается дверь, все, ноги

полетели, тебя запинывают. Ты не видишь просто, у тебя глаза все закрыты, руки застегнуты сзади. Все, тебя запинывали. Ну, в основном, в голову били.

В СИЗО они зафиксировали ранения и сказали, что Красному Кресту должен говорить, что это на поле боя были получены ранения».



Охотников Алексей Борисович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Допрашивала нас какая-то женщина, за 30 лет. У нее еще есть ребенок, она частенько созванивалась с ребенком. Постоянно говорила, что нужно физическую силу с вами использовать. Она из СБУ. Говорила, что нужны меры физического воздействия. Зашел командир роты и мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра.

А она сидела рядышком и руководила пытками. А между пытками созванивалась с ребенком. Потом заставляли давать какие-то поздравления, это в течение недели это все происходило. На украинском было написано, что говорить. Они же видео снимают по пояс, и смысл текста, я, мол такой-то, поздравляю вас с днем рождения, желаю там и так далее.

Эта женщина из СБУ заставила еще меня сделать видеозапись, что, мол, русские парни — сдавайтесь. Посадили на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы проволочкой и стягивали.

Под конец я уже не выдержал, я, можно сказать, ревел. Пытал вот этот командир роты. Он сбоку сидел, его не было видно в телефон. Там по пояс только поснимали, потому что дальше-то я голый сидел уже».

Ключай Александр Николаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда меня пытали, мне переломали ноги в двух местах. Сначала одного пытали, мы слышали, как его избивали, то есть крики, оры, это, наверное, было сделано для нас, чтобы мы понимали, что нас ждет то же самое. А потом прошел мимо нас хохол, держал в руке биту металлическую. Прошел в одну сторону, по удару нам сделал, именно в одно и то же место, ему и мне, в ногу под коленную чашечку. Ну, нога сразу хрустнула и одинаковые переломы на одинаковую ногу. То есть навык у него был, видимо. Бита сама по себе очень такая нестандартная бита. Именно для пыток, я понимаю. Песок или стержень какой-то металлический внутри был. Мне ее потом дали отмыть от крови. Это на меня психологическое давление было, чтобы я понимал, что меня дальше может ждать. Он мне дал после этого биту отмыть и сказал: «Я завтра приеду». Он привез пистолет, нам сказал: «Нам трое не нужны, нам надо два человека. Выбирайте, кто из вас обнулится сам». Ну, сами, типа, выбирайте. Ну, как можно это сделать? Тебе сказать, давай ты или я, что ли? Давление такое у них психологическое. Хорошо, нас утром рано погрузили, увезли на другое место.

Человек со мной сидел, Борис Андреевич Стополянский. Его на первой линии хохлы долго держали. У него одна нога в осколках вся была, а бегал босиком. То есть он пробегал — минные поля разминировал на протяжении месяца, пока его не отвезли дальше. В украинском госпитале человек умер при мне. Его когда привезли, он полностью как мясо был. Ну, ходячий труп был. И просто он лёг на пол, захрипел и умер. Никто никакой помощи не оказывал. Врачи украинские подошли, посмотрели. Ну, шевелится, ушли — он умер».

Милюков Виталий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда привезли в подвал, начали избивать. Специально пинали по рукам — у меня ранение пальца было, осколки в кости, нервы перебиты. Обливали водой холодной, там дубак конкретный, и тебя просто водой холодной специально.

Глаза завязаны, слышишь: «Ты, тварь, завалить тебя». Потом нас передали. Тоже глаза завязаны постоянно, уже наручники надели. Потом снова передали каким-то еще людям. Вдоль дороги вытащили, потому что до трассы была слышна трасса машины. Начали трубой бить, часов пять, наверное, прямо на этой трассе провалялись. Видимо, чтобы видели, может, украинские жители, что пленных взяли. Там говорили: «Вот минное поле, давай вас на минное поле, кто выживет».

Потом привезли нас уже на концлагерь «Запад-1». В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили

все пальцы молотками. У него мякоть прямо там на ноге была. Ему не оказывали вообще никакую медпомощь.

В дальнейшем ему ампутировали все пальцы на ноге, потому что там без выхода было — у него загноилось уже все. И вот он ходил с обрезанными пальцами, заставляли ходить».

Альвахарчиев Камил Хасбулаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«ВСУшник начал издеваться над моей раной. Ну, пуля там. Издевался он над этим. Ну, вот так растаскивал это и даже плюнул потом туда.

А допрашивал меня из «Кракена» крымский татарин. Он начал мне говорить: «Вот, ты мусульманин, ты должен убивать русских». Я говорю, как покойный Расул Гамзатов сказал: «Я — аварец в Дагестане, дагестанец по всей России, а за пределы России я — русский».

Они начали битами бить меня. По ногам там, туда-сюда. Ну, как хотели, так и издевались. Я не помню, сколько дней, трое суток, четверо суток я был там.

Они мне говорят, что я продался. Я говорю: «Я не продался, это моя родина. Мое государство. Мой президент».

Однажды одного молодого на колени поставили и меня на колени поставили. Потом повалили меня. ВСУшник мне на ногу наступил и говорит: «Это старая орка. Его будем сейчас разрывать». Потом один еще говорит: «Можно я... Я еще русских не трогал». Сам хохол, козел. Подошел,

ударил меня кулаком и отскочил. Я же орка, страх, видимо, у него.

Потом этот опять положил меня, наступил на меня. И мне показалось, что половина иностранцев там.

Потом привезли в харьковское СИЗО. Потом там этот, который нас привел, укроп, он порезал ленты, что мы связаны были. «Снимите ленты, шапки снимите сами», — говорит. Я снимаю, и с машины же вылез, вот так смотрю, там написано на хохлянском, червоный крест. Красный Крест. Этот сотрудник Красного Креста, он меня, оказывается, бил. Хохол. Паскуда эта. Я просто на него посмотрел и сказал, что мы же, мол, можем еще встретиться.

И в СИЗО у них приемка хорошая, там было, типа, я ахматовец, и били. Били, кто проходил. Били палками.

У меня пуля тут и осколки тут. Я не могу руку выгнуть. И нога у меня раненая. Я врачам говорю: «Надо пулю вытащить».

А она мне сказала: «Русские пусть вытащат». В итоге на хрен послали меня. Ударили. Потом я говорю: «Дайте лекарство». Ничего не давали. Восемь дней я в камере лежал как мертвый. Сорок человек в камере.

Там был один паскуда. Тварь конченая. Его зовут Ярик, Ярослав. Это бывший сотрудник полиции города Твери. Он убил кого-то. Типа посадили на десять лет, но не отсидел столько и сдался хохлам без единой царапины. Он издевался над ранеными, бил.

Там врачи, их врачи приходят, молодые девчата. У меня нога раненая, и по ноге одна бьет. Это врач бьет. Железная какая-то херня. Я смотрю, а она бьет.

Одна лишь единственная из врачей была нормальная. Она хотела ногу обработать. И вот эти, которые были там охранники, за руку ее взял, что-то сказал ей на ихнем языке, типа пошла на... отсюда. Врачихе сказали».

Корольков Евгений Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Приехали парни в масках на джипе, нас забрали. Сразу нас в один дом привезли, типа как сарай не сарай, начали там: «Вставай на колени». На что, конечно, был отказ, поставили в наглую, уже через силу. Били палками, когда уже повалили, начали топтаться по ранам конкретно.

Видно же им, одежда была разорвана, кровь идет, хоть и был пережгутован. Хохол прямо ногой встает и крутит прямо в берцах, прямо по ране, на грудь всяко-разно там скачет, прыгает туда-сюда.

И вот так вот получалось у нас, только за один день мы сменили четыре места, и в каждом месте они все это делают и все снимают на видео. Снимали избиения.

А потом стали просить поздравить свою маму там, родственника. Мы в крови, руки скотчем перемотаны, все стоишь. Он говорит, вот там, мол, скажи то, скажи это. Поздравь, у меня там у брата день рождения. Такое ощущение, как будто у них всех в один день сразу день рождения, всех, кто был, заставлял. Маме скажи: «Поздравляю! Слава Украине». Я даже не понимаю, для чего они это снимали.

Вот эти три дня нас мотали по всем хатам, били, сорвали цепочку с крестом, запихали в рот и били просто в челюсть. Говорили, чтобы жрать свой крест, а зубы крошились. Долбили конкретно за то, что ты типа крест носишь. Все эти издевательства были.

Потом нас привезли на дом в СБУ. Были три человека, один записывал на компьютере ответы. Они в масках.

Один записывал на компьютере, двое вопросы задавали. «Слышите, — говорят, — как кричат люди тут?» Ну и по нам применяли электрошокер, дубинки. Вот они по очереди, вот каждому, вот. И все так вот проходили по кругу. И привезли четвертого еще с нами, и они его сильно отмутузили так. Он весь был синий, весь в кровище, сидел в одних трусах. Я не знаю, за что его отмутузили так.

Как мы уже узнали, его потом увезли в госпиталь. И ему после всего этого там ампутировали ноги. Понятно, что в СБУ отбили ему все, что есть.

Потом повезли уже на СИЗО, это в Орехово. Привезли в госпиталь осмотреть, сказали: «Лишнее ничего не говорить, в глаза никому не смотреть, смотреть в пол». Завели. Медики говорят: «Все, пойдут, можно содержать их в СИЗО». И все, короче, отпихнулись, ничего не сказали, независимо что там есть в ранах, есть осколки, нет осколков. Потом нас, как котят, шмотали по этому уазику, закинули, выкинули. Руки все связаны, это все плашмя на асфальт».

Мацнев Александр Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В плену украинцы хотели мне палец отрезать. Хотели расстрелять. Сначала в пикап какой-то посадили, повезли на химзавод. Там допросили, загрузили обратно в пикап, ехали по дороге, глаза были завязаны, остановилась машина, нас выкинули с машины, к дереву приставили. В ВСУ женщина была, она отвела второго пленного, с кем я был, в сторону,

и застрелила. Подошла ко мне, начала тоже стрелять, но стреляла в сторону. По-всякому меня обзывала. Когда пацана она убила, меня одного закинули в пикап, привезли в какой-то дом. Я раненый был, открытый перелом. Палец мне прострелили. Начали электрошокером бить, потом палками, трубой.

Потом утром меня в машину загрузили, глаза завязали. На какое-то СИЗО привезли. В камеру меня забросили. Один зашел, начал обзывать, вышел и заходит с бруском и начал бить по голове. Потом он снова вышел, затащил трубу пластмассовую, начал трубой бить.

Наш один потом мне рассказывал, как ему украинцы ножом палец отрезали и электротоком пытали».

Чулаевский Виталий Константинович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Пытки начались уже на Сумской границе, когда меня привезли, в яму посадили. А потом уже начались допросы и били током по очереди. Потом били ногами, руками. Руки при этом связаны. Были ребра перебиты, зубы выбиты.

Потом в соседнее помещение перевели. Там наши с 9-го полка, двое тоже сидели. Вместе все прошли. Их тоже били. Ночами пытки продолжались, людей подвешивали и били цепями, палками. «Вагнеров» искали. У людей забирали телефоны, избивали, чтобы залезть в телефон, все аккаунты, доступ к картам, к соцсетям. Сидели люди, уже на компьютере пробивали.

Я слышал, там они «Вагнера» одного вычислили, в общем, больше этого парня не видел. Потом меня увезли на СИЗО».

Еремин Виталий Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Попал я после ранения в подвал. Нас только привезли, когда эти укропы нас забрали. Приехала какая-то машина, «Брэдли» не «Брэдли», типа броневичок. Сидела там женщина. По говору она была то ли полячка, то ли еще кто-то. Привезли. Только как нас привезли, один меня взял, ну здоровый такой, и с багажника выкинул, я метров шесть, наверное, пролетел. Я понял, что, короче, попал, будет кино.

Кинули в подвал. Потом с подвала вытянули, ну, с погреба сырого. Позвали медика, пацан как бы молодой, высокий такой пришел. Он говорит: «Я медик, давай тебя посмотрим, ранение не ранение».

Я ему показываю, тут в районе сердца, он берет вот эти гнутые, как пинцет. Полез туда, ковырялся, ковырял, достал маленький осколок от кассеты. Потом засунул и начал еще кругов десять, я корчился от боли. Сзади стоял с автоматом коротким, такой в годах мужичок, говорит: «Пискнешь, прибьем». Вижу, он кожу эту аж оттянул, полез тут, тоже осколок. Короче, я сознание потерял, вот так два раза было.

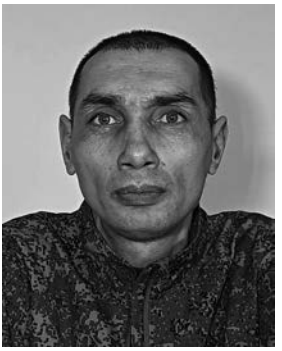
Я ему говорю: «Что там достал?» Он говорит: «Я там, если бы ты не упал, я бы достал. Хочешь еще, тогда достанем».

«Все, — я говорю, — ничего я не хочу». Походу, горячий он туда осколок заскочил.

Как бы сильно помощи он не хотел оказывать. Видно, что глаза горят, дурной глаз, ему лишь бы, ну, поиздеваться.

В концлагере «Запад», был парень, ему на лбу азовцы букву «В» выжгли, железку накалили и выжгли. Я видел его возле столовой — у пацана шрам. Еще Димка у нас был. Ему хохлы ухо прострелили. Еще они закапывали людей. Закопают в яму по шею. Вот он там может сутки, двое, и ни воды, ничего не дают».

Комков Александр Николаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам



«Сначала украинцы били руками, потом палками, потом до тросов дошло дело.

Тросами, которыми машины тянут, металлические. Этими тросами мне сломали ребра.

Потом в бетонной яме меня в поток сажали, опускали туда ноги. Наливалась вода в ведро. Опускали мои ноги туда. Без ботинок, без всего.

И опускалось два провода и от электрощитка 380 ток. Потом, чтобы я не терял сознание электрошокером, чтобы приводить меня в чувство.

И потом продолжение дубинками, палками и тросами. Там было человек пять-шесть, и главный говорил каждому, что делать. И они выполняли его поручения по пыткам.

Потом меня привезли в сарай, бросили и там били. Потом через двое суток меня в третий бетонный подвал привезли. Там то же самое, только что уже отвязывали руки, развязывали глаза.

И то же самое — сажали на стул, руки за спину. Потом били тросами, палками, ну и, конечно, ногами».

Агашин Дмитрий Николаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Пытки начались на следующий день.

Глаза были завязаны, перетянули нам руки швырками. То есть мы провели с этими перетянутыми руками часов 14, до утра. Руки уже чернеть начали. Потом приехали два костолома. Ну, судя по всему, были азовцы. Им в принципе ничего не надо было от нас.

Двое ребят наших там стояло раненых. И просто первый удар в бровь, потом электрический стул, а потом пошла бита. Били так, что... Ну, просто они не били, они убивали. При этом говорят: «Вы сдохнете когда-нибудь? Можно, конечно, застрелить, но это для вас будет очень быстро». Били по всем местам ранения.

Накатывали так, что ты вроде подыхаешь, а оказывается, ты еще живой, потому что режут тебя ножом, ты вскакиваешь. И потом вот, когда он видит уже, что еще пару ударов и ты сдохнешь, он прекращает. Когда ты начинаешь молиться, чтобы тебя застрелили, он прекращает этот момент.

И так же продолжают следующий, следующий, следующий. Нас было трое. Всех троих бил двухметровый человек с огромной битой в руках. Он просто и работал так, что от биты летели щепки. Каждого, кого забивают, тот

уползал в сарай. Потом они уехали. При этом зашел, мне тыкнул пальцем, говорит: «Приду, тебя застрелю. Либо ты сегодня сдохнешь, либо ты завтра по-любому сдохнешь». Я говорю: «Ладно, хорошо». Нас увезли с утра, перевезли на ямы. На ямах продолжалось издевательство».

Черняков Иван Евгеньевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда в плен взяли, пинали ногами, палками били. Потом привезли в подвал. Там стали издеваться — голову ключом пробили. Пакеты на голову надевали, держали, чтобы задохнулись люди. Душили. По ребрам били. Заставляли записывать видео, что Россия — плохо, угрожали колено на ногах прострелить, пальцы на руках отрезать.

Ребята рассказывали, что одного нашего прямо с их подвала увезли, его застрелили. У него заражение крови уже было и ноги были прострелены».

Таракановский Андрей Витальевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Я бы даже не назвал, что делали хохлы пытками, потому, что пытками

пытаются что-то выпытать. Не носило это никакой цели узнать что-то. Это истязания.

Один хохол с болтом длинным долго-долго избивал. Причем такое, видно, уже достаточно тренированное на этой должности, бил без остановки, как швейная машинка, болтом. Да так, что остается резьба потом на коже, то есть весь в резьбе остаешься.

Дальше ведут в гараж, где сидят трое, там продолжается опять тот же допрос, опять те же вопросы. Значит, там сидит «барабанщик» с канатом, обмотанным скотчем.

Он просто сидит на протяжении всего допроса и просто по голове темп какой-нибудь отбивает.

Когда «барабанщик» уставал, подходил такой здоровый мужичонка, может лет 25. Накидывалась на шею цепь, он душил.

А с утра приехал за нами докер, хозяин одной из ям, как многие его называли. Он занимается избиениями наших военнопленных. Он бьет арматурой, киянкой. У него там есть свои любимые инструменты. Чем он вас ударит, вы не знаете, потому что у вас завязаны глаза скотчем, то есть вы не видите. И когда от него прилетит — неизвестно. Отработанная схема.

Причем я разговаривал с ребятами, все проходили одно и то же. Тоже от этого типа с металлическим штырем.

Если в этом подвальчике мало народу, то есть в районе семи человек — там холодина жуткая. Если набивается по 27 человек, то там уже жуткая жара и нечем дышать. А воды давали очень мало.

В СИЗО рассказывали, одного нашего парня посадили очень изощренно в подъезде зимой. Раздели. И направили в него пушку-охладитель. То есть в одну сторону она дует холодную, в другую, соответственно, горячую.

Ну, как кондиционер такой. Ну и всю ночь он просидел под этим кондиционером. Его замораживали зимой.

Со мной в группе, когда мы пошли на БЗ, был Николай. «Лата» позывной. У него было раздроблено колено. Все дошло до того, что ему не оказывали медицинскую помощь, что, когда ногу перевязывали, у него потом начались фонтаны гноя из ноги.

Когда его уже все-таки отправили на лечение, он уже был в таком состоянии, что его выносили на носилках.

И вот его когда в поезд погрузили, через десять минут ему стало плохо, и он умер. То есть уже просто констатировали смерть.

А в СИЗО нас, по сути, морили голодом. Могли на завтрак дать одну столовую ложку каши».

Ковальчук Андрей Тимофеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Меня хохлы били палками, в наручниках пристегнутым. Пинали ногами, руками, полными канистрами 20-литровыми. Не любят они бурят и якутов.

Других током пытали. Одного, хакаса, по национальности, его током. Собаками травили. К бурятам самое жесткое отношение.

На тюрьме в Харькове, на СИЗО, то что я бурят, меня в первую очередь били.

И потом меня били ещё в Виннице. Это тоже в изоляторе. За то, что я — бурят. И что бурят, и что еще у меня фамилия украинская — Ковальчук.

Из-за этого тоже били».

Харунжий Николай Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

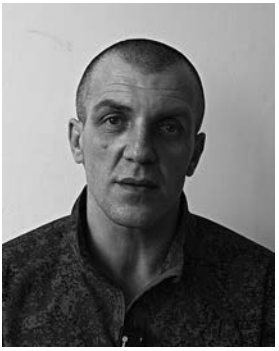
«Я был ранен в бою. Они тащили своего раненого. И я тут на дороге валяюсь. У меня бессознательное состояние.

В общем, подобрали. Запихали в свой броневик, как они мне объяснили позже. Если бы их не был ранен, убили бы меня. «Мы бы и тебя, — говорит, — завалили. А так собираем на обмен».

Привезли меня в какой-то частный дом. Ну, били, пинали всю ночь. Завезли в больницу, в госпиталь. Заклеили мне там, где ранение у меня, спина простреленная. Просто заклеили.

Не знаю, пуля там осталась или нет, доставали они ее или нет, я не понял. Избивали палками, трубами, лупили хорошо руками, ногами. Били-били, колотили.

В тюрьме рассказывали, как хохлы собаками травят, руки, ноги, ребра ломают».



Некрасов Евгений Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Меня хохлы душили веревкой. Затягивает человек и рукой держит. Трубой по голове били, след остался. Глаза завязаны, и руки связаны.

И потом в СБУ били. Такой огромный детина. Если слово не так говоришь, сразу по голове.

В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали.

Стреляли в них с пистолета пьяные хохлы, колено, ноги простреливали. Напьются, и давай издеваться».

Левин Сергей Алексеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Раздевайтесь, — кричат, — раздевайтесь». Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны. Приходят с битами, говорят: «А, ты с «Вагнера». И начали меня бить. В основном они меня заваливали. Потом передали другим каким-то спецслужбам. Я говорю: «У меня ноги». Заставили разуться, а я потом обуваться не могу, они же распухли, они обмороженные были и распухли. Ну, такие боли, мне ни до чего. Я ору: «Убейте, застрелите, я уже жить не хочу». Они передали другим, другие повезли.

Допрашивают — избивают, допрашивают — избивают. Потом приехал какой-то их командир: «Этих дальше отправляй, этого — на меня — обнулить». Типа, ну, застрелить. Я думаю: «Все, слава Богу». Честно, я рад был. Если честно, я был рад, чтобы меня застрелили.

Ну, что-то они туда-сюда. Мешки на голову надели и повезли дальше. Привезли опять. Деревня какая-то. Нас выгрузили. Раздевают и на улице нагайками бьют. Я помню, что нагайка, потому что у меня рассекло все здесь. Глаз, кровь. Потом кто руками, кто ногами, кто чем, у кого что было. Потом в гараж, и холодной водой обливать. В гараже стул железный стоит, сажусь на этот стул, начинают

пристегивать просто ремнями. И вот на половые органы вешать начали и ток включать. Я кричу: «Застрелите». А еще при этом бьют. Закинули в подвал. Мы там неделю жили. Я ходить не могу, у меня нога. И издевательства каждый день.

Я у него пробыл две недели, и у меня уже начало мясо отваливаться от ног, гноиться. Меня вывезли на Киеве на тюрьму, на СИЗО. Говорили, мол, там тебе ноги отрежут. Там женщина пришла, медик. Она говорит: «Вот тут ты мне и сдохнешь». Наверное, недели две пробыл.

Как раз Красный Крест приехал. Там доктор говорит, его надо вывозить, то есть надо ему что-то делать. Они говорят: «Да мы разберемся, что тут надо». И украинский доктор мне пальцы просто на вот эти ноги, чук-чук-чук-чук — отрубил просто на живое просто. Я говорю: «Вы что делаете? Вы просто на живую, представляете?» В лагере мне хирург говорит: «Должен терпеть». И начал резать просто, отламывать. Отрезали, я там орал. На живую, конечно, никаких там обезболивающих не было, просто на живую».

Якимов Николай Павлович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Были такие, которые попали в плен, но их потом нигде не видели. Я знаю точно, что двоих они добили, раненых наших. Когда взяли в плен.

Мне глаза завязали изолентой и вот всю дорогу там уже лупили. Пацаны потом рассказывали, что там был какой-то рыжий дед с клюшкой для хоккея с мячом. И он сам лупил этой клюшкой по рукам.

«Руки тяни», — вот это я слышал сам. Потом одному он говорил: «Жопу или яйца?»

И заставлял его выбрать. Тот отнекивался, он его бил постоянно. Вот это я слышал по дороге. Это самый момент страшный, когда тебя везут с момента плена и до СИЗО. Тебя еще нигде не зафиксировали, что ты — пленный, и с тобой может что угодно случиться. Вот там они бьют жестко. Еще вот, когда везут тебя, там заставляют орать: «Слава Украине».

Во время приемки все в балаклавах, ну, лица скрывают. Ругаются: «Козлы, пидорасы, русский мир». Температура у тебя или еще что-то — ты все равно должен был стоять. А там еще одежда холодная. Ты на холоде стоишь. Тебя трясет. Ты по два часа можешь стоять. За время, пока я там был, четыре человека, по-моему, умерло. Я видел много людей с простреленными руками. Вот именно кисти рук простреленные, пальцы переломаны — много таких тоже попадает».

Легких Максим Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Я попал к «Правому сектору». Заставляли какие-то песни петь — «бандеры наши», песни их. Эти флаги бандеровские, «Правого сектора» висели у них. И избивали. Потом в контрразведке я потерял левую сторону зубов. Глаза закрыты. Били в тактических перчатках. Там душевая была переделана, где матрас брошен был, на стенах как какая-то радуга, цвета радуги были раскрашены. Школа какая-то была.

Там лежал парень. Он был с Луганска. Сильно был побит, у него коленки были распухшие, одна как три, и лицо было сильно повреждено. Я не мог понять даже, как его зовут. Утром меня забрали, его там оставили.

Пока везли до Харькова, до СИЗО, насчитал я 7 пересадок на машинах. И все эти семь пересадок били. Сняли с меня обручальное кольцо, даже крест забрали. Сказали, что больше не пригодится. Попросил крест оставить. Все забрали.

Одному парню с позывным «Майбах» на лбу букву «В» азовцы выжгли. Прямо выжигали на лбу. Его привезли на лагерь, и приехал с проверкой Красный Крест. Но его спрятали, не показали Красному Кресту.

В Киеве я на себе испытал, как украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали.

Меня держали пять парней, и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги — это все повторялось раз в раз без обезболивающего.

Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются. Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

Румянцев Илья Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Меня пытал «Азов». Как они говорили, «защитники Мариуполя». Они на правой руке палками сломали два пальца, ключицу сло-

мали, выбили два зуба, повредили ногу. Били палками, ногами. Это было в Луганской области, Серебряннические лесничество.

Говорили всякие гадости против русских, что мы — плохая нация. Что Крым всегда был их и будет их. В «Азове» нацисты. Есть люди, которые реально со свастиками, прямо показывали свою свастику. Один показывал нам татуировки, нацистскую свастику, и орел держит свастику, как в Третьем рейхе. И говорил, что ему это нравится, что он любит Адольфа Гитлера. Он читает «Майн Кампф» и гордится этим. Татуировки, свастика, Адольф Гитлер, там все по-немецки. Он считает себя украинским арийцем. Как в Третьем рейхе».

Пищенко Денис Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В концлагере «Запад-4» хохлы к русским военнопленным относятся не как к человеку, а как к животному. Просто как к животному, на которое нужно орать, плевать, унижать, оскорблять. Такие пинки, такие плевки, ну не делаются, это не человеческое отношение, вот и всё. Они всегда во всём правы, а мы, русские, во всем виноваты.

Что мы виноваты, что пришли на их землю. Хотя вот меня взяли около Локни, мы пришли защищать Курск. А оказывается, с их украинцев подачи, это их Курск, это все их. Везде мы плохие. То есть все с ног на голову.

Как приезжает Красный Крест, они такие белые, пушистые, они такие замечательные. Только Красный Крест уехал, и всё опять заново, и ещё хуже.

Все раненые, кто с рукой, кто с ногой, кто с одной рукой, — без разницы, у кого забинтовано, все равно надо копать ямы. Сегодня мы копали. Завтра, значит, мы будем затаптывать, выравнивать. Послезавтра будем заново. Бессмысленная работа. Просто издеваются, постоянное унижение, оскорбление».

Смецкой Андрей Юрьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда в яме был, очень сильно били. Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке.

Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были. Ногу мне прострелили два раза при пытках с пистолета. Били электрошокерами. Даже в глаза распыляли газ.

Дубинками, трубами пластиковыми и металлическими били.

Заходили, у них не было шевронов, здоровые дядьки накачанные, просто избивали всех.

Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти.

Это происходило на протяжении месяца и недели — пытали, избивали. То каждый день, то через день, стабильно.

Когда мне ногу прострелили, пуля навылет вышла, а вторую пулю они достали уже прям на живую, без обезболивания. Вообще просто на живую взяли и проводили операцию без обезболивания».

Денисюк Николай Викторович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Меня привезли, как я с разговоров понял, в город Купянск, в какой-то подвал. Приезжал каждый день какой-то заместитель командира их бригады.

Ну и там избивали, били током — подсоединяли телефон армейский, был электрошокер, степлер строительный крепко вгоняли в колени. В колени еще вгоняли скрепки. И все это делал этот человек.

Он полковник, по-моему. Ничего конкретного из информации он не хотел».

Хмелев Николай Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда меня привезли в больницу, там украинская медсестра надела перчатки и просто засовывала свой палец указательный

в шею, в дырку, и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала.

У меня дырка была в шее где-то с палец. Без обезболивания. Она просто палец засовывала и ковырялась. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза.

Это в Запорожье было. Потом просто полили водой и забинтовали».

Городецкий Виктор Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Били мне ногу, а она насквозь была прострелена. Они просто запинывали, она у меня стала баклажановая. И вот этот мультикам, он даже не налазил на неё. Оно так разбухло.

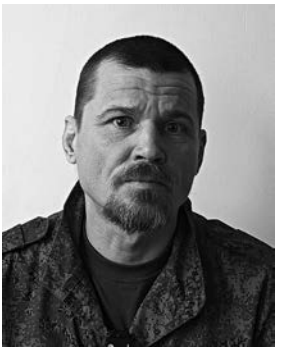
Это они делали специально. Ребра мне сломали. С этой стороны. Справа чуть выше. Тут тоже был перелом. И позвоночник отбитый. Это избиение палками, ногами. Тоже пластиковые трубы применяли. Потом металлические.

Хохлы грозились на бутылку посадить. Они эту забаву свою называли «бутылочкой». Играть в бутылочку — отрезание половых органов, кастрация. И все это они снимали на телефон. Двое держали меня. Один снимал. Угрожали отправить родственникам это все. Сказали, отправят матери, жене.

Один вытащил нож, разрезал штаны, спустил. Это на видео они все снимали. Я потом уже понял, что это психологическое давление было. Они все ненормальные, неадекватные.

У нас в украинском лагере дед один умер. Ему просто вовремя они не оказали медицинскую помощь».

Давыдов Андрей Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам



«Когда нас взяли в плен, привезли в какое-то здание, допрашивали по одному, шомпол прямо в рану пихали, избивали ногами, кулаками.

Спрашивали: «Хочешь остаться без ноги?» Типа, я дам команду, у тебя, говорят, не будут ослаблять жгут, и через пару суток тебе ногу врачи отрежут. И передавали нас два раза, получается. Сначала один допрос был, потом второй. На втором допросе там даже только завели, сразу начали бить.

Один, кто избивал, просто спросил: «Вы хотели видеть Бандеру?» Типа, вот он я. «Я, — говорит, — здесь просто по работе. То, что здесь творится, в этой части Украины, мне глубоко наплевать. Я живу на Западной Украине, до меня ракеты не долетают».

В лагере один наш рассказывал, как двух российских военнопленных хохлы убили, забили палками. Он говорит: «Меня только привезли в подвал, показали на место, там просто на бетоне постелен картон. Он был весь в крови». Когда хохлы ушли, ему ребята военнопленные сказали, что буквально сегодня забили человека палками, он умер. И сказали, что следующая очередь — твоя. Его на следующий день вывезли, он видел два трупа наших солдат».

Палицын Владимир Юрьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Еще на первом допросе я лишился зубов. Выбили хохлы зубы. Посадили на электрический стул. Электроды были на половом органе и на груди. Электроток пускали в трех режимах. Они «танцы» устраивали — переключали с медленного на большой ток. Я думал, у меня глаза выскочат. Они ритм подбирали, когда с медленного на большее, тогда тебя трясёт.

Руки связаны, глаза завязаны, выбили зубы, попинали. На этом как бы первый подвал закончился, загрузили, повезли во второй. К знаменитой собачке Дяде Фёдору. Поколотили, закинули в подвал. На следующее утро часов в семь подняли, вывели вдоль стенки, заставили раздеться всех догола, совсем догола, и начали просто избивать. Кого арматурой дубасили, кого дубинками куда попало, без разницы совсем. Меня потащили в другой подвал, а собаки в это время рвали руку. Меня трое тащили, а собаки на руке ехали, вцепились до кости. Завели в другой подвал, и там уже началась светомузыка. Били. Грудь, спина, шея, голова — им без разницы куда было бить.

Одного хохла с прутом, с бородой не забуду. Он меня бьет прутом по груди и по шее. Он меня просто лупит и улыбается. Он счастлив. В то же время сидит собака Дядя Фёдор. Он сидит и может в любой момент за гениталии схватить. Я слышал, он уже хватал, чуть не отрывал. Хохлы поистязали меня и со шланга облили холодной водой».

Евстигнеев Юрий Андреевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Били руками, биты были, ноги ребятам ломали. Я был в очень плохом состоянии, у меня четыре пулевых, меня, можно сказать, символически избивали.

Двоих ребят украинские военные яму заставили копать для расстрела собственного. Какое-то командование их спускалось к нам в подвал, где мы находились. Сказали: «К вечеру чтобы всех расстрелять». У меня простреленная стопа, и мне хохлы наступали на ногу, колено выворачивали. Специально били по ранам. У меня пальцы перебиты, мне руку сжимали.

В Харькове в тюрьме врачи делали свою работу, но специально, чтобы это было больно. У меня колено распухло, и они ножницами прямо по живому. Они говорили при этом: «Что, больно там?»

Помню парня Максима, он электрический стул проходил. Его били током, и у него после этого были помутнения. Он в себя очень долгое время приходил. Это было, может, месяц, прежде чем он в себя пришел.

Собаками травили ребят. Со мной были на лагере парни с укусами от собак, то есть специально натаскивали, как они говорят, на москалей. Избивали, ломали кости битами. Вырезали одному парню крест немецкий на спине, фашистский крест.

Я на «Западе-1» прямо видел свастику, ее вырезали ножами. Проходили люди электрический стул, биты, избиения, расстрелы. Все по одному сценарию.

Киевский режим, если взять эти подвалы, которые проходишь, — это реально какая-то фашистская организация.

Когда уже в тюрьму попадаешь, ты, возможно, будешь жить. Но это только возможно. В подвалах у тебя маленькие шансы выжить.Тем более если ты раненый. Знаю парня, его лопатой забили просто насмерть в подвалах. Вот именно украинские фашисты.

Если кто-то, допустим, приезжает или, там, смотрит, они пытаются показать европейцам, что они такие положительные. Ну, понятное дело, ты там не станешь говорить обо всем, что произошло, Красному Кресту. Им правду не говорят, им пленные не доверяют, потому что на Красный Крест смотрят как на протекцию украинскую. Если скажешь правду, потом могут просто убить и забить».

Бессчастный Петр Викторович, российский военнослужащий подвергшийся украинским пыткам

«Со мной в украинском концлагере сидели парни, которых пытали в подвале у Саныча. Они рассказывали, как им подсоединяли к половому органу и к соску прищепки и электрогенератор заводили, называли это «электрический стул». Потом собака Федя. Закидывали людей в вольер и травили собаками. Были все покусанные. У человека рука и бок весь прям полностью — собачьи укусы. Далеко не одного военнопленного собаки загрызли — съели. Насмерть.

А одному еще вдобавок, перед тем как уезжать оттуда, ему прям с чайника кипятком облили полностью ступню. Он вот в этой Виннице, он на одной ноге прыгал, она там зажить даже не могла. А в Виннице там ни врачей нам не давали, ни еды, ни толком вообще ничего.

В СИЗО в Виннице на Стриженко нас каждое утро застраивали в коридоре на стенку, и давай дубинками то по почкам, то дубинками, то кулаками. Потом выведут якобы погулять, загонят обратно, постояли подышали десять минут и заводят, и точно такая же процедура — опять по почкам бьют.

По ушам хлопали двумя ладонями, в грудь долбили так сильно, что я прям по полу проезжал там метра два-три со стулом. У меня только недавно перестало хрустеть в груди, как вот после этого избиения».

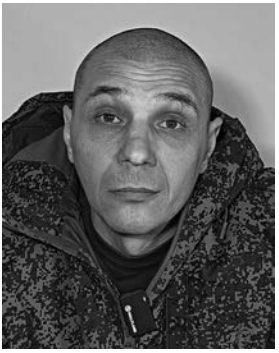
Бритов Евгений Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В концентрационном лагере «Запад-1» рассказывали, как травили людей собаками. Одного буквально на глазах загрызли, он вытек в течение пяти минут. Другого закопали по шею и собаку очень близко подводили. Она была натаскана на людей. То есть был шанс, что она грызет ему голову.

Каленым железом пытали парня. Большой гвоздь горелкой нагревают, и на живот. Сам видел эти шрамы у Максима Циолковского. Он с Луганска. Парень лет 25—27. Не знаю, где он сейчас, он оставался на «Запад-1». И у него прямо видно в области живота следы от этого раскаленного гвоздя. Несколько хороших шрамов по десять сантиметров. Они раскрывались, эти следы четко видно.

Людям при перевязке украинские врачи просто ланцеты в рану засовывали и проворачивали несколько раз. Когда мне бинты снимали, врач в раздробленный палец

упирался ножницами на излом и с удовольствием все это делал. Причинял физическую боль. Ему это нравилось. В итоге только побрызгал, то есть медпомощи не оказал».



Родионов Михаил Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Когда нас взяли в плен, мне завязали глаза и руки за спиной и пинали ногами по лицу.

Потом они меня передали в Купянск СБУшникам. Там меня били саперной лопаткой. Посмотрели мой военный билет. Что я служу долго, уже из-за этого меня избивали лопаткой саперной.

Потом нас увезли, в другой дом перевезли. С завязанными руками и глазами. Ставили пистолет к голове.

Потом подвал, яма, потом начали бить железной трубой. Потом, когда вызывали меня на допросы, то шлангами меня душили.

Один допрашивал, один находился рядом и шлангом душил. Говорили, что на органы разберут меня и тому подобное.

Душили палками и палками избивали. То же самое в Харькове в тюрьме. Какой-то там был Вася, там Вася-бей. Меня били именно по моей ране.

В концлагере люди рассказывали, как их собаками травили, ротвейлерами, ток запускали, гениталии угрожали отрезать, одному стопу просверлили, ногу просверлили. Сначала его били, а потом просверлили ему ногу в двух местах. Били палками, железными прутьями, железными

трубами, дубинками по рукам, руки отбивали, ломали кисти. По два человека избивали и заставляли, чтобы они друг друга описали».

Амертинов Владимир Степанович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В концлагере «Запад-4», город Львов было порядка 800 человек. 90 % хохлы подвергали до этого пыткам.

Наша группа, которая в плен попала, кого-то дубинками били, ребят некоторых на электрическом стуле пытали, собак травили на них. Они покусаны были, товарищ здесь находится, обменяли его со мной. У него после пыток собаками мизинец на правой руке не работает.

Влажную тряпку на лицо — и водой поливают. Человек дышать не может просто-напросто. Их пытали в районе Суджи, в каких-то домах. А еще меня там заставляли сказать, что мы используем химическое оружие. Это был сотрудник Следственного комитета Украины. Это уже было непосредственно в лагере. Стояла камера, следователь рядом с ней, и сзади следователя за камерой стоял вооруженный человек. И меня предупредили сразу, сказали мне, что говорить. Они потребовали сказать, что химическое оружие у нас было, сказать, что были снаряды под РПГ с буквой Х. Бумаги заставляли подписывать.

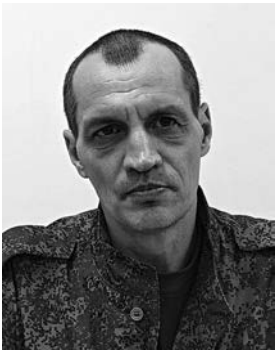
Когда ребята отказывались подписывать, их увозили в Киев в подвалы, в которых ребят голодом морили и избивали. Запугивали, что найдем твоих родственников, расчленим, уничтожим».

Рыжин Дмитрий Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Во время штурма нас с Алексеем Сопрыкиным взяли в плен возле населенного пункта Песчаное. Мы были оба ранены.

У меня было пулевое ранение, а у Алексея были осколочные ранения множественные. Когда нас взяли в плен, то Алексея безоружного расстрелял украинский боец. Просто расстреляли. Он был без оружия. Руки-ноги у него были повреждены осколками гранаты. Его просто со злости расстреляли. Мне повезло остаться в живых.

В СИЗО люди рассказывали многое. Кому-то отрезали пальцы. Электрические стулья применяли, топили водой. Я раньше думал, что такое может быть только в кино. Но нет, оказывается, украинская фантазия очень обширная. Кого-то закапывали в песок до самой головы, травили собаками. Я видел у людей следы укусов собак».



Скорлупкин Евгений Анатольевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Как в плен взяли, завезли нас в какой-то дом, я так понимаю, у них там что-то типа какого-то штаба было для дронщиков. Дубасили нас

руками, ногами, дубинка резиновая была, шланг был, прикладом автомата. Два раза я терял сознание. После того как я второй раз потерял сознание, приехали покупатели. Я так понял, 36-я бригада морской пехоты. Привезли на подвал, к нам специально обученный хохол ездил. Позывной его «Фунтик». Руками, ногами, шлангами, полипропиленовыми трубами, электрошокером нас пытал.

Первые месяцев пять через день ездил. Он от пыток получал несказанное удовольствие. Он пытался нас воспитывать. «Учите гимн украинский, учите стишки украинские». На бумажечке на украинском языке раздавал. Если не помнили — пытал. Потом, видно, начальству перестало нравиться, что мы там вопим во время пыток. Короче, попросили его ездить реже. Ну, чуть-чуть реже».

Четников Роман Валентинович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В настоящее время в украинском концлагере «Запад-1» во Львове находится военнопленный Артем Евгеньевич Самойлов. У него хохлы вырезали свастику. Его прятали от Красного Креста. Когда меня схватили, приехал Брэдли, завалили на пол. Кому-то на лицо наступили, мне автомат в висок. Хохлы — молодые, агрессивные, ну, звери. Я говорю: «Ты сейчас голову продавишь». А он мне: «Заткнись, иначе сейчас вообще никуда не доедешь».

Бровкин Андрей Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Наливали воду на лицо — топили. Били трубами железными, битами, которые набиты песком, резиновые дубинки. Кто-то на электрический стул попал. Собаки обязательно. Это первым делом. У меня две штучки было там. Ротвейлер. Они покусывали всех. Хохлы — садисты».

Макушин Николай Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Начали бить еще те, что взяли в плен. Потом передали меня другим. Другие меня привезли в подвал тоже.

Хотели руку мне пережать, потом посмотрели на меня, смотрят, черви там у меня уже завелись. Помолотили хорошо, зубы выбили. Потом уже в Днепропетровск приехали, там меня в больницу отвезли. Резали на живую все. Рука до сих пор не работает. Потом в украинский концлагерь попал.

В лагере хохлы что хотят, то и сделают. Заводили в комнату, отбивали. Мог и дежурный зайти тебя побить. Ногами кто-то, некоторые инспектора их — дубинками. Большинство ногами били. За полгода один раз перевязку сделали. Таблетки очень трудно у них выпросить».

Должинин Вадим Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

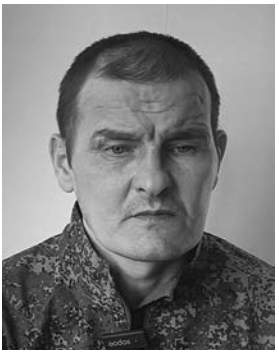
«Нас передали азовцам. Говорят: «Вы знаете, куда попали? В «Азов». Типа, вам капец пришел. И прямо по приемке, прямо с машины до этой клетки мы ползли, а нас били ногами, руками. Там какой-то гараж, и там клетки наварены. У меня повязка слезла. Смотрю, там вот напротив меня нашего бьют огнетушителем. Еще банкой какой-то наполненной, полной банкой били.

Меня тоже огнетушителем били. С месяц, наверное, дышал, и у меня там щелкало все. После клетки нас повезли, на каких-то перекладных везли. Там раза четыре пересаживали. Тоже прям хорошо так били. Везли на центральную тюрьму».

Киселев Олег Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Ногу сломали битой. На меня сразу накинулись двое или трое с битой с разных сторон. Разбили голову у меня. Я очнулся в луже крови своей же. Руку сломали, ногу. Чашечки поотбивали. Все битой. Голову если поднимешь на них, все засыпали битой прям. Одного успел увидеть — он с бородой, молодой, лет под 30, такой здоровый. Один

мне говорит: «Давай я тебе отрежу ногу, ты уже устал, наверное». Я говорю, мол, лучше обнулять. Не надо мне ничего резать».



Чукуров Федор Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Мне и двум другим пленным битой ноги сломали. Хохлы еще так издевались, говорят: «Сегодня чем будем избивать? Шланг есть, теренок есть?» И вот решили битой. И нам всем троим ноги сломали. И так же выкинули в сарай просто. До вечера лежали, потом опять в пикап. Открытый перелом.Никакой перевязки, ничего не делали. Без обезболивания, на живую осколки вытащили с ноги. От врачей слышал матные ругательства в свой адрес, и по ноге пинали по больной. Издевались и на телефон снимали».

Калиф Рустем Фаритович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Я ходить не мог, а когда вылез, хохлы мне еще вторую ногу прострелили. Сказали: «Бросьте его». Один перезарядил автомат, хотел уже задвухсотить, но что-то передумал.

В итоге увезли, привезли в подвал. Там уже именно по раненым местам, по колену специально пинали. А пятку мне дубинкой отбили на другой ноге. Потом нас повезли в СИЗО, в город Харьков. По дороге машин пять-шесть сменились, и обзывали всем и пинали».

Подать Валерий Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Трубами били, досками, кувалдой деревянной, киянкой. Насилие сплошное, когда нас из подвала в подвал транспортировали и на блокпостах в сторону Харькова. На блокпостах с машины выкидывали и тоже киянкой и битой били. Ребра сломали».

Парков Евгений Витальевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Вывезли на поле, в которых из бетона куб без дна, холодный, плюс решетка ледяная, было холодно. У нас завязанные глаза, связаны руки. Прежде чем загрузить, нас избивали бейсбольными битами. Это были азовцы.

Били битами. «Азов» со свастиками. Говорили всякие лозунги свои, короче, ненависть к русским. Я потерял

сознание. Нас там продержали трое с половиной суток. Каждый день повторное избиение.

Одного из четверых так избили, что, как нас занесли обратно, он скончался. Когда этот человек умер, мне сказали: «Ты следующий».

Беляев Сергей Михайлович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«На гараже в Краматорске били. Нас девять человек набралось на тот момент. Нас после этого собрали всех в одну «буханку» и повезли. И там как раз нас передавали на СИЗО. Каждая передача — это избиение, выгрузка, избиение».

Ворчук Александр Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Как взяли в плен — стреляли и хотели меня просто убить. Прямо откровенно сказали. В ноги стреляли — ноги прострелены. Автоматом прижигали те осколочные раны, которые у меня уже были. Там они меня таскали, как кусок какого-то... Дальше потом отвезли на фургоне в подвал, переодели в украинскую одежду. Электрошокером пытали, пакет на голову надевали, душили, я терял сознание.

Электрошокером приводили в сознание. Раны прижигали. Целую ночь били и палками, и трубой. Душили, терял сознание, приводили в чувство электрошокером. Опять допрос. Три подвала я посетил. Во всех трех подвалах издевались. В Харькове то же самое. Тоже били».

Свечников Василий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Хохлы сказали, что мы — якуты, а якутов мы ненавидим. Поэтому нас били. Били по спине, по голове, по ногам. Потому, что мы — якуты. Потом в Харькове тоже били. Потом в больнице тоже издевались».

Шурахов Александр Анатольевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Нас отвезли к азовцам в яму. Нам сразу всем прибывшим сказали раздеться догола, и нас били плетками, палками, дубиной.

Одного из нас били по голове, потом он целый день ходил хрипел, ребра были поломаны. Утром просыпаемся, а он скончался.

Его еще плеткой били, такие толстые нити, между собой связанные. Одна была рыжего такого цвета, а другая черного и с такими железными штучками на хвостах.

Заставляли повернуться лицом к стенке и били всех по очереди.

Там они меняли плетку и били дубинкой и палкой. И еще они любили ротвейлеров. Вот у меня ухо повреждено. Это она меня покусала, собака-ротвейлер.

Кто пытали, не скрывали, что они — азовцы. Нас пытали током, присоединяли электроды к половому органу и к груди.

И вот еще завязывали мешком голову и душили. «Ты еще живой? Ну ладно, живи». Просто черный мешок полиэтиленовый».

Дегтевич Юрий Ильич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В плену двоих наших расстреляли. Хохлы сами этим хвастались».

Ушаков Игорь Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«В лагере ребята рассказывали, что к электрическому току их подключали, догола раздевали и клеммы вешали.

За конечности вешали, бейсбольными битами голову проломали. Один попал в плен здоровый, потом приехал уже на лагерь, череп загнил, осколки в черепе. Лопатками саперными забивали. Потом добивали, расстреливали. Казнили людей. Много таких историй».

Николаев Юрий Петрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Нас забрали азовцы. Били жестко. Когда привезли к себе, у них в гараже клетки наварены. И вот туда нас запускали. Мешок на голову надевали и били руками, ногами, огнетушителями. Ребра ломали, по спине били. По лицу не били, чтобы следов не было видно. Других током били».

Мякишев Иван Петрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Они в свой праздник избивали всех пленных, как могли. Одному даже руку раздробили дубинкой. Электрошокер, дубинки.

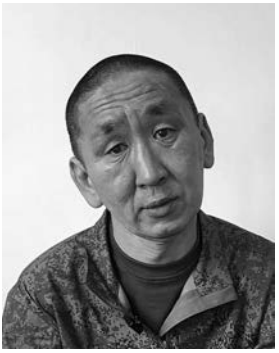
Когда я приехал на «Запад-4», там один пленный просил мазь от ожогов, ему не дали. Его пытали раскаленной трубой, катали по всему телу. На костре нагревали и по телу катали.

Я с человеком беседовал, которому на руку натянули жгут и затянули, пока рука не онемела, полностью не атрофировалась. Прошло уже полгода, он не может ей шевелить. Она похудела, посинела, и все.

Собаки — это их излюбленная тема, по-моему. Бойцовские породы, они держат и не кормят, обозленные собаки.

Еще не поменяли человека, который находится в плену. У него все ноги до сих пор гниют. Все от укусов собак. Электрический стул. Бьют до посинения, ломают конечности, руки ломают.

Говорят, мол, они тебе больше не пригодятся».



Гергенов Очир Дугарцренович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Хохлы били бейсбольными битами по всем суставам. По коленям, по плечам, по рукам. Они у меня до сих пор все болят. Я теперь не могу два раза отжаться от пола, не могу даже матрас или подушку поднять.

Они: «Вот, ты садись сюда, сюда, поближе, бурят, давай сюда». Я впервые в жизни узнал, что такое электрошокер.

Жарили долго. Жарили, жарили, жарили, жарили. Час с головы до ног. Тыльную сторону тела обжарили. Ну, делать нечего, ничего там.

Они все жарили, жарили, жарили, жарили. Потом в итоге, когда в СИЗО приехали, чувствуется, что горелое мясо, пахнет.

Когда пришли в СИЗО, разделся, пацаны даже обалдели, короче. Весь обжаренный.

Хохлы фотографировали друг друга со мной, били и потом через Интернет, через WhatsApp пересылали.

«Прикиньте, мы бурята поймали». Говорили мне: «Давай нож под ребро посадим, половые органы отрежем, анальное отверстие запеним».

Фоменко Иван Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Хохлы нас раздевали догола, потом брали биты, дубинки, палки и избивали. Отправили двух собак, чтобы они нас рвали, а они на это смотрели. Еще кнуты использовали, нагайки. Короткая ручка, да и на конце там как проволока какая-то металлическая. Трубами били. Электротоком некоторых пытали. Там, где я был, в подвале, там была пыточная камера у них специальная. Они половину так избивали, половину туда водили, там пытали».

Потапов Николай Владимирович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

«Попали в подвал, били металлическими трубами, арматурой,

руками и ногами. Когда надоело, били арматурой и железкой.

Били до утра. Сказали, что им начальство сказало, чтобы у пленных были чистые кисти рук и лицо. Чтобы они были без синяков. Остальное — делайте, что хотите. Били по левой ноге. До этого был сброс, граната на меня, осколочное ранение.

Именно по этой ноге они и прыгали, где было осколочное ранение. Там ее сломали. Я не знаю, там, может быть, больше от осколка досталось. Хохол наступал и слушал хруст. Он говорит: «Глянь, там похрустывает. Там же перелом». Доламывали, получается. Добивали. Ребра сломали. Я очень плохо чувствовал, пять—десять метров, а у меня была одышка такая, что я думал, что мне не хватит кислорода.

В лагере рассказывал один, что ему хохлы стреляли в ногу. Одна пуля застряла у него. А одна стопу прямо пробила. Это на подвалах тоже делают».

Женетль Рустам Казбекович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

Первый раз начали нас пытать, уже когда привезли в ямы. У нас было два двухсотых, три раненых и только один целый, который ушел. У меня взрывной волной, противотанковыми минами ключица была сломана, у меня еще пол лица было... Вот у меня осколок здесь остался. Я украинцам сказал.

Но в этой яме нас начали пинками бить. Глаза завязаны были. Стрельба началась над нашими головами, их какой-то главнокомандующий команду дал. И у меня были

глаза завязаны. Я лежал, я сидеть не мог. Пацан упал. То есть одного из военнопленных наших российских они застрелили. Фактически на моих глазах. И украинский командир говорит «вытащить эту свинью и закопать его в яму». Я имя не знаю, а позывной помню «Сын».

Потом нас оттуда вывезли. Вывезли в другую яму, где их СБУ начали нас допрашивать. Там одного тоже, который раненый, боковое пулевое, он был минометчик, допросили и в неизвестном направлении сразу увезли. Слышали то, что он им не нужен, потому что он болен был. Украинцы сказали, что он им не интересен и надо избавиться.

Потом меня вызвали. Начали допросы вести, начали дубинкой по голове бить, по спине бить, по поломанной ключице бить. Заставили меня солярку в масляном виде, которая на генераторах, полстакана выпить зачем-то. И ствол в меня, Макарова пистолет. Говорит «я тебе во лбу дырку сделаю». Они вопросы задавали, я им не отвечал, поэтому заставили солярку выпить.

В концлагере Западе-2 потом я сидел. Концлагерь Винница, Запад-2. Там я и гражданские были, общался тоже. Один человек был из Курской области. Ему сказали короче хохлы, что сейчас допросят и отпустят. В итоге его повезли. Ему 59 лет, его начали бить, избивать, а он сам инвалид. Иван Николаевич, он до сих пор в этом концлагере украинском, и он гражданское лицо. 8 месяцев в концлагере.

В концлагере Андрей, позывной «Змей», рассказал, как на его глазах наших пацанов, которых в плен взяли, двоих хохлы расчленили вживую. Им руки завязали на столе и от кисти... До самого плеча, короче, начали по частям ему резать руки, потом ноги. И ждали, пока он вытечет, короче, умрет. Двоих так сделали, потом в мешок завернули.

По-разному хохлы людей пытали. Пакет на голову надевали, топили их, током их били. Некоторые прямо там же и умирали от пыток.

Маслов Константин Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

Привезли в подвал без света. Кормили один раз в сутки. Полностью в темноте, без ориентировки времени. Нас там четыре человека содержалось. В любой момент просто открывается подвал и украинцы в состоянии алкогольного опьянения нас избивали. Били ногами, руками, трубами железными, залитые свинцом. То есть в основном удары приходились по ранениям, по головам. Украинцы специально били места ранений. Специально, чтобы сделать больнее.

Операции проводили без обезболивающего. В моментах между двумя подвалами меня завозили в одну из больниц Днепропетровской области. У меня в колене застрял осколок. Там делали операцию — вытаскивали его без обезболивающего. Врач сказал, что им запрещено давать нам обезболивание. Прямо так и сказал. Это было в Днепропетровске больнице. Дело в том, что осколок в колене — довольно-таки болезненно.

Украинцы травят собаками, практикуют отрезание конечностей, кистей, пальцев, гениталий. То был один египтянин, воевал за нас, украинцы ему отрезали половой орган. Дальнейшая судьба его неизвестна. А так в основном все пытки используют украинцы, в том чисел травля собаками, конечности, членовредительство, отстреливание чего-нибудь, имитируют расстрел.

Я видел людей после избиений. В основном загнившие следы избиения, когда очень обширная гематома. У нас у товарища была обширная гематома, он со мной в Харь-

ковской больнице лежал, то есть его привозили после подвала, у него загноение, то есть гематома площадью на полспины.

Точно так же следы ожогов от электрического стула. То есть он рассказывал, что применяли к нему электрический стул. Отрезанные конечности, палец видел, на ногах пальцы отрезанные. Человеку отрезали пальцы и на руках, и на ногах.

Сидорнеко Анатолий Анатольевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

Тюрьму украинцы называли Багдад. Там надпись в курилке висела по-английски. Сразу, когда нас туда привезли, украинцы сказали, что вы прибыли в Багдад. Когда нас туда привезли нас раздели и построили возле стены дубинками. Прошлись по всем, по каждому. Закрыли в камеру, физическое насилие. Что-то не понравится в камере — всех выводят, избивают, собаками травят.

На протяжении четырех месяцев была чесотка, вши. Постельное белье никогда не меняется. Если выводят на прогулку подышать, за четыре месяца... За четыре месяца вывели, может, раз пять на прогулку, ну и то для избиения.

Люди рассказывали, как подвергались пыткам на электрическом стуле. Травили собаками. Рукоприкладство, палки, и так далее. Отвратительное питание. Кормили один раз в день, только невареной пищей. С бойлера водой заливали дробленую пшеницу. Или тесто в воде в теплой.

И выжили только на хлебе. Ели чисто хлеб. Булка хлеба на сутки. И вот у нас утром, в обед, вечером хлеб и вода из-под крана.

Ярулин Давид Айдарович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам

Попали в подвалы СБУ. Мне 30 лет, акогда приехал в Харьков, в СИЗО уже, я увидел в зеркало, что у меня борода полностью поседела за 5 дней...

Я не знаю, как я выжил. Били, резали пальцы на ногах. У меня были многочисленные ранения — два пулевых, много осколочных. Меня привозили в госпиталь, там везде врачи — женщины. Они говорят — не будем лечить. Я еле стою, без сознания, весь обколотый вот этими обезболами. Украинские врачи-женщины отказывались оказывать помощь.

Кому-то если и оказывали помощь, проводили операции и манипуляции без наркоза.

Меня привезли к врачу, он начал у меня рядом с пахом доставать осколок. Потом понял, что не достанет, потому что возле вены он был. Перебинтовал, я сижу, на мне даже трусов нет.

Подходит украинец в маске. Автомат в половой орган ставит мне. Он говорит, отстрелить тебе его или нет, чтобы ты не плодил детей. Меня, конечно, до трясучки довело. Я сидел, меня трясло всего.

Потом палец мне стали отрезать. Били по ногам, по местам ранений. Поставили к стене. Начинает бить прямо в ноги мне простреляннные. Я орал, стонал. Говорили, бу-

дешь молить о смерти. Пугали грузинами. Говорили, что нас грузинам пытать отдадут, а они еще за это деньги дадут.

Со мной были еще двое, они меньше меня были ранены. Их забивали на смерть, я думал, их убьют. Их до такой степени постоянно били. И с нами еще был один белорус. Избивали украинцы нас в основном бревнами. У них все под именем. Бревно Сергея, Бревно Алексея, Бита. У украинцев глаза стеклянные, употребляют тяжелые наркотики. Говорят, сейчас вас будет бить вот этот Алеша. Берут алюминиевой битой начинают бить... Мне вот киянкой еще били, это уже «дорога смерти», как ее прозвали, от гаража до харьковского СИЗО. Пять пересылок, пять блокпостов и везде избивают. Вот там как раз мы встретили белоруса, я не знаю, что с ним было. Я его после этого не видел. Его до такой степени забивали, что положили на живот, как рогаткой раздвинули двое ему ноги, он лежал на животе. Другой встал за плечи, держась, смеясь, и просто армейским берцем ему бил по половым органам. Тот до такой степени орал, плакал прямо. Я не знаю, что с ним было. Забили наверно. До такой степени его били. А я сидел, украинцы мне говорят: смотри.

Я был тяжелораненый. На втором блокпосту меня тоже начали бить. Потом кто-то крикнул, у него простреленные ноги и мне сказали «ползи». Я дополз, меня подняли, привязали наручниками одну руку. Я сижу, хохол подбегает, начинает меня киянкой забивать по голове. У меня кровь начала идти. Я руку подставил и вот он мне ее до такой степени вбил, что у меня мышца вбита в руку. Вот, видите? И прямо мышцы, прямо туда. Это от ударов киянкой. Сплющили все мышцы.

Водили в украинский штаб, там избивали. Есть там пара таких, кого я запомнил. Я вот прямо за одного могу сказать, есть такой Олег Ильичёв. Олег Сергеевич Ильичёв. Это прямо, я не знаю, живодёр. Он просто, я не знаю, до такой степени ненавидит нас. Русских ненавидит.

В концлагере Запад-2, были построения. Маршировали мы там с утра до ночи, маршируют люди, ни в туалет не сходить, ничего, ноги у людей там опухали до безумной степени. Бессмысленные построения. И даже заставляли кто на костылях и с одной ногой. Он не может сделать три строевых, когда говорят, три строевых шага нужно делать. А у него одна нога, он сзади идет на костылях. Украинцы стоят, смеются — пока он не научится три строевых делать, вы будете идти. А у человека просто ноги нет. Без ноги, получается, на костылях. Его тоже заставляли... У другого нет двух стоп, он тоже на костылях. И тоже заставляли... Да, они ходят все по стадиону. Это прям 100 %, я вам говорю. Без двух ног, без двух стоп. И трое-четверо без одной ноги. Все наши российские солдаты. Все ходят на костылях и всех заставляли маршировать бессмысленно с утра до ночи.

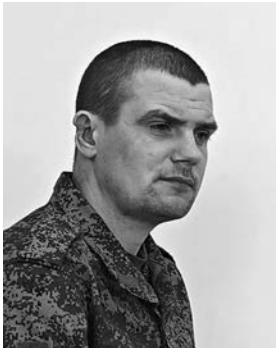
Историй пыток очень много. Украинцы вырастили двух собак людоедами. Два ротвейлера. Два огромных, здоровых, на химии откормленных ротвейлера. Их специально растили на кровь как-то натаскивали и к ним бросили нашего бойца. Его съели, загрызли насмерть. Раненого бойца загрызли эти собаки насмерть.

Про пытки парней из ДНР, ЛНР я вообще молчу. Там был у нас один, рассказывал. Я по нему видел, он весь в ожогах. Он рассказывал, там парнишка был, 19-летний из ДНР. Его подвесили на дерево и выпустили кишки. У него кишки прямо до земли висели. 19 лет парень.

Одному парню тоже, это уже при мне, шуруповертом ногу сверлили. Он с Питера. Его зовут Денис. Это «дорога смерти» от Краматорска на Харьков, ближе к Харькову. И при мне российскому военнослужащему нашему сверлили шуруповертом ногу. И это много кто видел. И там след есть, он приедет, любая экспертиза покажет, что это шуруповерт. Я знаю, что его зовут Денис. Он до сих пор там.

Моих вот ребят, которые со мной были в плену, их просто запинывали под машины. Потом мы приехали перед Харьковом в больницу тоже, зашли, нас бросили, грязь везде, а у меня эти перевязки, у меня палец засох. Там украинская врачиха пришла. Начала нас материть. За 4 дня палец засох уже в плену у меня. Она вырвала все там, сустав сдвинулся. Специально делала, чтобы причинить боль, она резко вытащила, я такой «ааа», а она говорит «что ты там стонешь?». Ну и пару раз по голове мне дала. Мне уже там, ну не до этого было, что она бьет, а я за палец боялся. Вызывают стажеров врачей, кладут нашего на стол, и, получается, практикуются на наших военнослужащих делать операции.

Мельников Дмитрий Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам



Когда попал в плен, привезли на первый подвал нас. Нас было трое человек. Привезли с закрытыми глазами. Я был раненый тяжело, сильно раненый, крови очень много потерял. Открыли сразу подвал они и кинули, прямо толкнули. Ну, а ступеньки вниз, получается, полетел я первый. Ну, троих. Подвал был маленький. Минут 15 прошло, начали вытаскивать по одному. Слышу, начали бить одного, второго. Потом дошла очередь до меня. Тоже начали допросы, что видел, что не видел. Начали бить сильно палками сначала. Били, били, били. Потом приехала какая-то машина, забрали нас на другое место. В общем, троих нас по разным местам. Ну,

рядом, ну, по разным комнатам видно это. И начали спрашивать, видел я пленных, не видел я их пленных. Я говорю, не видел. А второй (военнопленный) сказал, что я видел. Подошли ко мне, говорят, ну... Рассказываю, я говорю, я не видел никого, ничего, не знаю, ну, короче, до последнего. Вот, он сперва к голове прислонил, так рядом выстрелил. Пистолет большой, «беретта», по-моему. Вот, к спине и, короче, в ухо выстрелил. Вот. Потом начал это, ну, да и говорит ну чё, типа, будешь говорить или нет. Я говорю: я не знаю, сказал же, не знаю. Он второму говорит: неси пакет. Пакет берет, а я на коленках стоял, пакет полиэтиленовый надевает на голову начал душить. Ну это очень конечно жестоко, отключился. Потом снимают, начинают поливать водой сверху. Ну, в себя пришел чуть-чуть. Ну, может, минут 10 проходит. Второй раз так же. Ну, раза 3—4 меня душили, терял сознание.

У меня осколочные ранения, били по ним. Били они, по ногам били, вот антенной какой-то. Ну да, от машины, я не знаю, завязанной, ну вроде как антенна. Потом приехала другая машина, третья, сажают туда, едем, ну как всегда, они там передавили этот... Короче, с днем рождения поздравляли там. Меня заставляли по видео передавать поздравления жене, потом что-то брату какому-то. Он на видео звонит. На видео. И показывает. Прямо показывает, прямо сейчас, во время пыток поздравляет его. По мессенджеру, он набирает видео и поздравляет. Но у нас глаза закрыты. Ну, слышно, что видео. Подносит. А жена его га-га-га, и все, кто там, смеются. Там была их толпа, они постоянно переговариваются. Я думаю, это, ну, как бы они, ну, как себя проявить, там, типа, герои туда-сюда, вот, поймали. Чего ж тут геройского, человека связанного...

У меня сильно тоже горло повредили — душили на жгуте. У меня жгут лежал в кармане, они меня за шею им тащили. Он начал обыскивать карманы, у меня все забрали.

Жетон у меня, крестик был — оторвал, забрал. Типа проверял кольца, золото искали. Говорят, что золота у вас нету, что мне не хватает, ни у кого ничего не было, не нашел. И у меня лежал уже вот этот еще со жгутом, короче, поставил ногу. И вот так вот душил сильно.

Они пьяные были, он еще говорит — неси пилу, принесли пилу, мы сейчас распилим. Ну, думаю, все, короче. Я говорю, застрелите тогда сразу, ну, просил их, я говорю, ну, смысл? Ну, что, герой? Опять на меня. Я говорю, причем здесь герой? Ну, а зачем мне это надо? Говорю, ну, что, тебе прикалывает это, или что? Ну, разговаривались. Я говорю, давай, застрели в меня. И вот начал потом палками бить опять. И в конце, на последнем доме, вот, сидели это уже перед Харьковом, опять за этих пленных, Ты, говорит, видел. Я говорю, нет, не видел. Принес этот, от старого стула, такая квадратная ножка. Вот, начал ей бить. И по голове бил, и по ногам бил. И потом, мы когда приехали туда, я слышал, кто-то кричал на улице сильно. И я просидел там где-то минут сорок. Ну, тоже нас там попинали, нормально так. И малой какой-то, ну, я его не знаю, наш, русский, еле-еле заполз. А тот зашел, получается, ихний. Взял нож, одел перчатки синие, и говорит типа, давайте сейчас следующего. И пакет, говорит, черный давай. И опять что-то бил, бил, бил, видно его. И вот малой наш заполз. У него, получается, гипс на ноге был. Весь изрубленный вообще. Вот я не знаю, чем били. Спина вся, он прям заползал. Ну, еле-еле полз. Не знаю, что с ним потом там было. Нас, короче, забрали. Вот, повезли меня с этим ухом в какую-то больницу. Привезли, ну вот с осколками получается, с этим. Врач один, в возрасте был, говорит: сейчас я тебе, говорит, возьму эту тоненькую нитку, говорит, я тебе ухо сделаю. Ну, у меня дырка большая вообще была, прострелена. Я тебе, говорит, нормально сделаю. А этот вот, который меня привел: нет никакой нитки, ты

чего? Типа, пускай, говорит, так ходит. Ну, и меня забрали оттуда. Ну, там посмотрели, есть осколки, нету.

На Западе-4 с одним я разговаривал, у него пальца нету на руке. Я говорю, как? Ну, прострелили руку, палец висел. И он говорит, подходит украинец, что, говорит, тебе это, не мешает или что? Говорит, давай отрежем. Он говорит, ну, режь. Достал нож, отрезал и собакам выкинул. Собаки съели палец. Ну, а так, избиения в основном, тоже пакеты, ток. Да, одного лопатками били, звонили жене его, сказали, что он в плену. Ну, я с ним долго там, дружили вместе, получается.

Жене его звонили показать, что он в плену. И били лопатками его при этом. Просто издевались, чтобы жена посмотрела, что он в плену. Он рассказывал. Закапывали меня по самую шею. Потом били две девки молодых. Это он мне рассказывал. Изрубили, говорит, всего. На этом доме были, где собаки. Или гражданские украинцы, или военные, неизвестно. Не знаю. Он говорит, лет по 25 им было. Вот били какими-то типа антенками тонкими. Изрубили, говорит, вообще всего. Потом меня, говорит, закопали. По самую голову. Потом собаки подбежали. Я думал, сейчас съедят. Собаки облизывали. Потом вытащили меня. Я тоже просил убить. А ему уже было за 50. Говорит, убейте. Закинули в яму, работать заставляли. Он говорит, я не могу. Ну все, сил нет. Ну вот так».

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЯ К ЧИТАТЕЛЯМ 3

ВСТУПЛЕНИЕ 13

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСУ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 19

МАССОВЫЙ РАССТРЕЛ ВСУ МИРНЫХ ГРАЖДАН
В ГОРОДЕ СЕЛИДОВО (Донецкая Народная Республика) ... 141

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСУ
В ГОРОДЕ КУРАХОВО
(Донецкая Народная Республика) 189

ТЕРРОР КИЕВСКОГО РЕЖИМА В ГОРОДЕ УГЛЕДАР
(Донецкая Народная Республика):
2014—2024 гг. 236

ПЫТКИ И УБИЙСТВА ЗАХВАЧЕННЫХ В ПЛЕН
РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 278

Григорьев Максим Сергеевич

Саблин Дмитрий Вадимович

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Материалы Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов (2025)

Корректор *Н.А. Ионина*
Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 09.07.2025. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 22. Тираж 1300 экз.

М.С. Григорьев окончил Ленинградский государственный университет, Дипломатическую академию МИД России, Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Кандидат политических наук, профессор РГСУ, директор Фонда исследования проблем демократии, член Общественной палаты РФ, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, участник СВО.

Д.В. Саблин родился 5 сентября 1968 года. Окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР по специальности «Командная тактическая мотострелковых войск». Депутат Государственной Думы, первый заместитель председателя Всероссийской организации «Боевое братство». Первый командир бригады беспилотной авиации ГРОМ «Каскад». Герой Российской Федерации.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ по преступлениям украинских неонацистов

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ СВО

ISBN 978-5-4484-5275-8